

Юнус Огуз

Тамерлан

Путь к вершине

Книга первая

Перед вами первая книга из серии романов о Тамерлане: **«Тамерлан. Путь к вершине» Юнуса Огуза**, автора многих исторических романов, в том числе **«Аттила»** (2008), **«Надир Шах»** (2009, переведен на английский, издан в Лондоне), известного тюрколога, автора таких трудов, как **«Древняя Анатолия и азербайджанские турки»** (2002), **«Карабах — бесконтрольная зона»** (2003, на английском языке), **«Новый взгляд на историю тюрков»** (2006, книга переведена на фарси, турецкий и русский языки, издана в Иране, Турции и России), научного труда **«Древние турки и теория пассионарности»**.

Новый роман повествует о великом полководце, государственном и общественном деятеле, заявившем о себе всему миру. С самого начала вас ждут интересные, волнующие истории. Листайте...

...Через день дорога, шедшая от основной резиденции, была выложена коврами. Тамерлан со своими приближенными ехал на базар. Впереди выступали зурначи и барабанщики с бубнами. Громкие звуки зурны и удары бубна возвещали о том, что это едет сам Тамерлан. Впереди тащили переносную виселицу. Люди, видевшие виселицу, понимали, что будет что-то интересное, стекались к обочинам дороги, приветствовали Эмира и его приближенных.

...Хотя был уже полдень, Мираншах все еще спал. После вечернего кутежа он взвалил на плечо приглянувшуюся рабыню, отнес к себе в спальню. Он даже не посчитался с тем, что его умная и красивая жена Ханзада находится во дворце и ждет его. Вообще, после того, как во время похода в Багдад упал с лошади, он совсем изменился. Для него не осталось ничего святого, он ничем не гнушался, никого не опасался.

...Когда около трех тысяч воинов приступили к работе, никому из них в голову не могло прийти, что через несколько часов будет готов проход под снегом шириной в пять человек. Тамерлан подумал: «Надо будет научить всему этому внуков. Они должны понять, что в жизни нет тупиковых ситуаций. А если и попадает в тупик, то только в мыслях. Но если хорошо подумать, можно найти выход из любого тупика».

Юнус Огуз

ISBN 978-5-93883-182-7

9 785938 183182 7

Юнус Огуз

ТАМЕРЛАН

Путь к вершине

Книга первая

Москва

Издатель Воробьев А.В.

2012

УДК 82
ББК 84(5)
О-39

Перевод *Али Саидова*
Редактор *Оксана Буланова*

О-39 ЮНУС ОГУЗ

Тамерлан. Путь к вершине. Книга первая / Пер. Али Саидова. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2012. — 260 с.

ISBN 978-5-93883-182-7

Увлекательный исторический роман из серии «Тамерлан». Первая книга «Тамерлан. Путь к вершине» повествует о первой половине жизни Тамерлана и завершается его походом на Индию, когда он стал уже общепризнанным великим полководцем. Знаменитое Анкарское сражение с Ильдрымом Беязитом, от которого так хотел избавиться Папа Римский, еще впереди.

Автор очень умело описывает противоречия характера Тамерлана: ум и жесткость, метания между любовью и ненавистью; тонко отражает его главные черты: умение подавить железной дисциплиной любой хаос, отражает блестящие способности великого полководца не только как тактика, но и как стратега, составлявшего гениальные планы предстоящих сражений.

В романе автор использовал богатые этнографические материалы, факты из исторических источников о Тамерлане XIV–XV веков.

Роман рассчитан на широкий круг читателей, в том числе интересующихся военной историей и Средними веками.

© Юнус Огуз, 2012.

ISBN 978-5-93883-182-7

© Издатель Воробьев А.В., 2012.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Сдано в набор 16.11.2011. Подписано в печать 08.12.2011. Формат 60х88/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 16,25. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 1.000 экз. Заказ № 062

Издатель Воробьев А.В. 7720376@mail.ru

117321, г. Москва, ул. Профсоюзная, 140–2–36. Тел. **772-03-76**

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595

ТАМЕРЛАН

Путь к вершине

Книга первая

ПРОЛОГ

Заря занималась, соскальзывая с темноты, следом за ней золотистые лучи восходящего солнца сдергивали ее с земли. Новые страницы истории писались новым днем. Хотя утро было морозным, на небе не было ни облачка, день обещал быть теплым. Полевые травы и цветы, поднимая головы, подрагивали, птицы, как бы здороваясь друг с другом, летали взад-вперед. Пока приятные звуки вокруг состояли только из пения птиц. Этим местам было столько же лет, сколько и Земле. Однако, от того, что каждое утро было похоже на предыдущее, темнота уступала место свету, начинался новый день. И этот новый день Земли в этом месте состоял из не имеющего конца края военного лагеря. Хотя день и начался, в лагере он еще полностью не начинался. На пики, установленные в виде шалаша, на щиты, повешенные на пики, на тяжелые металлические доспехи и оружие вокруг шатров, поставленных группами вкруговую, выпала роса.

И прямо здесь один из охранников спал стоя, опершись на пику. Покрытые войлоком груженные повозки стояли в ряд, а в некоторых местах задками друг к другу. Над некоторыми шатрами курился дымок. Войлок, которым были покрыты шатры, намок от росы и теперь блестел под лучами восходящего солнца.

В лагере не было слышно человеческих голосов, но доносились шаги, лай собак, ржание лошадей, стук копыт о землю. Кроме охранников, совершающих омовение для проведения утреннего намаза, и нескольких слуг все остальные спали. Даже привыкшие рано вставать все еще не хотели подниматься. Через некоторое время прозвучит утренний азан, все поднимутся на намаз, в лагере раздадутся звуки бубнов и карнаев, жизнь закипит. Каждое утро было шагом вперед. А что было впереди, совсем впереди? Об этом знали только те, кто там был.

Из нескольких вспомогательных шатров на краю лагеря стали доноситься звон казанов, половников. Повар Мамед, привыкший вставать очень рано, вышел из шатра и с удовольствием потянулся.

- Гюльахмед, иди полей мне воды, умоюсь и начну работу, - обратился он к кому-то.

Из шатра вышел поджарый, среднего роста молодой парень лет двадцати трех-двадцати пяти и с уважением чуть поклонился повару.

- Доброе утро. – Потом повернул лицо к солнцу, прищурившись, потянулся, жадно вдохнул морозный воздух. – Да, сегодня будет солнечная погода, чуть согреем косточки.

Повар Мамед усмехнулся:

- В этом возрасте ты греешь косточки, в сорок лет, чтобы погреть спину, будешь сидеть возле печи. – Наклонился, протянул мясистые руки: – Иди полей мне.

Гюльахмед, взяв у шатра кувшин серебристого цвета, подошел к повару, полил на руки. Повар плеснул воду на лицо. С покрасневшимся от холодной воды лицом повар разогнулся и дал следующее указание.

- Разожги огонь под казанами!

Повар Мамед снял с пояса кушак, вытер руки и лицо, затем вновь завязав его, вошел в шатер. Через некоторое время он вынес из шатра туши баранов, которые были зарезаны с вечера. По одному развесил на острых кольях. С другой стороны шатра, рядом с казанами стоял большой пень для разделки мяса, вымытый и подготовленный еще с вечера. Повар снял одну тушу и положил на пень. Взял два больших ножа и начал их точить друг о друга. Потом приблизив блестящее лезвие к туше, произнес «бисмиллах».

Движения были быстрыми и ловкими. Чувствовалось, что он мастер своего дела. Через несколько минут туша на пне превратилась в грудку мяса. Повар Мамед положил в кипящий казан жирные куски баранины и взялся за новую тушу. Это была его работа и основная обязанность.

...Были еще двое, кто не спал до утра. Разговор двух людей, начатый еще вечером у костра, пока не завершился. На одном из них была большая конусовидная папаха из войлока. Специальные лопасти, пришитые сзади папахи, ниспадали до плеч. Это было сделано

для того, чтобы защищать спину от дождя и ветра. У него была привычка носить в ухе круглую серьгу. На ногах были высокие, сшитые из кожи сапоги. Хотя лицо было суровым, глаза узкими, взгляд их тем не менее был выразительным и осмысленным. Прямой нос придавал лицу вид топора. Взгляд был суровым и решительным. Ростом хотя и небольшой, но стана крепкого. Бурая борода была аккуратно подстрижена. И хоть на момент беседы он был прост, это, тем не менее, был сам Великий Эмир. Все, кто его видел, часто рассказывали о его сметливости, доблести в бою, решительности и суровости. В одном из боев он получил тяжелое ранение правой ноги и правой руки, поэтому хромял, а два пальца на руке не работали. Но несмотря на это, он не сторонился боя и всегда вступал в него.

Подергивая иногда тонкую бороду, он слушал сидящего перед ним и думал. В этом разговоре собеседником был его сторонник, старый уstad¹ Сейид Берке. Длинная борода и белая чалма этого человека, от которого веяло благородством, придавали ему особую прелесть. Сейид, время от времени ворошивший палкой угли в костре, выглядел озабоченным.

У костра, разожженного неподалеку от шатра, эти двое сидели рядом на рогожах из камыша. Охранники, стоявшие в пятнадцати-двадцати шагах, с вниманием и интересом смотрели на них. Это была их обязанность. Великий Эмир еще с ночи приказал никого к ним не пускать, даже самых близких.

Из разговора чувствовалось, что в некоторых вопросах Эмир с устасом не соглашался, его лицо, покрасневшее на морозе и от жара костра, стало еще более красным. Но возражал он не повелительно, а тихим, спокойным голосом. Уstad в очередной раз поворошил палкой угли в костре.

- Курултай² тебя избрал Великим Эмиром. Что ты намерен делать после этого?

Тамерлан почувствовал, что разговор, начатый еще ночью, подошел к самому серьезному моменту, и не стал медлить с ответом.

- Объединю весь Туран! Верну Турану прежнее могущество!.. – Эмир замолк, почувствовав на губах устада, затерявшихся в бороде,

¹ Мастер, учитель

² Сходка, собрание, съезд

тихую усмешку. - Говоришь, у меня не хватит сил для этого? – недоверчиво спросил он.

- Хватит, но... - Сейид немного помолчал. – Но Туран слишком велик, на востоке простирается до моря, на юге окружен Индией, на севере земли Орды простираются до столицы Московии. На западе граничит с землями халифа неверных Папы. Разве это не много?

Эмиру вновь захотелось возразить устеду.

- Пусть будет так, устед. Но и длина моего меча может достать те места, о которых ты говоришь. Потому что у меня есть верная мне сильная армия.

Сейид, сидевший скрестив под себя ноги, вытянул одну. Рукой осторожно помассировал затекшее колено, посмотрел на собеседника.

- Я ни в коей мере не ставлю под сомнение длину твоего меча. Но для этого надо успешно решить множество вопросов.

Тамерлан понял, к чему он клонит. Предусмотрительно поднял левую руку:

- Знаю, устед, что ты скажешь. Скажешь, что для этого нужно много денег, золота.

Устед подтвердил его слова.

- Верно. Для этого нужно много золота. Поэтому Шелковый путь должен быть у тебя в руках. На всех дорогах нужно навести порядок. Сейчас на Шелковом пути настоящий хаос. Каждый, имеющий силу, грабит караваны или берет невыносимую мзду. Но для того, чтобы контролировать Шелковый путь, Туран должен полностью перейти под твоё подчинение, твой меч и господство должны быть всесильными. В противном случае... о Туране говорить не имеет смысла.

Тамерлан растерянно посмотрел на него.

- Разве это невозможно?

В запытаных под бородой губах вновь появилась многозначительная улыбка, но Сейид быстро спрятал ее, приняв серьезный вид.

- Конечно, возможно! Ты правильно поступил на курултае, посчитав, что не достоин быть ханом, и ограничился званием эмира. Это хороший намек людям из рода Чингисхана. И еще: основной вопрос не в звании, а в том, на чьей ты стороне сегодня.

От этих слов устада Тамерлан почувствовал легкое опьянение, вытянул из-под себя левую ногу, протянул в сторону костра и жизне-радостно сказал:

- Верно говоришь, устад, сила не в истине, истина в силе! Там, где есть насилие и меч, там есть сила!

От этих внезапно сказанных слов Сейид Берке растерялся. Он не учил Тамерлана таким вещам. «Откуда у него такие опасные мысли? – подумал он. – Может, в свое время я что-то неправильно ему объяснил? То, что он философ, я знал, но не думал, что он будет думать о таких плохих вещах».

Озвучить эти мысли означало повернуть разговор в нежелательное русло, но кое-что довести намеками, подспудно следовало бы.

- Сын мой, я знаю, что ты – один из избранных Аллахом, - сказал устад, подняв обе руки вверх, - перед его силой и мудростью не устоим ни я, ни ты, ни армия.

Тамерлан понял, что он хотел сказать и устыдился своих слов, сказанных по молодости. Вновь подтянул левую ногу под себя. Вино-вато посмотрел на устада.

- Прости меня, устад! Кажется, я богохульствовал.

Извинение собеседника подняло настроение Сейида.

- Сын мой! – тяжело заговорил Берке с еле ощущающейся печалью в голосе. – Запомни одну истину. Меч никогда не может быть истиной! Но если он работает на нее, это уже сила и с этой силой можно разговаривать.

Тамерлан не совсем понял эту мысль устада, но ее цель осознал.

- Но что надо сделать для того, чтобы полностью завладеть Тураном, устад, подскажи.

Берке этот вопрос ждал как вывод из ночного разговора. Он очень терпеливо и очень долго ждал этот миг. Но он стал спешить, и чтобы держать собеседника в ожидании, опять стал ворошить угли в костре. Чуть погасший костер вновь разгорелся. Почувствовав, что Тамерлан внимательно смотрит на огонь, переменял тему.

- Видишь этот костер? Ранее он чуть погас. Я повернул угли, они вновь разгорелись. Значит нужно вмешательство со стороны, иначе совсем погаснет. Ты понимаешь?

Эмир на эти мудрые слова восхищенно покачал головой.

- Конечно, понимаю, уstad! Если в любой вопрос вмешиваться, он будет жить, стоять на ногах, если пустить на самотек, превратится в пепел как он. – И Эмир показал рукой на костер.

Сейид остался очень доволен этими словами Тамерлана и незаметно, подняв руки, послал благодарность небесам.

- Слушай внимательно, ибо это в будущем решит твою судьбу, судьбу твоей семьи, государства, Турана.

Сейид перешел на шепот. Теперь его не слышали даже охранники, но по выражению лица молодого Эмира понимали, что это очень важно. Если бы в этот момент Эмир понял, что кто-то из охранников услышал разговор, охранник все рано ничего не запомнил бы. Потому что они не были так грамотны и мудры, чтобы понять суть разговора. У них была своя служба и согласно ей они были глухи и немы.

Сейид, видя, что Тамерлан его внимательно слушает, продолжил разговор:

- Чингисхан, а еще раньше гектюрки³ называли Туран Вечный Эль. Разве можно было стать покорителем, распространить на весь мир тюркский дух и ислам без восстановления этой страны?

Издали вновь послышалось фырканье лошади.

Выстроенные в ряд казаны кипели, приятный запах нарубленного поваром мяса распространялся между шатрами.

Разговор же был нескончаемым. Такое впечатление, будто эта встреча была последней. Сейид Берке, услышав издали идущий запах еды, вздохнул полной грудью.

- Если ты хочешь, чтобы твои костры издавали такой приятный запах, казаны всегда должны быть на огне, несколько моментов должны стать для тебя серьгой в ухе! – Поднял голову, посмотрел на круглую серьгу в ухе Эмира, добавил: - Нет, я не имею в виду обычай, который остался от татар и китайцев. Я намекаю на серьгу мысли.

Тамерлан понял, что уstad сейчас даст ему серьезный совет.

- Чтобы стать завоевателем мира, кроме сильной армии должны быть грамотные и гибкие советники. Ты должен специальное внимание уделять ученым, шейхам, сейидам и улемам⁴. Кроме этого ладить

³ Тюрки, исповедующие тенгирианство

⁴ Ученые-богословы

с купцами и дервишами. Ты всегда должен их защищать! Купцы будут твоими глазами, они будут доносить твои победные вести из одной страны в другую. Созданное мнение порой бывает сильнее и острее, чем оружие. Купцы также смогут хорошо кормить армию. А также сконцентрируют в твоих руках выгодные торговые пути.

А дервиши – это твои хорошо слушающие уши. Если где-то возникнет опасность или поднимутся волнения, они сразу сообщат тебе. Шейхи, сейиды, улемы будут твоим говорящим языком. Будут поддерживать твой джихад⁵ во имя ислама, создавать спокойствие на завоеванных тобой территориях, призывать всех повиноваться Аллаху и его представителю на земле, тебе.

Все услышанное крепко запечатлевалось в и без того хорошей памяти Эмира. Но он был уверен, что наставление на этом не закончено.

- А что дальше, устэд?

- Дальнейшее известно. Армией будешь управлять по законам Чингисхана. Ты знаешь, что тюрки-татары в бою бывают очень дисциплинированными, но в свободное время очень любят вольность. Закон им позволяет эту вольность. А государством будешь управлять по законам ислама, по этим же законам собирая налоги. После того как нейтрализуешь татар и Орду, пойдешь на сердце Турана – Вечный Эль, Азербайджан. Дашь западу немного отдохнуть, пойдешь на восток и юг. Да-а, вот там, завоевав Индию, которая нам осталась в наследство от Чингисхана и династии Газневи⁶, ты станешь богатым. Затем снова пойдешь на запад, на самую воинственную ветвь Турана, приведешь к повиновению османов. После этого можешь вздохнуть спокойно. После того, как все это будет сделано, будет создано тюрко-исламское единство. Не создав этого единства, идти на гяуров⁷ было бы безумием. Потому что из не завоеванных тобой тюркских территорий можно всегда ожидать опасности.

Устэд замолк. Как будто неожиданно появившиеся советы иссякли.

⁵ Священная война, борьба с неверными, язычниками

⁶ Государство тюрков-Огузов

⁷ Неверных, иноверцев

Жесткий взгляд собеседника был устремлен вдаль. Ему казалось, что совсем издалека, там, где встает солнце, слышался волчий вой. Но на самом деле его ушей достиг звук азана. Божеская сила этого звука заставила его встать.

- Бисмиллах рахманир рахим⁸, - сказал он и встал. В тоже время эта фраза была произнесена для начала большого пути.

ГЛАВА 1

Самарканд, 1398 год.

Тамерлан беспрекословно следовал законам, оставшимся после Чингисхана, в частности, запрещал тюркам жить в городах. В городах дух тюрков слабел. Настоящий тюрк должен жить на равнине, вдыхая запах полыни, должен работать с мечом. Тамерлан относился к горожанам с недоверием. Живя большую часть своей жизни в шатрах, в бескрайних степях и горах и скача на лошадях, он в этом духе вел и войны, не знавшие поражений.

Раньше ему никогда не приходило в голову, что когда-то у него будет свой собственный город, и не пройдет много времени, как Самарканд станет самым крупным в мире торговым и политическим центром. А однажды, когда его шурин Эмир Гусейн решил обосноваться в Балхе, Тамерлан попытался его переубедить, но в 1369 году, в бою с ним, после того, как побежденный Эмир Гусейн был убит, он женился на вдове шурина, принцессе Сарай Мюльк, дочери хана Джагатая из рода Чингисхана и тут же в Балхе созвал курултай.

На состоявшемся восьмого апреля курултае участвовали представители аристократии, беки, главы племен, соратники и даже те, кто раньше был противником. Присутствовали на курултае и очень уважаемые лица – Эмир Шейх, Байан из династии Сулдуз, Эмир Ульяти, Эмир Кейхосров из уруга⁹ Хатлан, Эмир Давуд из уруга Дуглат, Эмир Сарбугай из племени Джалаир, Эмир Джаку из племени Барлас, Эмир Зинда и другие. По древнему тюркскому обычаю, Тамерлана, сидящего на белой кошме, три раза приподняли вверх. После ритуального

⁸ Именем Аллаха милостивого и милосердного

⁹ Области

слова устада Сейида Берке «салават» его объявили Эмиром. С того момента он уже считался Эмиром удела Джагатая.

На трон хана Джагатая формально посадили Сургатмыша, а после его смерти в 1388 году на трон был посажен его сын Султан Махмуд. Потому как Тамерлан был женат на Сарай Мюльк, его называли зятем Великого хана. Это звание позволяло Тамерлану единолично управлять всем уделом Джагатая.

После того, как он был объявлен Эмиром, Тамерлан стал задумываться о многих вопросах. Он прекрасно понимал, что дело не может ограничиться лишь тюрками, зиму проводившими на зимних пастбищах, лето – на альпийских лугах. Для общения с оседлыми народностями, для управления государством необходимо иметь столицу. А в столице для управления государством должен быть диван¹⁰ и его руководитель. Наряду с руководителем необходимы были один заместитель, арчы бей, первый визирь, контролирующий земельные, таможенные вопросы, пошлины, правопорядок, второй визирь по вопросам обеспечения продуктами воинов и оплаты их службы, третий визирь по вопросам дисциплины и наследству в армии, четвертый визирь по управлению дворцовыми затратами. Но прежде всего нужно было определить столицу.

Тамерлан все это хорошо понимал, он много думал на эту тему. Сначала он хотел сделать для себя столицей Кеш, где он провел молодость и где беком в племени Барлас был его отец Таргай, но потом переменял это решение. Потому что идея создания большой империи не может вместиться в маленький город – Кеш был слишком мал. В то же время не был легендарным. Столицей должен был стать город, который смог бы восстановить былую славу. Таким городом мог стать лишь Самарканд, полный мифами и легендами, город Алп Эр Тонга, жившего до Александра, в «Шахнаме»¹¹ упоминавшегося как Афра-

¹⁰ Высший орган власти в исламских странах.

¹¹ Шахнаме — «Книга царей», «Книга о царях», «Царь-книга» — выдающийся памятник персидской литературы, национальный персидский эпос. В «Книге царей» описывается история Персии от древних времен до проникновения ислама в VII веке. Шахнаме — это название прозаических и стихотворных сводов, самым значительным из них является эпопея Фирдоуси, написанная примерно в 976-1011 гг.

сияб. Именно в этом городе пьяный Александр Македонский убил друга детства Клитани. Самарканд, находящийся на Шелковом Пути, издревле славился золотом и серебром. Издревле производившиеся в городе различные изделия, пахучие масла были популярны даже в Китае. Белые гунны, а потом и гектюрки очень любили этот город. Позднее, когда сюда пришел ислам, арабы называли Самарканд воротами Востока.

Чингисхан не оставил в Самарканде камня на камне. Безжалостно убивали всех, кто попадался навстречу, женщин, девушек насиловали, детей насаживали на пики, многие дома были разрушены, а самое страшное – была сожжена главная мечеть...

Стоило определить Самарканд новой столицей. Город восстановится, станет еще краше, будет расти и развиваться.

Как только Тамерлан выбрал для себя Самарканд в качестве столицы, в первую очередь он подумал о его укреплении. Работа началась с крепостных стен. И в скором времени Самарканд занял место среди таких знаменитых городов, как Султание, Тебриз, Багдад, Каир. А позже и опередил их.

После избрания Самарканда столицей Тамерлан издал указ о восстановлении города, о новом строительстве. За эти годы во всех уголках города были заложены сады, возведены дворцы. Специалисты, приглашенные в Самарканд со всех концов мира, за короткий срок изменили внешний вид города. На севере Самарканда был заложен не имеющий в мире аналога Северный сад. В 1397 году в честь женитьбы на дочери хана Джете Хызыра Ходжи был заложен сад Ханыгюль. Для принятия послов был разбит сад Дилафша. У нового сада не было аналогов, он был окружен высокой стеной, а по углам возведены башни. Бассейн в саду был весь выложен зеркалами.

Дворец в центре сада окружали различные фруктовые деревья, а сады Чинар и Райский были усыпаны цветами. Наряду с этим Тамерлан вел большие строительные работы в Кеше, Бухаре и других городах. Дворцы, медресе, мавзолеи, мечети росли как грибы после дождя, придавая городам еще большую красоту.

Всех очаровывали в Самарканде Голубой дворец, мечеть Биби ханум, мавзолей Шахи Зинде. Вокруг города цвели сады. Глядя на город сверху, среди буйной зелени можно было заметить многочисленные купола голубого цвета. Все центральные улицы города были

выложены камнем, в конце каждой улицы была площадь. Основные улицы выходили на главную площадь, к Голубому дворцу.

После курултая Тамерлан на все должности посадил своих друзей детства и соратников. В государственной экономической политике у него было два основных направления: регулируемые цены, справедливая мера и рычажные весы. Он прекрасно понимал, что внедрение этого позволит ему добиться успехов во внешней политике. Правитель, не совсем уверенный за внутреннее состояние страны, не должен выходить в поход! Кажется, об этом ему не говорил Сейид Берке.

Увеличение с прошлого года числа караванов, проходящих в Самарканд, вызвало у купцов подозрение и растерянность. Они подозревали, что будет поход. Если он будет, то где будет война? Сперва это обсуждалось втихаря, потом в мозгах у всех купцов прочно засела мысль: поход будет! На самом деле купцы и караванбаши радовались, когда были походы. Нескончаемые походы Тамерлана за несколько лет обогатили купцов Самарканда. Коммерсанты прекрасно понимали, что, следуя за войсками, они могли по дешевке скупать у воинов ценности, затем сперва в Самарканде, потом в четырех сторонах света продавать их по баснословной цене.

- Будет поход, поход будет!

Эта мысль гуляла по улицам, базарам, домам, но никто не говорил о сроках.

Как правило, купцы прекрасно знали, что более всего необходимо во время походов. Когда Тамерлан отдавал приказ о походе, воинам предписывалось взять один шатер на восемнадцать человек, двух коней, лук и стрелы, кольчугу, меч, шило, пустой мешок, мешок соли, заступ, десять игл, нитки, один тулум¹³.

Десятники брали с собой шатер, плетеные доспехи, меч, лук, стрелы, пять коней и кольчугу; сотники также один шатер, десять коней, меч, кольчугу, лук, стрелы, булаву, кас кан¹⁴; тысячники каждый

¹²Руководитель каравана

¹³Бурдюк, который надувался воздухом перед переправой через реку

¹⁴Головной убор из плетеной проволоки, защищающий от ударов меча

по шатру, зонт, возможно большее число доспехов, дротики, пики, мечи, кольчуги, луки и стрелы.

Первый эмир должен взять сто десять коней, второй эмир – сто двадцать коней, третий эмир – сто тридцать коней, четвертый эмир – сто сорок коней. А эмир всех эмиров не менее трехсот коней.

У каждого пехотинца должен был быть меч, лук и стрелы. И запас стрел – кто сколько сможет взять. Их во время боя не должно было быть меньше положенного. Эти законы, установленные Тамерланом, в первую очередь тяжестью ложились на плечи сотников, тысячников и десятитысячников, которые с ответственностью относились к их выполнению. Если бы поход состоялся, возросла бы потребность в зерне и мясе, в конях и ослах.

...Несмотря на мелкий дождь и грязь на улицах, народу было много. Была пятница, но и на базаре было не протолкнуться. Однако многие потеряли интерес к торговле. Тоскливость погоды отпечаталась и на лицах людей. Разговоры, пересуды в последнее время совсем охладили пыл купцов. Хорошо шла работа у торговцев сезонными фруктами, сухофруктами, орешками, лепешками, жареными тут же на круглых дисках. Неплохо шла торговля и в мясных рядах.

Пятидесятилетний управляющий базара, уединившись в своей комнатке, приткнулся в теплой печке и никого не принимал. Ну, примет, ну и что из этого? Он и сам ждал известий из дворца от мужа сестры Тамерлана, правителя Самарканда и управляющего канцелярией Давуд бека. Еще в прошлом году после подпольно организованного большого застолья, изрядно перебравший Давуд бек, заикаясь, проговорился о том, что внук самого Эмира, сын Джахангира Пир Мухамади отправлен на юг для подготовки. Тогда управляющий базара не обратил на эти слова внимания, подумав, что после стольких побед Эмир из Самарканда никуда не выйдет. Однако для походов у него уже подросли сыновья и внуки. Управляющему никак не удавалось поразмыслить глубже, мысли начинали разбегаться. И от Давуд бека не было конкретного указания. Если бы он услышал о походе, сразу бы погрузился в мечты о том, как заработает золото сундуками. И хотя казна его была полна золота, ему все было мало. Нужно было только подтверждение известия.

Теперь управляющий, облокотившись на подушки, подставив бок печи, нежась, ушел в думы. Поэтому не ответил на тихое постукивание по двери. Когда в дверь постучали громче, управляющий нехотя выпрямился

- Кто это там меня утомляет?

В тихо отворившуюся дверь сперва просунулась голова слуги, потом раздался испуганный голос:

- Ага¹⁵, из Ширвана прибыл купец Агбаба. Хочет попасть к вам на прием. Что ему сказать?

Управляющий хорошо знал Агбабу из Ширвана. Знал и о том, что Ширваншах Шейх Ибрагим был союзником Тамерлана. Кроме этого был приказ Эмира: «Всех купцов хорошо принимать и устраивать». Не выполнившие приказ могли поплатиться головой. Более того – многих купцов принимал сам Тамерлан. Поэтому управляющий, не раздумывая, приказа слуге:

- Чего ты ждешь, приглашай уважаемого гостя! – Сам же встал, приосанился, поправил одежду.

Когда купец Агбаба вошел вовнутрь управляющий бросился на встречу, двумя руками схватил его ладонь.

- Добро пожаловать, уважаемый Агбаба! Как поживает Ширваншах Ибрагим? Там все спокойно? С каким грузом ты прибыл на этот раз в Самарканд? Что повезешь обратно?

Купец Агбаба из Ширвана, мужчина лет сорока, сорока пяти, ходил с караванами от Москвы до Дели, от Самарканда до Каира. Его, помимо всего прочего, знали как человека очень информированного, как буквально кладезь секретов.

Купец Агбаба, прищурившись, посмотрел на управляющего базара, улыбнулся и, не снимая меховую шубу, опустился на предложенные подушки. Он прекрасно понимал смысл заданного вопроса. То есть что ему поручил Ширваншах? Какие поручения Эмир дал Ширваншаху? Но все это нельзя было озвучивать – это не отвечало его интересам. Кто такой этот управляющий базара, чтобы из-за него идти на плаху? Но для того, чтобы самому кое-что разузнать, что-то надо и сказать.

¹⁵ Уважительное обращение

- У Ширваншаха Шейха Ибрагима все нормально и, благодаря Великому Эмиру, да продлит Аллах его годы, изо дня в день становится все лучше. По мере улучшения положения населения и государства мы тоже ведем в Самарканд караваны.

Подобного рода ответ означал, что сын Эмира Мираншах не очень-то способен вмешиваться в дела Ширваншаха. По этой причине отношения Ширваншаха и Эмира не испорчены, Ширваншах остается его надежным соратником. Управляющий тоже был не лыком шит, не вдаваясь в подробности, по простым ответам на простые вопросы должен был понять, что в Ширване тоже что-то готовится. А если эта подготовка имеется, значит, в скором времени поход может начаться и из Самарканда. Он делал это отнюдь не из шпионских соображений – управляющего интересовали только золото и серебро. Он всегда собирал информацию у приезжавших и уезжавших, зарабатывая тем самым большие деньги.

Управляющий оскалился на поверхностный ответ купца.

- Да, прекрасно, прекрасно. Дай бог, чтобы между нами всегда было дружелюбие. Да, я не спросил, вы что-нибудь выпьете?

Агбаба перебил его.

- Нет, нет, спасибо! В караван-сараяе я поел горячего супа. Моя же просьба к вам – взыскать пошлину за привезенные товары и разрешить их продажу. – Купец Агбаба, не дожидаясь ответа, сунул руку во внутренний карман шубы, вытащил мешочек, полный золотых монет, развязал его и положил на ковер перед управляющим. – Пожалуйста, я свое дело знаю, здесь больше чем надо.

Управляющий, у которого при виде золота загорелись глаза, схватил мешочек, не считая деньги, спрятал в стоящий рядом сундук. Здесь в таких делах никто никого обмануть не мог.

- Хорошо, а что ты привез?

- На этот раз это хорошая кожа, дубленые шкуры.

- К-о-ожа! – управляющий, растягивая букву «о», странно сжал губы, и с удивлением спросил:

- Сколько верблюдов?

- Двести пятьдесят.

Глаза управляющего чуть не вышли из орбит.

- Двести пятьдесят?

- Да, двести пятьдесят.

Управляющий с трудом выговаривал слова.

- Зачем тебе столько кожи? На наших базарах ее больше чем достаточно.

А про себя подумал, что догадки его не обманули: поход будет. Все купцы привозили в Самарканд все необходимое для войны.

Беспечное выражение лица купца не изменилось.

- Не знаю, был заказ, я привез.

- А что повезешь в Ширван?

- Старинные вещи, изделия из золота и серебра, фарфоровую посуду. Короче, все, что хорошо продается по ту сторону Хазара¹⁶.

Полученная управляющим информация была достаточна для подтверждения его догадок. Теперь основной задачей было ждать вестей из дворца. Поэтому больше ни о чем не спрашивая у купца, вытащил из сундука по левую руку лист китайской бумаги и печать. И делая вид, что это был просто разговор, улыбнувшись, тиснул круглую печать на разрешение для купца. Потом двумя пальцами поднял листок, дунул на него, чтобы чернила быстрее высохли, протянул Агбабе.

- Возьми, ага, Аллах тебе в помощь. Чтобы на твоем блюде всегда был хлеб!

Купец взял бумагу, мельком взглянул на нее, убедившись, что чернила высохли, сложив, спрятал во внутренний карман шубы, встал и поблагодарил управляющего.

- Пусть Аллах всегда будет доволен вами, ага! Каждый раз, когда я бываю здесь, вы всегда решаете мои вопросы. Поэтому на это раз я хотел бы...

Увидев, что управляющий встал и уставился на него, купец оборвал фразу. Как получилось, что управляющий не обратил внимания на прекрасную меховую шубу купца? «Вся торговля мира проходит через Самарканд, а они одеваются лучше нас», - подумал управляющий.

Агбаба словно читал его мысли.

- Да, я вот о чем, ага... Каждый раз, когда я бываю здесь, вы встречаете меня с большим уважением, поэтому я привез вам в пода-

¹⁶ Каспийское море

рок меховую шубу. Очень прошу вас принять этот маленький подарок. Он в вашей приемной, в мешке. Прикажите слуге, пусть принесет.

Управляющий не поверил своим ушам. Такой дорогой подарок невозможно было получить и от самого эмира.

- Ага, ну зачем так себя утруждать?! – Сказав это, он крикнул слуге: - Эй, ты, принеси мешок гостя из приемной!

Дверь отворилась и тут же затворилась. Слуга внес мешок и положил его к ногам управляющего. Купец наклонился и развязал мешок. Вытащил из мешка шубу, сшитую из дорогих мехов, потряс ее, расправляя. Потом накинул на плечи управляющего. Отошел, глянул на сверкающий мех.

- Браво, носите на здоровье, как будто на вас шито. Достояна султанов.

Агбаба умышленно не использовал слово «хан». Ибо знал, что здесь хан и эмир ставится намного выше, чем шах или султан.

Управляющий вновь стал благодарить купца.

- Да продлит Аллах твои годы, ага! Чтобы руки твои никогда не были пусты!

Когда купец Агбаба попрощался с управляющим и вышел, слуга постучался вновь, потом, не дожидаясь разрешения, просунул голову в проем двери.

- Ага, из дворца пришел человек, пригласить?

Управляющий, еще не пришедший в себя от такого подарка и даже не присевший, вдруг замер на месте и его охватило волнение. Ему даже не пришло в голову снять шубу. Походил по комнате, обернулся к голове, торчащей из двери.

- Чего ты ждешь, сукин сын, конечно зови, пусть идет!

Голова в двери исчезла, чуть позже створки распахнулись, гонец из дворца вошел в комнату. Это был слуга Давуд бека. Он передал управляющему бумагу и, не спрашивая разрешения, ушел.

Сразу развернуть листок духа не хватило. Потом этот маленький листочек начал буквально жечь руку управляющего. После этот жар перешел на пальцы, затем разлился по всему телу. Управляющий почувствовал, что эта записка решит его судьбу. Потом, не раздумывая, развернул. Там была всего одна фраза: «Будет поход, готовься!».

Управляющий сжал записку в руке. Уставился в одну точку. Потом бросил листок в печь. Упав на раскаленные угли, клочок бумаги мгновенно вспыхнул. Мысли управляющего были совсем далеко. Он не отрывал взгляда от огня, и, казалось, взгляд еще более разжигает огонь. Наконец он принял решение и приказал созвать к нему главных купцов.

Когда в комнату стали собираться купцы, торгующие кожей, железом, шелком, нитками и другими товарами, управляющий, усиленно шевеля извилинами, удобно сел и, скрестив ноги, стал потягивать кальян. Когда все собрались, он знаком приказал слуге убрать кальян. Купцы, удобно устроившись, приготовились слушать. Управляющий дал краткие и конкретные указания.

- Прекратите разговоры на базаре! Занимайтесь своими делами! Похода не будет! Уходите!

На купцов, поверивших за последние дни слухам и желавших подороже продавать товары, словно вылили ушат холодной воды. Опустив руки, понурые, они отправились на базар. Как только купцы, придерживавшие товар в ожидании повышения цен, вернулись на базар, они нарушили торговую тишину. Базар ждал, с чем они вернуться от управляющего. Весть о том, что похода не будет, заставила их выбросить весь припрятанный товар на рынки, и, естественно, цены сразу упали.

К вечеру, когда на базаре появился человек, считавшийся доверенным лицом управляющего, этому вначале никто не придавал значения. Собственно, он бывал здесь каждый день, ходил по базару, присматривался ко всему. Но от торговцев не ускользнул тот факт, что Баллы прошел на кожевенный ряд и стал делать покупки. Через некоторое время Баллы начал стремительную торговлю.

- Сколько у тебя кожи?

Торговец, хорошо зная Баллы, не обратил на вопрос особого внимания и равнодушно ответил:

- Двадцать пять верблюжьих вьюков, - сказал он и отвернулся.

- Почем отдаешь?

Торговец обернулся и насмешливо спросил.

- Как будто не знаешь, за двадцать.

- Отдашь за пятнадцать курушей¹⁷, возьму все.

Торговец с выпученными глазами уставился на Баллы.

- Зачем тебе столько кожи? Похода... похода же не будет!

- Какое твое дело? Куплю, брошу собакам на съедение. Так продашь или нет?

Если похода не будет, ждать смысла не имело. А продать оптом было выгодно. Да и скандал здесь был бы лишним расходом. Да и при подсчете это были немалые деньги. Но торговец не забыл о том, что надо торговаться.

- За семнадцать.

Баллы помахал рукой.

- Нет, за пятнадцать, и точка! Ты знаешь, что беру не для себя. Хозяин поручил. Он тоже для кого-то берет. Не продашь ты, куплю у другого. Ты слышал...

- Что?

- Из Ширвана пришел караван с грузом кожи. Двести пятьдесят верблюдов с поклажей. Если завтра выбросят на базар, даже за пятнадцать не продашь. Пока не поздно, соглашайся.

Торговцу ничего другого не оставалось.

- Хорошо, за пятнадцать так за пятнадцать. С помощью Аллаха! Для согласия протянул руку Баллы. Баллы вытащил из-под кушака мешочек с золотом, пересчитал.

- Держи деньги, как стемнеет, слуги придут и заберут товар.

Таким образом Баллы обошел купцов, торгующих кожей, железом, нитью, договорился с ними. У кого какой товар был, все скупил по низкой цене. Под его руководством ночью все товары были перенесены в амбар управляющего. Несмотря на настойчивость Баллы, только купец Агбаба отказался продать свой товар. Он знал, что у него есть заказчик, которому товар доставлен из Ширвана...

Наутро базар гудел как растревоженный улей. Весть разнеслась со скоростью молнии. Поход будет! Как только купцы получили эту весть, на базаре поднялся гул, в воздухе разлилось напряжение. Купцы начали искать товар, необходимый для похода, но ни у кого ничего не осталось.

¹⁷ Разменные монеты

Теперь наступал момент для зарабатывания денег управляющим. Десятники, сотники ходили по базару, но когда видели то, что им нужно за чересчур высокую цену, ворча себе под нос, уходили. А цена товаров, необходимых для войны, безудержно росла. К обеду цена кожи с двадцати курушей возросла до пятидесяти...

...Через день дорога, которая шла от основной резиденции империи – Голубого Дворца – была выложена коврами. Тамерлан со своим приближенными ехал на базар. Впереди выступали зурначи и барабанщики с бубнами. Громкие звуки зурны и удары бубна возвещали о том, что это идет сам Тамерлан. Впереди музыкантов двое несли переносную виселицу. Люди, видевшие виселицу, понимали, что будет что-то интересное, стекались к обочинам дороги, приветствовали Эмира и его приближенных.

Рядом с Эмиром был его четырехлетний внук Улугбек. Несмотря на юность, он гордо сидел на коне. Позади Тамерлана ехали его соратники Жаку бек, Сейфеддин бек, Ардешир Гавчин, члены совета Сан Буга бек, Гусейн Барлас, Аг Буга бек, правитель Самарканда Давуд бек. Когда процессия дошла до базара, Тамерлан натянул поводья. Музыканты и барабанщики замолкли. Все ждали, что же произойдет. Управляющий базаром подбежал, поприветствовал Тамерлана, поцеловал стремя с правой стороны, отошел и преклонил колени. Эмир некоторое время, прищурившись, смотрел на него и людей. На кого именно смотрел он, было неясно. Наступила тишина. Было непонятно, для чего Тамерлан пришел на базар. Затянувшуюся тишину нарушил чей-то величественный голос.

- Эй, негодяй, где этот плут?

От вспыльчивого возгласа Эмира у управляющего пересохло в горле. Не понимая, что происходит, он поднял голову и залепетал:

- О ком... вы... говорите, хозяин?

Голос Тамерлана стал еще тверже, загремел на весь базар:

- О твоём помощнике, негодяе Баллы! – И приказал одному из телохранителей: – Быстро найди его. Из-за него мы прибыли на базар. Пришли, чтобы устроить суд, принять справедливое решение, а его нет. Найди его!

Несколько телохранителей бросились в толпу. Собравшиеся вокруг люди были в полной растерянности. Никто ничего не понимал,

но и спросить друг у друга не решались, только молчали. Более того, боялись даже поднять голову, чтобы не напороться на гнев Тамерлана. Все внимание было приковано к управляющему. Все были уверены в одном – управляющему пришел конец. Прошло немного времени, как приволокли Баллы и бросили к ногам коня Эмира. Помощник управляющего так и стался лежать ничком.

Он не был даже в состоянии поприветствовать правителя. Эмир с ненавистью посмотрел на него, перевел взгляд на телохранителей. Это означало: поднимите его. Двое, завернув Баллы руки, подняли его.

Голос Тамерлана, казалось, разрушит базар:

- Почему народ с толку сбиваешь, негодяй!? Или ради наживы готов пожертвовать жизнью? Разве не ты отдал приказ поднять цены выше установленных? Обманываешь купцов, говоришь, похода не будет, снижаешь цены, потом распускаешь слух о том, что поход будет, и скупленные товары поднимаешь в цене в пять раз. Отвечай, шельма, кто тебя научил? Ты до такого не додумаясь.

Баллы поднял голову, изумленно посмотрел на правителя. Он был бледен как смерть, язык присох к небу.

-Я-я-я не ви-но-ват, клянусь, не виноват, о правитель. Как мне приказали, так я...

Он не договорил. От страха и волнения он трясся, рыдания душили его. Был уверен, что ему пришел конец. И как бы в последний раз оглядел собравшихся.

На самом деле Тамерлан прекрасно знал, кто стоит за этим. Он просто хотел довести это до всех, заставить их уважать законы, привить страх. Для этого стоило устроить суд на базарной площади. Он знал и то, чье имя назовет Баллы, но народ должен был услышать это от него самого.

- Ну что, язык отсох? Сейчас прикажу тебе в глотку налить раскаленного свинца, тогда быстро заговоришь. Говори, кто тебе приказал! – посмотрев на окружающих, крикнул Эмир.

Баллы словно язык проглотил, будто в горле кусок застрял. Вытаращив глаза, оглянулся на управляющего, стоящего на коленях перед конем Эмира.

Тамерлан нагайкой указал на управляющего.

- Этот? Управляющий?

Баллы вдруг с трудом кивнул отяжелевшей головой. А все еще стоявший на коленях управляющий напоминал чучело. В этом виде он ничем не отличался от пугала в огороде, установленного для распугивания птиц. Он чувствовал на себе жесткий взгляд и таял, как снег на жарком солнце.

Вдруг он свалился в ноги коня и завыл:

- О правитель, пощади, я не виноват, не виноват!

Тамерлан гневно посмотрел на него, потом повернулся к народу.

- Люди, если человек первый раз совершает ошибку, его можно вернуть в веру, простить, - громко сказал он. – Однако если эти ошибки становятся привычкой, его никогда нельзя простить. Разве не так?

Не ожидая ответа, он опять повернулся к управляющему.

- Ты делал маленькие ошибки, мы знаем это, но закрывали глаза. Мы считали, что нельзя наказывать человека за мелкие ошибки. А оказалось, что мелкие ошибки такого жулика, как ты, открывали дорогу большим грехам. Да, все большие дела начинаются с маленьких. Если бы мы не закрывали глаза на твои мелкие ошибки, сегодня ты не совершал бы больших грехов.

Тамерлан нагайкой указал на управляющего и обратился к народу:

– А результатом стало то, что этот негодяй пошел против дел государства, бросил тень на нашу политику. Скорее всего и тебя кто-то научил, кто-то стоит за тобой, раз ты отважился нарушить мой приказ. Говори!

Управляющий как лежал, так и не смог двинуться.

- Где правитель Самарканда? – спросил Тамерлан у приближенных, не отрывая гневного взгляда от управляющего. – Не ожидая ответа, приказал телохранителям, указывая на управляющего: - Поднимите его!

Два телохранителя проворно подскочили, взяли под руки управляющего, подняли. В этот момент Давуд бек соскочил с лошади, побежал к Эмиру, опустился на одно колено.

- Я здесь, правитель!

Несмотря на то, что правитель Самарканда был его ближайшим родственником, жесткости в голосе Великого Эмира не убавилась.

- Разве не ты отвечаешь за этот город? Перед твоими глазами происходят такие безобразия, почему не видишь? Ну? У этого могут быть две причины: или ты в сговоре с управляющим, или ты не на месте, бездарен. Я бы хотел, чтобы ты был бездарным.

Давуд бек не растерялся.

- Мой правитель, да продлятся твои годы! Когда я получил указание, отправил управляющему записку, чтобы он готовился.

- Что было в записке?

- Будет поход!

Эмир, поняв, что ближайший родственник избавился от веревки на шее, глубоко вздохнул. Но слова Давуд бека должен был подтвердить и управляющий. В противном случае население города неверно поняло бы это. Поэтому он крикнул управляющему, который еле держался на ногах, поддерживаемый телохранителями.

- Скажи, правду говорит Давуд бей? Посылал он тебе такую записку?

Голова управляющего, едва державшаяся на шее, мотнулась в знак согласия. Нагайка Эмира решительно указала на управляющего и Баллы.

- Кто нарушит указ, кто грабит народ, предаст страну, скроет правду, его судьба будет такой! Суда справедливости избежать нельзя. Я объявляю свое решение: повесить!

Толпа как будто ждала этого момента, взорвалась аплодисментами, возгласами, прославляющими Эмира.

Глашатай, занимающийся мобилизацией и обеспечением армии, воодушевленно закричал:

- Слава Великому Эмиру!

- Таким бывает справедливый, великий правитель!

- Где есть справедливость, там есть добро и изобилие!

Когда телохранители начали тащить к виселице, давно ожидающей своих жертв, этих двоих, окаменевшими взглядами взирающими на происходящее, управляющий словно очнулся.

- Правитель, я ни в чем не виноват, мне многое надо сказать тебе. Люди, это все игра, меня сделали козлом отпущения! – из последних сил крикнул он.

Но среди грома аплодисментов и восторженных криков толпы этот крик не был слышен. На самом деле своей алчностью управляющий давно сунул голову в петлю, Великий Эмир лишь объявил о своем решении. Если за ранние прегрешения управляющий не получал наказания, значит тогда надо было так. А теперешняя расплата за недостойные игры была логическим наказанием за предыдущие прегрешения. Какое значение имели подробности? Главным была суть. И за эту суть Эмир считал приемлемым отдать одного жулика в жертву государственной политики. В стране, которая собиралась воевать, держать на высоких должностях подобных людей было недопустимым. Это решение должно было создать долговременную стабильность в столице империи.

Великий Эмир и его приближенные, повернув коней, направились во дворец. И хотя они уже были далеко, за ними остался поучительный след: на виселице болтались трупы управляющего и его помощника.

В четырехэтажном дворце все готовились к походу. Темп жизни дворца и заботы полностью изменились. Все бегали, куда-то торопились. В подвале мастеровые спали по очереди, кузнечные меха не останавливались, не прекращался звон молота о наковальню. И хотя от звуков ударов молота у кузнецов болела голова, работа ни на минуту не останавливалась. Все занимались изготовлением оружия. Этот подвал считался основным оружейным цехом Тамерлана. Здесь ковали мечи, пики, щиты, стрелы, булавы, шлемы, доспехи и многое другое. Потом все это проверялось, испытывалось, затем сдавалось на склады.

Один из подвалов был монетным двором правителя. Оборот денег в империи начинался отсюда. Здесь чеканились монеты, которые распространялись по всему миру.

В соседнем подвале содержались самые опасные противники Эмира.

Оживление было и в верхней части дворца, даже в женской половине: женщины тоже готовились к походу.

Еще в молодости, когда Тамерлан женился на Олджай Ага, она родила ему сына Джахангира. Еще до курултая во всех походах наравне с Тамерланом делившая трудности и невзгоды кочевой жизни, не оставлявшая его ни на миг, Олджай Ага ханум совсем молодой ушла из жизни. А любимый сын Тамерлана Джахангир был убит в одном из боев в 1375 году. Сыновья Джахангира Мухаммед Султан и Пир Мухаммед были любимыми внуками правителя. А жена Джахангира принцесса Севим ханум была выдана замуж за Мираншаха и отправлена в Азербайджан. После смерти Олджай Ага Тамерлан женился на вдове своего шурина Гусейна Сарай Мюльк и сделал ее первой женой своего гарема. Туман Ага, Дурмуш Ага и Тюкель соответственно стали второй, третьей и четвертой. Кроме этих четырех жен Тамерлан больше ни на ком не женился. Тамерлан пережил смерть двух сыновей из четырех – Джахангира и Омара Шейха (1391). Из оставшихся в живых Мираншах управлял Азербайджаном (с перерывами), а Шахрух – Хорасаном с центром в Герате. Тамерлан отнюдь не держал своих детей при себе и не холил их.

Женщины прекрасно знали, кто из них пойдет с Тамерланом в поход. Но, несмотря на это, готовились все. Никто не понимал окончательного решения Тамерлана, его назначения и указы или менялись, или же откладывались. Как правило, Тамерлан, отправляясь в поход, брал с собой всех жен, однако за несколько дней до боя оставлял одну, остальных отправлял в безопасное место. После победы опять звал их к себе, включая внуков.

Учитывая, что этот поход должен был проходить через труднодоступные и скалистые территории, он предварительно принял решение взять с собой только одну жену. Но, несмотря на это, женщины готовились провожать Эмира. Женщины дворца шили себе одежды из шелка, тонкой шерстяной ткани тирме и атласа, цвета выбирали по вкусу. Самым популярным из головных уборов был колпак, который украшался изумрудами, алмазами и другими драгоценными камнями. Из-под колпака опускалась вуаль для прикрытия лица. На кончике колпака красовался небольшой шарик, завершающийся мягкими птичьими перьями. Концы перьев, закручиваясь, падали вниз. Для придания лицу большей красоты эти перья иногда опускались до глаз.

Женщины надевали ниспадающие длинные платья, или юбки-фистан. Подол платья расшивался золотыми нитями. В зависимости от сезона поверх платья надевали наплечные накидки из тирме или бархата.

Сарай Мюльк, дабы показать свое господство, часто давала указания другим женам, поочередно называла необходимые вещи, которые должны были укладываться для похода Эмира, часто повторяла, затем проверяла исполнение. На самом же деле обеспечение похода к женщинам никакого отношения не имело. Просто это делалось для поддержания собственного авторитета, из претенциозности и высокомерия, и никто этому не противился. Тюкель, со стороны с сарказмом поглядывавшая на Сарай Мюльк, но не отваживавшаяся, однако, что-либо сказать, свою ненависть проявляла только в мыслях. Только посмотри на нее! Отдает такие приказания, будто она пойдет с Великим Эмиром в поход! Не утруждай себя, все, что надо, сделано, все давно определено. Ее свиное лицо не увидит ни одной победы! Великая ханум Сарай Мюльк тоже исподтишка поглядывала на Тюкель. От ее смышленного взгляда не ускользнуло, что младшая ханум ведет себя достаточно спокойно и довольна собой. Но что она могла сделать? Приказ правителя был категоричным: в поход пойдет только одна из жен!

Тем не менее, она продолжала приказным тоном:

- Младшая ханум, - со злостью обратилась она к Тюкель, - все в порядке? Да, запомни, Великий Эмир очень не любит, когда у него перед глазами часто мелькают, об этом даже не думай. Когда захочет, сам придет к себе.

Тюкель ханум, хотя и поняла злобный смысл этих слов, однако воздержалась от резкого ответа, ограничившись кивком в знак согласия.

- Как вы сказали, я так и сделала, Великая ханум.

Давно понимая выбор Эмира по его поведению, проявление осведомленности, тем не менее, могло взъярить Великую ханум. Поэтому, засмеявшись, она посчитала свою миссию завершенной.

Другие жены тоже не стали воздерживаться от реплик. Дурмуш ханум, по красоте не уступавшая Тюкель, тоже ее подколола:

- Скорее всего, самые лучшие трофеи Великий Эмир отдаст тебе. Ведь ты его последняя жена!

- Когда будешь выбирать трофеи, нас не забудь, - на этот раз не удержалась Туман Ага. Великая ханум поняла, что сейчас жены схлестнутся, и дело может дойти до драки. Младшая ханум ей не возразила, потому что ей не дано было такое право. Но другие жены могли ей ответить. Поэтому она решила вовремя пресечь разговоры:

- Женщины, прекратите пересуды. Разве когда Великий Эмир возвращается из похода, не показывает вам все трофеи? А вы всегда брали то, что вам нравилось. Что вы теперь хотите от младшей ханум? Услышит Эмир, всех накажет.

Женщины замолчали. Знали, что все бытовые вопросы во власти Великой ханум. Это право ей дал сам Великий Эмир.

В этот момент в комнату вошли Улугбек и его молоденькая няня Шады Мюльк, плененная в Азербайджане. Не дожидаясь упреков, принесла свои извинения:

- Ханум, я не смогла остановить маленького бека. Капризничает, говорит, бабушку хочу.

Тамерлан воспитание своего внука Улугбека до семилетнего возраста поручил Сарай Мюльк. И хотя у него была няня, за все отвечала Великая ханум. Была и другая причина того, почему маленький принц был отделен от отца Шахруха и матери Гевхар Шад...

Улугбек по-детски шаловливо вырвался из рук няни и бросился к бабушке. Поцеловав ее в обе щеки, удобно устроился у нее на руках и стал разговаривать по-взрослому:

- Бабуля, ай, бабуля!

От этого сладкого голосочка ханум возрадовалась. Поцеловала глазки, погладила по голове.

- Джан, мой маленький, что ты хочешь?

Улугбек пальцем показал на няню:

- Бабушка, я ей в глаза посмотрел.

Бабушка с удивлением посмотрела на няню.

- Почему? Что в них необычного?

- Знаешь, бабушка, ее глаза чисты как безоблачное небо. А зрачки светятся как звезды ночью.

Великая ханум весело рассмеялась. Остальные жены тоже присоединились к ней. Она крепко обняла ребенка.

- Ах, ты моя умница! Ладно, а кто тебя научил этому? Няня?

Няня густо покраснела. Она боялась, что ханум рассердится. Однако Улугбек сам ее выручил из этой ситуации.

- Нет, бабушка, она мне ничего не говорила. Я сам понял это. Ее глаза похожи на небо. – Тут Улугбек резко переменял тему разговора: – Бабушка, я тоже пойду в поход?

- Нет, тебе пока рано, мой маленький.

- А дедушке? А ему скажете, что поздно?

Сарай Мюльк вновь разобрал смех.

- Дедушка придет, сам у него спросишь.

- А когда он придет?

Дедушка же пока в гарем приходиться не собирался. В моменты, когда голова была забита другими вопросами, ему было не до гарема. Этот поход не будет похож на другие. Тамерлан объединил ранее развалившиеся и воевавшие меж собой улусы Чингисхана, создал великую империю, в 1395 году на берегах Терека полностью победил хана Тохтамыша, разгромил, разграбил и разровнял с землей столицу Таны, Сарай Астрахань. Таким образом, Золотая Орда, созданная внуками хана Батгя и наводящая страх на всю Европу, после вмешательства Тамерлана развалилась на несколько частей. Собственно, Тамерлан не собирался идти на Тохтамыша. Более того, чтобы вернуть его на трон, ровно пять раз воевал с Золотой Ордой. В 1376 году Тохтамыш при непосредственном вмешательстве Эмира взшел на трон Золотой Орды, получив при этом при правителе титул «сына». После московской победы Тохтамыша, случившейся в 1380 году, его приближенные главным врагом его представили Тамерлана. По этой причине, опираясь на своих приближенных, Тохтамыш поднялся на войну против Тамерлана. В 1386 году он разграбил Тебриз, в 1387 году Кавказ, в том же году окружил Бухару. И только то, что Тамерлан двухмесячный путь одолел за пятнадцать дней, спасло Бухару от окружения, а Тохтамыш смог уйти на север. Когда в 1394 году Тохтамыш вновь совершил поход на Кавказ, терпение Тамерлана лопнуло и он принял решение окончательно покончить не только с Тохтамышем, которому делал все только хорошее, но и в целом с Золотой Ордой.

Разгромив Золотую Орду, Тамерлан направил свои войска на Моску, но, не дойдя до нее тринадцать фарсахов¹⁸, от города Елец повернул армию на юго-запад и на берегу Азовского моря взял Казаки. Здесь он освободил мусульман, исповедующих же другую веру брал в плен или требовал большую дань.

Азербайджан, Багдад, Хорасан, Герат и другие города, считавшиеся землями Хулагу¹⁹, давно были в подчинении Тамерлана.

В Средней Азии же у Тамерлана противников не было. Эмир хотел повторить победные походы Александра Македонского, Махмуда Газневи и Чингисхана. Не было у него большей цели для самоутверждения себя в качестве полководца. К тому же эти завоеватели ничем не превосходили его, он мог еще более блистательными успехами украсить историю. Поход в Индию должен был отличаться от предыдущих. Дальше... Дальше были еще большие, дальние цели. Эти цели впечатались в память тюркского духа. Там, в дальних уголках грез его воины мыли сапоги в водах чужих озер, эти места становились родными. А пока правитель готовился в поход на Индию, все помыслы, талант и мастерство тратил на меры по этому поводу. Он не находил время оставить приемную дворца хотя бы на время, каждую минуту кого-то принимал, уходил один, приходил другой. Будто бы все поручения уже были даны. Но возникали новые вопросы, из них всплывали другие. Он отзывал в Самарканд гонцов, купцов и дервишей, в свое время отправленных во все концы царства, принимал их, с каждым встречался по отдельности, задавал многочисленные вопросы, делал выводы. Все, кого он принимал, уходили из приемной с неопределенными мыслями. Потому что выводы, которые делал Великий Эмир из этих встреч, были известны лишь ему одному.

¹⁸ Около 120 километров. Фарсах, фарсанг (араб.), парасанга (перс.), мера расстояния, колеблющаяся в различных местностях и в разные эпохи. Обычно 6 км, но в Бухарском халифате — более 9 км. Обычно фарсах равен расстоянию, проходимого лошадью за 1 час; в зависимости от местности это расстояние составляет 6-7 км.

¹⁹ Хулагу (Хулаки) (1217 — 8 февраля 1265, Мерге, Южный Азербайджан) — монгольский правитель и военачальник. Внук Чингиз хана, сын Толуя и Сорхатани, брат каанов Мункэ и Хубилая. Основатель династии Хулагуидов, правившей в созданном им государстве в Передней Азии.

Помещение для тайных встреч находилось в дальнем уголке дворца. Это было сделано по личному указанию Эмира. Гости, которым вход во дворец через главные двери был заказан, входили через заднюю дверь, оттуда их провожали в секретную комнату. Купцов и дервишей размещали по отдельности, принимали их таким же образом. Хотя Эмир очень любил жить в шатре, который ценился им превыше дворцовых палат, принимать приглашенных во дворце было необходимо. Нужно было показывать людям свое благоволение, в то же время сообщать о том, что поход пока не начинается. Это должен был быть совсем другой поход. Ни воины, ни писари такого похода еще не видели. Это в то же время должно было считаться победным походом Ислама. Индия стала бы известной и как мусульманская страна. А, значит, его поход был богоугодным делом.

От того, что погода была морозной, слуги поставили в комнату жаровню с пылающими углями. Как только угли прогорали, жаровня заменялась другой. Таким образом в комнатах, как и в шатрах, сохранялось постоянное тепло, и тех, кто входил с холода, оно приятно оведало. Ковры, покрывавшие стены и пол комнаты, тоже были предназначены для утепления. Поверх ковров были развешены шелковые ткани разных цветов. Это придавало комнате еще большую красоту.

Купца Афшари, шедшего по коридору, также проводили в помещение через заднюю дверь. Купец, увидев развешенные на стенах и постеленные на пол ковры, застыл на месте. Это место напоминало казну ковров. Ему захотелось до них дотронуться, погладить, разглядеть изумительные рисунки. Он не мог поверить, что это чудо создано руками человека. Ни в одной стране он не видел таких ковров. Эти были очень богатыми и дорогими. Сел, пришел в себя и украдкой провел по ковру рукой. Да, эти места были очень богатыми. Однако здесь вовсе не считалось легким делом сохранить голову на плечах. Осторожность не помешала бы. Одно неосторожное или не к месту сказанное слово могло привести к тому, что через ворота дворца голову и тело могли вынести по отдельности. Когда его взор насытился увиденным, он обернулся к жаровне с углями и неожиданно услышал за собой шорох. Обернулся. Угол ковра на одной из стен отогнулся и, волоча ногу, в комнату вошел Тамерлан. Ковер беззвучно лег на место. Купец Афшар застыл от увиденного: слишком уж неожиданно появился Эмир.

Звонкий голос Эмира вдруг изменил атмосферу комнаты.

- Ну что, пришел?

От голоса Эмира купец вздрогнул. Моментально вскочив, упал к ногам правителя.

- Пришел, мой повелитель. Причем с хорошими новостями.

- Встань, садись! – властно приказал Тамерлан, а сам, присев на подушки в углу, подтянул под себя левую ногу, вытянул правую и устроился поудобнее.

- Какие вести из Дели? Письмо мое передал Султан Махмуду?

Купец Афшар сел напротив, но ответил, не поднимая головы:

- Передал, мой правитель. Правда, расходы были большие. В их дворце ничего нельзя делать без денег, золота, сплошная торговля.

Тамерлан в душе посмеялся над хитростью купца. «Ах, ты, старый волк! Хочешь то, что потратил там, вдвойне заработать здесь. Ну, если новость хорошая, почему бы и не заработать. Если во дворце все берут, все дают, то что творится в стране? Такое государство долго не проживет!».

- Ответ на письмо дали?

- Нет, мой правитель, султан на ваше славное письмо не пожелал ответить. Прошу прощения, мой правитель, эти негодяи даже намекнули, что не боятся воевать с «хромой».

Купец Афшар, произнося эту фразу, преследовал некую цель. Все знали, что правителю не нравится прозвище. Намекая на его физический недостаток, кто-то говорил «хромой», кто-то «ленг»²⁰. Из-за этого прозвища полетело немало голов. Тех, кто использовал его, обязательно находили, задерживали, наказывали. Однако, фраза произнесенная купцом со слов султана, должна была еще более усилить решительность правителя, ускорило бы поход в Индию. А во время похода во главе купеческих караванов стал бы купец Афшар. Потому что лучше него Индию не знал никто.

Сейчас на лице Тамерлана от слова «хромой» не дрогнул ни один мускул. В таких случаях он сначала проявлял терпение, обуздывал нервы, становился хладнокровным. И сейчас голос его был спокойным, взгляд невыразительным.

²⁰ Хромой. В некоторых источниках Тамерлана называют «Тамерлан-ленгом»

- Каково положение султана?

Купец был изумлен хладнокровием правителя. Не успел ответить, как в зеленую дверь комнаты постучали. После громкого «Войдите!» дверь открылась. Двое слуг внесли горящую жаровню, убрали старую, которая уже должна была погаснуть, и тихо вышли. И только после этого купец ответил.

- Положение очень тяжелое, мой правитель. От былого великолепия Дели ничего не осталось. В отличие от Махмуда Газневи, во времена Махмуд шаха Второго все разваливается. Четыре года назад Данпур, два года назад Гуджерат отделились от Дели. А еще ранее стали независимыми Декан и Бенгали.

- А разве окружение Махмуд шаха не хочет выйти из этого положения? Даже у слабого правителя бывают умные визири, - сказал Тамерлан, вытянул из-под себя левую ногу и протянул вперед.

Купец ждал этого вопроса.

- Во дворце есть один умный, но взяточник визирь. Зовут его Малу Игбалхан. Он имеет на султана такое влияние, что тот делает все, что ему скажет визирь. Народ от него устал. В то время как людям есть нечего, поговаривают, что визирь и его окружение катаются как сыр в масле, купаются в золоте и алмазах.

Купец еще долго говорил. И хотя Тамерлан был доволен обширной информацией купца, вопросы-ответы еще не закончились. Потому что половину победы составляла собранная информация о противнике.

- Говоришь, люди умирают с голоду? Тогда откуда у них такие богатства? Если правитель, подданные которого не могут найти кусок хлеба, богат, ни его правление, ни государство не могут быть могущественными.

- Это так, мой правитель. Действительно положение народа тяжелое. А те, кто во дворце, продолжают тратить то, что осталось от Махмуда Газневи. Уже около четырехсот лет, как эти богатства не приумножаются, напротив – они уменьшаются. Дели – самый богатый город в мире. Его богатства нескончаемы. Дели – это вселенная. Его красота поражает всех. Этому городу нет равных!

Купец, говоря эти слова, не думал, что заденет самолюбие правителя.

- Красивее Самарканда? – с удивлением спросил Тамерлан.

Купец мгновенно понял, что совершил ошибку, в горле запершило, глаза выкатились из орбит: он неправильно говорил, здесь не признавали, да и не хотели признавать, что есть город красивее Самарканда. Буквально сейчас купец мог положить голову на плаху. Однако, не услышав продолжения фразы, приободрился. Значит, думал купец, Тамерлану он еще немного нужен, от него многое зависело. Но теперь надо был осторожничать. Могущественные правители никогда ничего не забывают, в частности ценят верность и покорность. Если цели Эмира были большими, его личные цели были тоже немаленькими, и он мог их и не достичь. Это было равноценно тому, чтобы вытащить из пасти змеи рубин.

- За то, что я сказал и еще скажу, пусть меня правитель простит. Я не могу скрыть от вас правду.

И купец еще более склонил голову и замолк.

Эмир понял, что хотел сказать купец.

- Ладно, пощадил, говори!

- Да продлятся ваши годы, правитель! Дели такой богатый город, что никакой другой с ним не сравнится!

Произнося эти слова, купец чуть приподнял голову и увидел, как меняется выражение лица Эмира. Мышца под его левым глазом подрагивала. «Значит, слово попало в цель. Так лучше», - подумал Афшар. Тамерлан хотя внутренне был разъярен, но постарался не подать виду – ему нужна была правда. Узнать, что Дели богаче и красивее чем Самарканд и Бухара, было невыносимо. Он вспомнил одну историю, которая произошла в 1387 году в Ширазе, и усмехнулся. Афшар же, ничего не понимая, удивленно глядел на мгновенно меняющееся выражение лица правителя. Эмир, стараясь удовлетворить любопытство купца, начал рассказывать ему ту историю.

- Будучи в Ширазе, мне сказали, что здесь есть один поэт, зовут его Хафиз. Мне прочли один куплет из его стихотворения. Звучал он примерно так: «Если красивая тюркская девушка будет носить мое сердце в руках, только за ее индийскую родинку отдам Самарканд и Бухару».

Купец изумленно смотрел в рот Эмиру. Ему было интересно, куда клонит Тамерлан?

– После того, как прочли этот куплет, я разгневался, - продолжил Эмир. – Как это может быть, за одну индийскую родинку мои города кому-то подарят? Приказал, чтобы этого бездельника-поэта привели ко мне. Через некоторое время приводят ко мне человека в лохмотьях. Его даже джинн испугался бы. Я спросил его тихо, но грозно: «Это ты, которого зовут Хафиз?». «Да, мой правитель», - ответил он.

- Я своим мечом завоевал половину мира! Для того, чтобы прославить, обогатить Самарканд и Бухару, разрушил другие города и страны! Собирая с них дань, все пустил на их развитие. А ты – слабый негодяй – хочешь за одну индийскую родинку отдать их кому-то! Кто тебе дал это право? Посмотри на себя, потом дари города.

Тут Эмир вдруг громко рассмеялся, потом, немного погодя, продолжил рассказ:

- Видел бы ты лицо этого бедняги! Он уже приготовился к смерти. Но... Но он не очень сильно испугался, не оробел, потихоньку пришел в себя. Ты знаешь, что он мне ответил?

Купец Афшар немного поерзал на месте, потом с чрезмерной заинтересованностью спросил:

- Что, мой правитель?

- Сказал: «Правитель, причиной моей бедности стала большая расточительность. Поэтому, - поэт показал на свой халат, - я сегодня в таком положении». Я за этот ответ наградил его новым халатом и отпустил.

Эмир, произнеся эти слова, вновь рассмеялся. Купец присоединился к нему. Однако Эмир внезапно остановился. На лице вновь появилась жесткость, в раскосых глазах появился гнев.

- Теперь посмотрим, будет ли твой Дели величественнее Самарканда и Бухары? Готовься, поедешь еще раз и согласишься.

Это говорило о том, что разговор окончен, Индия будет разгромлена. Купцу Афшару именно это и было нужно. Встал, поклонился, попросил у Тамерлана разрешения удалиться. Тамерлан кивком головы разрешил. Однако, только он хотел выйти, голос Эмира остановил его:

- Пусть караваны ваших купцов пройдут через Герат. К нам присоединитесь в Мутлане. Из казны возьми вдвойне за то, что ты потратил в Индии.

Купец Афшар возрадовался. Потому что в пути он и так заработал вдвое больше, чем потратил. И теперь заработал вдвойне. И, как мечтал, возглавит купеческие караваны.

- Да будете вы всегда над нами с позволения Аллаха, правитель! Если бы не вы, разбойники нас, купцов, давно убили бы в горах и ущельях.

Купец подошел к зеленой двери и взглянул на улыбающегося своим мыслям Великого Эмира. Казалось, он хочет угадать мысли и улыбку правителя. Но если бы о мыслях Эмира знал бы не только купец, но хотя бы один волос из бороды правителя, он тотчас вырвал бы его.

После того, как правитель принял еще несколько купцов, поговорил с ними, в келью вошел купец Агбаба. Они несколько раз встречались в Ширване, в Азербайджане. Прекрасно друг друга понимали, не искали сложностей. Хорошим качеством купца было и то, что он не был алчным. Такие люди не могли быть предателями.

Когда Агбаба вошел вовнутрь, на лице Тамерлана появилась улыбка.

- А-а, старый друг, проходи, садись, - указав на подушки, произнес Тамерлан.

Купец вначале поклонился, поцеловав место ближе к ногам правителя, произнес несколько слов во славу Тамерлана и только потом сел на указанное место. Согласно приличию опустил голову, чуть съезжился в ожидании того, скажет ли правитель что-либо или задаст вопрос.

- Ты привез то, что просил?

Купец Агбаба чуть выпрямился.

- Да продлятся годы правителя! Эй, покровитель всего мусульманского мира, оставайтесь всегда на высоте! Привез и все сдал. И деньги мне заплатили с лихвой.

- Хорошо, очень хорошо! - Эмир в задумчивости медленно произнес: - Как дорога? Разбойники больше не беспокоят, караваны не трогают?

Правитель прекрасно знал, что правитель племени Гарагойунлу Черный Юсиф, избравший Диярбекир в Анатолии своей столицей, не пропускает без внимания ни один караван и по возможности грабит

их. Когда нарушались установленные Тамерланом законы, это вывело его из себя, его нервы натягивались как струны. Купцы в иерархии империи занимали одно из ведущих мест. Караваны и гонцы должны были работать четко, а все обязаны были им помогать. Это знали все. Даже однажды Мираншах, проходя через какой-то пункт, встретился с гонцом, который попросил у него коня. Мираншах молча слез с коня, отдал его гонцу. Несмотря на то, что Мираншаху несколько раз поручалось схватить Черного Юсифа и казнить его, это пока не удавалось, а заняться этим самому было недосуг. Агбаба знал, что делать. В такие минуты он понимал, что надо сказать.

- О, правитель, благодаря вашим заботам разбойники караваны не трогают. Правда, я слышал, что в Анатолии Черный Юсиф грабит караваны, но как только слышит об армии Великого Эмира, сразу прячется. Но как только войска уходят, он вновь появляется. Бойтся вас... Страшится.

Кажется, купец зацепил больное место правителя. Эмир глубоко вздохнул. Лицо передернуло конвульсия.

- Знаю. Но пока я занят другим, руки не дотягиваются. Придет время, за все деяния спрошу с Черного Юсифа и Султан Ахмеда. – Султан Ахмед был последним представителем хулаки из династии джаларидов. Когда Великий Эмир вошел в Азербайджан, Черный Юсиф присоединился к нему и воевал на его стороне.

- Как дела в Ширване? Шейх Ибрагим справляется с управлением Ширвана?

Агбаба понял, что правитель хочет сменить тему.

- Шах передает вам множество приветов, великий правитель. Все, благодаря вашим заботам, нормально. Шах просил передать, что готов сложить голову там, где ступит нога правителя. Сказал, что по велению Аллаха вы всегда были бы над нами!

Прищуренные глаза от тихой улыбки еще более зажмурились. От этого известия немного улеглось прежнее беспокойство. Устав от сидения на полу, Эмир ловко встал на ноги. Купец тоже хотел встать, но правитель движением руки остановил его. Подволакивая правую ногу, Тамерлан немного походил по комнате, потом остановился перед купцом и неожиданно коснулся темы, которой тот абсолютно не ожидал.

- У Ибрагима есть связь с хуруфитами²¹?

Хотя вопрос был неожиданным, Агбаба хорошо знал характер Эмира. Потому как правитель стоял перед ним, он, посчитав невежливым отвечать сидя, произнеся «бисмиллах», встал.

- О, правитель, после того как глава хуруфитов Наими был колесован, его мюриды²² рассеялись. По тому, как Ибрагим шах не пустил их в Ширван, мюриды разбрелись по всему исламскому миру. Они даже перешли на османские земли в Европе.

Тамерлан, вновь прихрамывая, стал ходить по комнате.

- Да, знаю, их вести дошли и до Самарканда, - сказал он, как бы разговаривая сам с собой. - Кстати, а где этот поэт неверных, которого они считают великим? Я о Насими говорю. Опять живет в Шемахе?

Агбаба знал, на что намекает Великий Эмир. Если он ответит утвердительно, значит, подтвердит связь шаха с хуруфитами. Значит, шах, нарушив указ Великого Эмира, дал пристанище хуруфиту. Поэ-тому ответил через силу.

- Нет, великий правитель, поэт Имадеддин Насими, присоединившись к дервишам, ходит по разным странам. Они бывают там, где нет вашей власти. Насими больше не появляется в Ширване.

Тамерлан, как хороший шахматист, мог просчитывать несколько ходов вперед.

- Мне сказали, что он женился и живет в Баку. Не понимаю. По законам дервишей он не может жениться! А Насими женится, оставляет семью, бродит по разным странам...

Агбаба подтвердил слова правителя.

- Да, это так Великий правитель, дервиши не женятся. Причиной женитьбы Насими является завещание Наими.

Великий Эмир остановился перед купцом.

- Что это за завещание? Почему я ничего о нем не знаю?

²¹ Хуруфиты (от араб. хуруф — «буквы») — община шиитов-мистиков, основанная в Иране в конце XIV в. суфием Фазл Аллахом Астарабази (1340—1394/1401 гг.). «Внутренний» аспект их учения — идея богоявления в человеке (зухур), которое осуществляется последовательно в трех формах: пророчества, святости (вилайа) и богоявления. Характерной чертой «внешней» стороны их учения была мистификация ими значения букв (отсюда их название).

²² Приверженцы

Купец спокойно ответил:

- Великий правитель, дело в том, что перед казнью их руководитель оставил завещание, в котором говорилось, что Насими должен жениться на его дочери. Насими, выполняя завещание, женился на дочери своего учителя. И хотя семья одно время жила в Баку, но, испугавшись ширваншаха, куда-то переехала. Где она теперь, никто не знает.

Хотя Тамерлана этот ответ не удовлетворил, он все же понял, что Шейх Ибрагим не хочет подставляться. Этот ширваншах был умным правителем. И хотя он был на стороне хуруфитов, никто этого доказать не смог бы. Он не оставлял после себя следов. Погруженный в свои мысли, Эмир ничего не сказал купцу, знаком позволив ему удалиться. Однако Агбаба, склонив голову, ждал.

- Ты что-то хочешь сказать?

- Да, Великий правитель, - сказал купец сиплым голосом. – Но не решаюсь сказать. Боюсь разгневать тебя.

Тамерлан подбодрил его.

- Ладно, пощажу, говори!

- Великий правитель, - начал Агбаба, робея. – Дело в том... что несколько лет назад среди взятых в плен в Азербайджане была маленькая девочка. После долгих поисков, расспросов я нашел ее здесь, в Самарканде. Она теперь в вашем дворце.

Тамерлан с интересом взглянул на купца, лицо его посуровело, брови сдвинулись. Если весть из дворца тайно дошла до Азербайджана, значит, сидеть во дворце нежелательно, подумал он. Правду говорят, что дворцы – это центры зла, здесь можно ожидать всего.

- Кто тебе сообщил эту весть из дворца? И еще... кто она тебе, эта девушка? Говори, не бойся!

От неожиданного вопроса Агбаба побледнел. Сейчас правитель мог обвинить его в шпионаже. Надо было выходить из положения.

- Великий правитель, ты сказал: не бойся, говори.

Эмир понял, что хотел сказать купец. Если человек откажется от данного слова, ему уже доверять нельзя. Усмехнулся.

- Раз я сказал, значит, так и будет. Говори!

Купец вздохнул свободнее.

- Эта девушка – дочь моего очень близкого друга. Я дал слово, что буду ее искать повсюду. Следуя своему слову, спрашивал о ней везде, где бывал. И мне случайно сказали, что она здесь, в вашем дворце.

- Как зовут дочь твоего друга?

- У нас ее звали Лятафет, здесь ее называют Шади Мюльк.

У Тамерлана вздрогнули губы.

- Да, ты говоришь о няне Улугбека, о той, у которой глаза чисты как голубое небо.

- Так оно и есть, Великий правитель.

- Она не только любимица Улугбека, в нее влюблен и другой мой внук Халил. Так нельзя! – будто бы разговаривая сам с собой, произнес Эмир.

И хотя правитель говорил одними губами, Агбаба хорошо все понял, но предпочел промолчать. А Эмир сделал знак, что разговор окончен:

- Скажи своему другу, что его дочь в надежных руках. А сам отправляйся в Анатолию да поскорее доставь мне вести оттуда.

Агбаба, возблагодарив правителя и покорно пятаясь, вышел из помещения. Тамерлан, сжав губы, посмотрел ему вслед, задумался. Не внесет ли когда-нибудь раздор во дворец наличие одной азербайджанской красавицы? Разве мало было розни, войн из-за женщин? Сразу после завершения похода надо будет внести ясность в этот вопрос.

Проведя в тайной комнате встречи с несколькими дервишами, Эмир вышел за дверь, направился в комнату, где с вечера его ждали сейиды²³, священнослужители, ученые.

Проходя по коридорам, освещенным смоляными светильниками, из женской половины донесся звук. Это был женский голос. Тамерлан удивился: почему они не спят так поздно? Хотя, пока он не ложился в постель, они не имели право этого сделать. Но в тоже время это не давало оснований шуметь. Придержал шаг, потом тихо подошел к их комнате. Оттуда слышался шаловливый голосок Улугбека и смех женщин. Открыл дверь, вошел в комнату. Неожиданный приход Эмира прекратил веселье, все проворно встали. Не растерялся только Улугбек. С криком «дедушка!» бросился к нему и обнял ноги Тамерлана. Погладив голову внука, правитель глазами поискал Сарай Мюльк.

²³ Титул потомков Мухаммеда

- Уже поздняя ночь, почему ребенок еще не спит?

На самом деле эта фраза более всего была адресована няне Шады Мюльк. Услышав вопрос Тамерлана, она проворно подскочила к Улугбеку, взяла его за руку и дрожащим голосом сказала:

- Ага, простите меня, помилуйте! – Потом шепотом попыталась уговорить Улугбека: - Пошли! Уже поздно, спать пора.

Эмир внимательно поглядел на няню, но ничего не сказал. Не было слов, чтобы оценить эту красоту. Стоило любить такую.

Улугбек же, вырвавшись из рук няни, бросился к бабушке. Чтобы разрядить обстановку, Сарай Мюльк приказала няне:

- Ты иди, принц сегодня будет спать со мной.

Шады Мюльк молча вышла и направилась в свою комнатку.

Из конца коридора донесся необычный, тихий, похожий на шорох, звук: Лятафет резко повернулась и посмотрела в темноту сзади. Около одной из колонн виднелась тень. Она узнала ее по росту. Это был внук Эмира Халил Султан. Девушка не остановилась, но чуть придержала шаг. Отойдя от колонны, принц подошел к ней и под ярким светом светильника очень вежливо поздоровался:

- Добрый вечер, Лятафет! Я уже семь часов кручусь здесь, чтобы тебя увидеть. Совсем потерял надежду, решил, что сегодня тебя не увижу.

Лицо девушки стало пунцовым подобно цветкам персика, сердце забилось. Длинные ресницы бросали тень на щеки. Жар лица заставил трепетать все тело.

- Почему молчишь?

- Боюсь, Халил бей, - не поднимая головы, произнесла девушка.

- Чего?

- Что нас разлучат. Недавно, в покоях Великой ханум я почувствовала, что она уже по-другому смотрит на меня. И дедушка ваш на меня странно посмотрел.

Халил Султан, дабы успокоить ее, взял девушку за руки.

- Нас может разлучить только смерть, разлуки не будет, даже если соединятся небо с землей. Я сказал об этом бабушке, чтобы она передала дедушке. Посмотри на меня. Разве я боюсь?

Шады Мюльк пугливым взглядом посмотрела ему в глаза. Принц, увидев ее голубые глаза, забыл обо всем на свете. Халилу показалось, что это небо и он витает в нем. Крепко-крепко сжал руки девушки.

- Клянусь Аллахом, что хотя бы на один день я сделаю тебя первой ханум в этом мире!

Девушка покраснела еще больше. Вырвавшись из рук Халила, убежала в сторону своей комнатки...

... Настоящая же ханум в это время приказывала другим женам Эмира:

- С вашего позволения мне нужно Великому Эмиру сказать несколько слов. Тюкель ханум, вы уложите Улугбека в моей комнате. Я приду чуть позже.

Женам хотя и не понравилось то, что первая ханум при Эмире ими командует, тем не менее они вышли и разошлись по своим покоям. Тюкель ханум взяла за руку упирающегося Улугбека и буквально потащила его за собой.

После того, как все разошлись, Эмир спросил:

- Что случилось? Что ты мне хотела сказать?

- Я дала обет, когда ты начнешь поход, построить мечеть, - не раздумывая, сказала Сарай Мюльк, - такую мечеть, чтобы при ней была медресе, и в то же время чтобы там могли совершать намаз несколько тысяч человек одновременно.

Эмир краем глаза посмотрел на нее. «Хочет всем показать свою силу. Пытается доказать свое господство не только в гареме, но и во всем Самарканде. Не страшно, вреда от этого не будет. Хочет заниматься благотворительностью, пусть занимается, почему бы и нет», - эти мысли с быстротой молнии пронеслись в мозгу у Эмира, но он не озвучил их.

- Назовешь ее мечеть Бибиханум. Тебя все так называют. Да благословит твое начинание Аллах, Бибиханум. Что еще?

Эмир уловил предположения Сарай Мюльк. Данное им согласие означало то, что теперь она будет приказывать не только в гареме, но и тем некоторым, кто будет заниматься строительством. По этой причине, с трудом подавив вдруг нахлынувшее чувство радости, завела разговор о Халил Султани.

- Я беспокоюсь о принце... Я о Халиле. Он безумно влюбился в голубоглазую пленницу. Вчера со мной поделился об этом.

- Пленница? Ты говоришь о няне-азербайджанке, которая только что была здесь?

- Да, о ней.

- На самом деле эта азербайджанская красавица нежна и мягка, - двусмысленно произнес Эмир, поглядывая на жену.

Первая ханум не обратила внимания на эту реплику Эмира.

- Она и Халил тайно вступили в брак. Между ними стоит вопрос обязательств. Они поклялись, что если кто-то станет на пути их любви, покончить с собой. Что делать, мой господин?

Великий Эмир был осведомлен об этой любви. Но не знал, что все зашло так далеко. Это уже становилось очагом раздоров. Причем прямо в его дворце. В одно мгновение ярость охватила его, левый глаз вновь стал дергаться. Для него после Аллаха самыми близкими были семья, сыновья и дочери, внуки. Если с ними что-то случалось, Тамерлан несколько дней не мог прийти в себя, мучился. Когда он услышал о том, что Халил может наложить на себя руки, внутри Эмира будто что-то оборвалось. Внук его был очень упрямым человеком. Не отставал, пока не добьется своего. Однако, то, что он хочет сейчас, ему давать нельзя, но и нельзя было слишком обострять вопрос. Он не видел другого пути, как постепенно сделать так, чтобы Халил забыл девушку. Спокойным голосом дал указания жене:

- Ты поступи следующим образом. Улугбека отдали от няни и дворца. Девушку отправь к одному из ремесленников, пусть удочерит ее. Халила же я возьму с собой в поход. Война меняет человека, делает его жестче. Я думаю, Халил тоже станет таким. Его нельзя и дня держать в Самарканде. Бойся того, что останется здесь и станет поэтом! Но... Но все, что я сказал, сделаешь после того, как я уйду в поход. Понятно?

- Конечно, понятно. Вы хорошо придумали, - сказала Сарай Мюльк, хотя смысла поручения так и не осознала. И хотя она ответила таким образом, когда Эмир повернувшись выходил из комнаты, ее озарила неожиданная мысль: значит, правдой было то, что правитель не возьмет ее в поход...

Люстры на стенах и подсвечники, установленные на колоннах в двух зира²⁴ от пола, достаточно хорошо освещали приемную. Чуть выше, в одном зира от пола был установлен трон правителя. На шерстяных коврах слева и справа от трона были разложены подушки. В комнате было достаточно тепло, так что мороз за стенами не чувствовался. Сегодня нужно было принять последнее решение по походу. Наряду с сейидами, религиозными деятелями, учеными на совет были приглашены сын Эмира Шахрухи, правитель областей Гундуз, Кабул, Газневи и Кандагар Пир Мухаммади, полководец Тамерлан Ходжа Аг Бугани, из сейидов уstad Сейид Берке и Хаджи Бугани, бухарские ученые и другие. На самом деле этот поход Эмир намечал на Китай. После того, как он породнился с моголами, его армия часто появлялась на границе с Китаем. Год назад посланники Китая были в Самарканде, но во дворце с сорока замками так и ничего для себя не узнав, безнадежно отправились восвояси. Также в начале прошлого года отправляя на границу с моголами принца Мухаммеда Султана в те края для управления, дал ему сорокатысячную армию под руководством известных полководцев, в том числе Сары Бугани, Хаджи Сейфедина.

Мухаммед Султан построил в Ашпаре крепость, для подготовки к войне организовал посеы, заложил сады, собирал все необходимое для этих целей.

В последний момент Тамерлан отказался от похода в Китай. Вести из Дели переменили его решение. Султанат Дели нынче был слаб как никогда. Для него все было ясно – поход будет на юг. По сей день ни один поход не был похож на джихад. И именно это обосновывало этот поход. Надо было по этому поводу издать фетву²⁵.

Когда Великий Эмир вошел в комнату Совета, раздался зычный голос управляющего Советом:

- Уважаемые, правитель четырех сторон света, Великий Эмир!

Присутствующие в зале молча, почтительно преклонили колена.

²⁴ Около метра. Зира — мера длины, равная примерно 50 см.

²⁵ В исламе решение по какому-либо вопросу, выносимое муфтием или факихом, специалистом в области исламского права

Остался стоять только устад Сейид Берке. Тамерлан не позволял ему преклонять перед ним колени. Волоча ногу, прошел к своему трону. Сел, вытянул искалеченную ногу.

Священнослужители во главе с Сейидом Берке сели справа, а сын Шахрух, Пир Мухаммед, другие полководцы – слева. Тамерлан внимательно посмотрел на устада. Вспомнилось сражение с войсками Тохтамышша под Гундузом в 1391 году... В один момент он почувствовал, что его армия проигрывает. Если бы все продолжилось таким образом, армия развалилась бы. Тохтамыш желал именно этого, нанося удары. Тогда он в смятении сказал подошедшему Берке: «Смотри, Сейид, армия разваливается!». Берке, сказав «Не бойся!», слез с коня, набрал горсть песка, прочитал над ним молитву и рассыпал в сторону противника. С криком «враг бежит!», направил коня в сторону татар. Тамерлан, увидев эти действия, все понял, и тоже с возгласом «враг бежит!» поскакал за Берке. Воины, услышав эти крики, воодушевились и с уверенностью бросились в бой, нанеся последний удар по Тохтамышу. После этого на всех собраниях Эмир сажал устада на самом почетном месте.

Потом Тамерлан посмотрел на сидящих справа от Сейида Хаджи Беязида и мовлане²⁶ Абдулджаббара. И с ним знакомство было довольно странным. Когда весть о Гаджи Беязиде, считавшимся родственником Шейха Ясеви, дошла до него, он решил навестить их святое место. По дороге раздумывал: если это святилище действительно сильное, его владелец должен знать, что на душе у Тамерлана. И поэтому в душе пожелал свежеприготовленную халву. После приветственных ритуалов Хаджи Беязид произнес «Вначале салам, посреди еда, в конце слово» и угостил Тамерлана именно свежеприготовленной халвой. С того дня у Тамерлана один к ста возросла вера в достоинства хаджи. Тамерлан по очереди смотрел на сидящих в зале. Многие были старыми соратниками. С этими полководцами он завоевал почти полмира. И можно было завоевать остальную половину.

Наконец молчание нарушил сам Эмир.

- Уважаемые, цель вашего приглашения сюда заключается в том, чтобы дать ход началу святого дела, - Тамерлан еще раз осмотрел сидящих и не спеша продолжил. – На сей раз хочу поход по-

²⁶ Лицо, приравненное к святым

святить джихаду. Мы должны сделать большой подарок Исламу. То, что в наше время большая часть людей занимается идолопоклонничеством, исповедует многобожие, может считаться нашим недостатком. Как мы на том свете будем смотреть в лицо пророка? Правда, теми странами гяуров управляют тюркские мусульмане. Однако в тех местах так много гяуров, огнепоклонников, буддистов и им подобным, что мусульмане-правители ограничиваются лишь сбором дани. Тюрки-мусульмане, поднявшие ввысь знамя Ислама, теперь беспомощны перед ними! Может, меч тюрка притупился? В наше время нельзя допустить, чтобы в историю попало такое мнение! К тому же эта страна находится неподалеку от нас! Я говорю про Индию, - Тамерлан сделал упор на название страны. – По полученной информации в Дели об этом и думать не хотят. В прошлом султаны и падишахи, несмотря на всю мощь и силы свои, гяурам тоже оставляли большие возможности для претензий на государственность и власть. Естественно, идолы им не помогали, но идолопоклонники всегда неустанно воевали с теми, кто против них. И я не могу понять, как мусульмане, к которым Аллах всегда благоволит, могут привести гяуров к власти? Разве может быть такое мусульманство? Разве приемлема хотя бы небольшая прибыль от неверующего? Теперь, когда Аллах благоволит нам, наша важнейшая задача очистить исламский мир от этой нечисти! Мы должны поднять знамя Ислама выше религии гяуров!

Тамерлан завершил речь, искоса посмотрел на религиозных деятелей. Казалось, у всех пересохло горло. Только устэд, довольно покачивая головой, поглаживал бороду. Остальные буквально боялись дышать. Молчание вновь нарушил Тамерлан.

- Я бы хотел, чтобы наши уважаемые священнослужители высказались по этому поводу, дали свою фетву. Может, я ошибаюсь?

Слова попросил доселе с почтением слушавший Сейид Берке. Встав, сперва посмотрел на правителя, потом обернулся к сидящим священнослужителям:

- О, Великий правитель, пусть Аллах поможет, чтобы вы всегда были над нами! Аминь! Если вы объявляете джихад гяурам, поверьте, вы поднялись на ступень шехида²⁷. Разве я не прав, о благочестивые?

²⁷ Мученики, павшие в бою

Священнослужители ответили хором:

- Абсолютно верно, почтеннейший.

Сейид Берке в знак согласия склонил голову и продолжил:

- В этом плане в Коране есть аят²⁸. В нем говорится: «Люди, боритесь с гяурами. Знайте, что Аллах в этой борьбе всегда с вами». Эй, великий правитель, если в Коране, являющемся основой нашей религии, джихад приравнивается к шехидству, кто мы, чтобы это не понять, комментировать, идти против. Клянусь Великим Создателем! Если бы я не был в этом возрасте, с мечом в руках пошел бы с вами. Да покарает Аллах гяуров огненными стрелами и острым мечом Великого Эмира! Пусть путь ваш будет открытым! Джихад! Джихад! Джихад!

Сидящие поддержали Берке, крича «джихад».

Эмир остался доволен выступлением устада.

- Устад, нет необходимости, чтобы ты брал в руки меч. Достаточно чьего-то «ура» и чьей-то молитвы.

Из священнослужителей больше никто не выразил желания выступать. Говорить после Сейида Берке все равно, что броситься в огонь. Тамерлан, довольный речью устада, посмотрел на тех, кто сидел слева. «Посмотрим, что скажут те, кто хочет занять прибыль».

- Теперь я хотел бы выслушать уважаемых полководцев.

И Эмир вперился взглядом в Тагая Буга Барласа. Полководец встал, поклонился Тамерлану. Правда, сперва проявил нерешительность.

- Великий Эмир! Какое решение вы примете, так и будет! Но... Сколько лет я бывал там, куда указывала ваша рука. Но... если вы хотите знать мое мнение как полководца, я против этого похода.

Тамерлан не ожидал такой позиции. Нервно поерзал на месте.

- Почему? – с интересом, но в то же время с удивлением спросил он.

- Дело в том, мой правитель, что путь в те места проходит через непроходимые скалы, густые леса, степи, полные змей, там жуткие холода и дикий зной. Боюсь, пока мы дойдем до Дели, наша армия без боев и сражений погибнет. И еще говорят, что там такие огром-

²⁸ Стих в Коране

ные безобразные слоны, что у людей при их виде сердца разрываются. Если хотите знать мое мнение, я за поход на восток. Китай более предпочтителен.

Великий Эмир встал, подошел к полководцу, встал лицом к лицу. Все тут же проворно встали. Спокойно, но жестко, растягивая слова, Тамерлан разъяснил Тагаю Буга кое-какие моменты.

- Баркук себя в Каире считает халифом, его называют защитником религии. Султан Беязид назвал себя «мечом религии». А что мы сделали для религии? Имя нельзя самому присвоить, его надо зарабатывать! Разве походом в страну гяуров мы не перевесим чашу весов? Пусть меч наш будет недозволенным, если мы не сможем написать высшую историю!

Сказал и пошел к своему трону. Сел и только потом разрешил сесть остальным. Только Пир Мухаммед Султан остался стоять.

- Кажется, мой любимый внук хочет высказать свое мнение.

- Да это так, Великий правитель, - сказал принц. – Я не могу понять трусость некоторых присутствующих здесь. Кто-то боится слонов, гор, камней. Вся Индия полна золота и драгоценных камней. На семнадцати рудниках они добывают золото, серебро, рубины, железо и многое другое. Там выращивают сахарный тростник. Там есть душистые растения. Эта страна вечнозеленая. Хороший климат. От того, что большая часть населения там исповедует многобожие и идолопоклонничество, наше право согласно приказам Аллаха и пророка захватить эти земли.

Высказав свои мысли бурно и на одном дыхании, Пир Мухаммед замолчал. Хотя и скомкано, но сказал немало. Эмир слушал его внимательно, внутренне гордясь внуком, думал про себя, что именно таким и должен быть полководец. Прежде чем осуществлять наступление, нужно собрать побольше информации о тех местах, это одно из главных условий. Пир Мухаммед хорошо изучил Индию. Если бы был жив его отец Джахангир, сейчас гордился бы сыном.

- Кто еще хочет выступить?

После этого вопроса встал Шахрух и поклонился правителю:

- С позволения Великого Эмира я бы хотел сказать пару слов. – Эмир в знак согласия кивнул головой. – Индия страна богатая, какой султан ее захватит, он становится хозяином четырех сторон света.

Если под руководством Великого Эмира мы захватим Индию и очистим ее от гяуров, значит, станем владельцами огромных территорий. Разве имеем мы право от этого отказываться? Мне кажется, нет! Джихад!

Довольный выступлением сына, Тамерлан радостно улыбнулся. После выступления сына Тамерлан не стал давать никому слова, приняв решение закончить заседание совета.

- Хотя во многих регионах Индии соблюдают каноны Ислама, на большей части страны живут идолопоклонники. Султаны Дели значительно ослабили защиту Ислама. Мусульмане-правители ограничиваются лишь сбором налогов у гяуров! В Коране говорится, что человек достигает чести и славы только в борьбе с врагами религии. Пророк Мухаммед, царство ему небесное, - Эмир провел ладонью по лицу, читая молитву «Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк его», - считает также. Если мусульмане погибают в боях за веру, они попадают в рай. Теперь империи Персии и Турана под нашим владычеством. Весь мир с волнением следит за каждым нашим небольшим шагом. Судьба предоставила нам хорошую возможность. Если мы сегодня выйдем в поход, потеря будет меньше, победа ближе. Теперь их армия очень слаба. Аллах Великий все сделал так, как нужно нам. Упустить такую возможность могут только дураки. Поэтому армия будет двигаться не на восток, а на юг. Захват Индии сделает наш путь в Китай более коротким и победным. Победа над Индией также станет заупокойной для Китая. Я учел все тонкости! У нас нет другого пути кроме достижения победы! Индия со всей своей неопрятностью и беспорядком откроет нам свои ворота! Это наш богоугодный и благоверный поход! Аллаху-Акбар!

После секундного молчания участники собрания вскочили на ноги и закричали «Аллаху-Акбар! Аллаху-Акбар!».

ГЛАВА 2

Неподалеку от Самарканда, на холмах Афрасияб (Алп Эр Тонга) сосредоточилась армия Тамерлана. Наступил вечер и довольно похолодало. Вокруг раскинутых шести тысяч шатров зажгли костры. Издали они напоминали ночных светлячков. Казалось, на холмы Афрасияб опустились звезды, а дух Алп Эр Тонга вновь возродился.

Основу армии Тамерлана составляли гаранаусы. Этот этнос, появившийся в XIII веке, в основном совершал грабительские походы в Индию. Потом он поглотил в себе и племя Барлас. Для вступления в полк не было преимуществ ни у кого. Более того, для записи в полки армии Тамерлана не имели никакого значения ни этническая принадлежность, ни династия. Армия состояла из формирований в десять, сто, тысячу и десять тысяч человек и, соответственно, ими командовали десятники, сотники, тысячники и десятидесятники.

Жалованье воинам выдавалось один раз в год. Бывало, что платили и вперед.

Оборонительный полк носил доспехи, шлемы и плетеные металлические кольчуги, вооружение состояло из легкого щита, копья и меча. Атакующие полки были вооружены арканами, мечами и саблями, луками и стрелами, тонкими пиками. Одежда воинов обязательно должна была быть чистой и опрятной.

Перед каждым боем постоянно проводились учения. Перед началом боя каждый воин четко знал свое место и что ему делать. Приказы своих командиров воины выполняли беспрекословно.

Кроме пехоты и кавалерийских подразделений в армии были инженерный полк и группы егерей для ведения боев в горных условиях.

Ранним утром Великий Эмир собирался в наступление. Вечером же, согласно обычаям дедов и отцов, должен был совершиться ритуал, сопровождавшийся заклинаниями шамана. Тамерлан хотя и был ярым мусульманином, перед наступлением собирал вокруг себя оракулов и часто брал их с собой в поход. Использовал он и молитвы, которые были в исламе и которые считались самым лучшим оружием для правоверного. Правитель всегда отдавал предпочтение своим снам, постоянно на них ссылаясь. Наряду с этим выполнял все ритуалы, берущие начало из древних тюркских обычаев. Он всегда хотел

показать своим солдатам, что все религии и толкования на его стороне и благословляют его. Это приносило свои плоды, более того – воодушевляло воинов на победы.

Вокруг шатра правителя были разведены костры, вокруг которых на воткнутых флагштоках развевались знамена. Основными символами Тамерлана были знамена с серебряным драконом на черном фоне. Раньше на знаменах были другие символы. На зеленом фоне восьмиконечная звезда, внутри ее круг, а в нем сверху одно, снизу – два небольших кольца. Затем без объяснения каких-либо причин знамена были заменены. Однако это было не беспричинно. Среди знамен тоже были удачливые. Тамерлан верил в знаки и использовал их магию.

Неподалеку от воткнутых вокруг костра знамен висели прикрепленные к веткам деревьев штандарты с конскими хвостами. Над конскими хвостами виднелись высушенные волчьи головы.

Великий Эмир сидел на троне. В руке у него был символ власти – скипетр с бычьей головой на конце. Качнув скипетром, правитель дал команду начать ритуал. Главный шаман, увешанный различными костями и палочками, ударил в бубен, звучание которого стало нарастать. Через некоторое время кроме грохота бубна ничего не стало слышно. Ударяя в бубен, шаман кругами ходил вокруг костра. Сделав еще один круг, главный шаман остановился возле покрытого белым покрывалом и привязанного к столбу быка.

- Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей! - закричал шаман.

Окружающие ответили ему таким же возгласом.

- Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей, - казалось, что уносящийся ввысь возглас разбудил души тюрков, почивших на холмах.

Шаман закричал еще сильнее, затем, посмотрев на хвост быка, воскликнул:

- Эй, мой могущественный бык! Эй, могущественный конь богзурдов! Разве я не один из могущественных быков? Я тоже возвышаюсь. Разве я не один из диких коней? Я тоже ржу громким голосом.

Прокричав это, шаман сперва заревел как бык, затем заржал как лошадь. Ударив в бубен, сделал еще один круг вокруг костра, вернувшись к быку, указал палкой на Тамерлана:

– Он выше всех создателей!

Окружающие ответили возгласами:

- Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей!

- Он самый способный и всемогущий!

- Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей...

- Всемогущий Господь создал его своими руками!

- Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей...

- Иди, мой дикий конь, иди! Научи его тому, что надо делать! Ты, всемогущий бык, создатель чудес земли! Иди, расскажи ему о том, что ты знаешь! Дай ему победу! Дай могущество! Дай мудрость! Дай! Дай! Дай!

Последний возглас «дай» взлетел в поднебесье.

Повторяя эти слова, шаман стал вертеться на одном месте. Скорость вращения увеличивалась, полы халата шамана образовали круг. Из-за быстроты вращения шамана практически не было видно. Тем не менее слышны были звуки бубна. Окружающие, особенно молодежь, которую привлекли в наступление, раскрыв рот, внимательно смотрели на эту церемонию. Живя в мусульманской стране, им даже в голову не приходило, что кроме религиозных ритуалов может быть и подобная церемония.

Потому как это было в первый раз, напряжение росло. Даже те, кто стоял сзади и не видел церемонию, забирались в седла, чтобы краем глаза увидеть то, что же происходит у костра.

Внезапно грохот бубна прекратился. Когда полы халата вместе с костями и палка, взметнувшаяся в небо, стали вращаться в обратную сторону, главный шаман вдруг упал на землю ничком. Вокруг наступила мертвая тишина. Не было слышно ни звука, казалось, никто не дышит, даже боится сделать это. И в этот момент как будто из-под земли, где лежал шаман, раздался вой волка.

- У-у-у-у...

Даже опытные воины, ранее наблюдавшие этот обряд, присоединились к вою.

- У-у-у-у...

Вой пошел по холмам Афрасияб. Когда он прекратился, издали раздался вой настоящего волка.

- У-у-у-у... У-у-у-у...

Воины, посчитав это хорошим знаком, с энтузиазмом закричали:

- Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей...

Настоящий же волк еще раз завыл и замолк.

Шаман тяжело поднялся с земли, повернулся к Тамерлану, ударяя в бубен, закричал:

- Бозгурд, ответь нам! Это хороший знак! Бозгурд, зови нас в путь! В путь, путь!

На этот раз к крикам присоединился Великий Эмир.

- Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей... У-у-у-у... У-у-у-у...

То, что Эмир присоединился к нему, еще более воодушевило шамана. Он вытащил из мешка волчий череп, вытянул его в сторону костра, стал призывать проклятия.

- О род, мой род! Я дом своего рода, кровь серого волка, я второй конец посоха, вторая сторона меча! Я тот, кто у всех на устах. Идите, идите! Пусть на ваших врагов падет дурной глаз! Пусть враги пойдут измотанными! Я разрушу их шатры! Я проткну их носы, посажу их на цепь, сделаю их рабами! Как указал Господь, так и сделаю! Закопаю их в землю, сброшу в воду и пущу по течению! Загоню в чужие края! Я взял в руки зеленое знамя и обагрил свое оружие их кровью! Я заставлю их бляеть, как паршивую овцу! Я заставлю их пастись, как слепых баранов! Исчезни, враг, как растоптанная травинка, растай, как снег! Идите, идите! Пусть на ваших врагов падет дурной глаз!

Главный шаман, произнеся эту тираду, закрыл глаза. В этом состоянии, обвешанный палками, костями, он был похож на высохшее дерево. Помощник зачерпнул чашей из большой бочки возле костра кумыс и подал шаману. Шаман открыл глаза, взял чашу и подошел к быку. Кончиком хвоста быка помешал кумыс в чаше и, подойдя к Тамерлану, подал ему. Тамерлан почтительно взял чашу, сделал глоток. В этот момент со всех сторон раздались возгласы.

- Эге-е-е-гей, эге-е-е-гей... У-у-у-у...

- Слава правителю!

- Слава Великому Эмиру!

Затем шаман, взяв у Тамерлана чашу, стал обходить полководцев. Каждый, в свою очередь, прикладывался к чаше, возвращал шаману. После завершения этого обряда вновь зазвучали карнаи²⁹ и бубны.

²⁹ Тюркский духовой длинный музыкальный инструмент

Это означало окончание церемонии, которая указывала на успех. Но настоящий успех был впереди. Стоило идти в направлении этого успеха. Тамерлан поднял кольцо в круглой оправе, усыпанной жемчугами и звездами по окружности, в сторону луны, произнес молитву, проведя ладонью по лицу.

В холодный мартовский день 1398 года 92-тысячная армия Тамерлана взяла направление в сторону горы Гиндукуш, называемой каменным поясом арабского мира. Цифра 92 указывала на число имен пророка Мухаммеда. Великий Эмир с первых дней понимал, что путь будет трудным. Тропы в этих вечно заснеженных горах были покрыты ледяной коркой. Это был единственный караванный путь, соединяющий Самарканд с малой Индией. Именно по этому пути двадцать восемь лет назад пошел он в Балх и провел там курултай. На подъеме движение стало еще трудней. Чем выше, тем больше была толща снега, холод пронизывал до костей, мороз и ветер обжигали лица воинов, с бороды и усов свисали льдинки. Воины с трудом стояли на ногах, с трудом продвигались вперед. Если бы в этот момент на пути появился противник, он с легкостью разбил бы армию, потому что никто не был в состоянии сопротивляться. Было принято решение сообщить об этом Эмиру. Командир группы разведки подошел к Тамерлану, на коне величественно поднимавшемуся на подъем, преклонил одно колено.

- Правитель, до перевала дорога практически непроходима. Воины не могут идти, вязнут в снегу. Полпути мы прошли только за два дня. Если так пойдет, мы все замерзнем...

Правитель посмотрел на него краем глаза. И без этой информации он прекрасно понимал, что положение тяжелое. В такой мороз провести через перевал девяносто две тысячи воинов и в два раза больше лошадей было нелегко. Но и возвращаться было нельзя. Тем самым был бы нанесен непоправимый удар по его авторитету, он бы пал в глазах полководцев и воинов. Девяносто две тысячи людей верили ему одному. Не в его привычках было возвращаться. Его ждали походы, сражения и большие победы, в которые он, несомненно, ве-

рил. Обязательно должен быть выход, если нет, надо подумать и найти. Эмир задумался, еще раз все взвесил. На некоторое время впал в задумчивость. Молча стоял и глядел на него командир разведки, ждал, что скажет. Знал, что из такого тяжелого положения выход может найти только он. Великий Эмир уже начинал понимать и верить, что впереди есть выход из положения. Вдруг в мозгу что-то словно сверкнуло и ему все стало ясно. Улыбнувшись в бороду, спокойно посмотрел на командира разведки.

- Говоришь, воины не могут идти по снегу?

Командир подтвердил сказанное.

- А какова толщина снега?

Разведчик ничего не понял из этого вопроса.

- В два человеческих роста.

Молчание нарушил звонкий голос Тамерлана. Он уже принял конкретное решение.

- Не могут идти по снегу, пусть идут под ним!

Командир ничего не понял. С застывшим лицом, уставившись на Эмира, пытался что-либо понять. «Как это идти под снегом? Разве такое возможно?», - усиленно думал он.

Тамерлан, взглянув на побеленные инеем брови командира, бегущий взгляд, понял, что тому ничего не ясно.

- Кажется, ты не понял?

Командир разведки будто очнулся. Придя в себя, быстро ответил:

- Понял, мой правитель! – сказал, но свой же голос ему не понравился. Не хотелось обманывать Эмира. – Но, клянусь могилой отца, так ничего не понял, Великий Эмир. Разве можно ходить под снегом?

Тамерлан расхохотался. Пар изо рта, словно хохот, разошелся вокруг командира, обвеял его лицо и испарился. В то же время Тамерлан удивился тому, как при такой тупости этот мог оказаться на такой высокой должности. Потом сам себя успокоил. Если бы все могли думать как он, тогда он не был бы блестящей личностью. Лицо его посерьезнело.

- Для людей и лошадей надо сделать ходы под снегом!

До командира разведки только сейчас дошла суть идеи. Все на самом деле было очень просто. Выпрямился, стал по стойке смирно.

- Все ясно, мой правитель!

- Если ясно, поторопись, позови ко мне командира инженерного полка.

Командир разведки быстро вернулся назад. Через несколько минут командир инженерного полка подбежал к Тамерлану, склонил колени.

Тамерлан звонким, полным ярости голосом, приказал:

- Срочно прокладывайте ходы под снегом! Пусть каждый тысячник выделит для инженерного полка по тридцать самых сильных воинов! Поторопитесь!

Когда около трех тысяч воинов приступили к работе, никому из них в голову не могло прийти, что через несколько часов будет готов проход под снегом шириной в пять человек, высотой в четыре зира и длиной в две тысячи зира. Тамерлан спешил и первым вошел в проход, верх которого был из снега, а пол и стены из льда. Однако в сознании отчасти теснились другие мысли. «Надо будет научить всему этому внуков. Они должны понять, что в жизни нет тупиковых ситуаций. А если и попадает в тупик, то только в мыслях. Но если хорошо подумать, можно найти выход из любого тупика».

Ледяной проход завершился у перевала. Здесь хотя и было снега по колено, но можно было двигаться. К тому же после высоты почти в полфарсаха³⁰ начался спуск. Когда Великий Эмир на перевале сел на коня, он поднял голову и взглянул на вершину, называемой Крышей мира.

Дели пока был такой крышей.

Правитель шел, чтобы покорить столицу Индии...

Когда армия достигла области Катур, солнце уже пряталось за горами, длинные тени от которых принесли с собой морозный воздух. Армия, наконец, прошла тяжелый перевал. Потерь не было. Девяносто две тысячи воинов ждали приказа одного – Великого Эмира. Правитель приказал остановиться на ночь в Эндарабе.

За короткий срок были воздвигнуты шатры, перед каждым разожжен костер. Теперь воины работали с еще большим рвением, беспрекословно выполняли приказы. Любая угроза или уклонение могли

³⁰ Речь идет о перевале в 3848 метров

бы завершиться гибелью. Огромный лагерь, заложенный за короткий срок, напоминал оседлое поселение. Шатры походили на сельские дома, а костры – на тысячи ночных бабочек. Очень скоро дым костра смешался с запахами еды, приготовленной из баранины и конины.

Воины, полководцы, расслабив пояса, собрались вокруг костров. Вспоминая, как днем боролись с морозом, льдом, прокладывали проход, посмеивались, от тепла костров морщины на лицах разглаживались, языки развязывались. Наряду с опытными воинами, сотниками и тысячниками в армии были и молодые, неопытные. Было немало и тех, кто, сбежав от нудной суеты жизни в степи, городах, бросился на поиски приключений. А некоторых в армию забрали силой. В ходе подготовки к походу все это учитывалось. Целью же было постоянное обновление армии, прием в ряды воинов молодых вместо погибших и раненых. А для будущих походов это одновременно считалось практикой.

Бывалые воины знали, что в этом походе они заимеют несметные богатства. У Тамерлана был один неуклонный принцип: половину добычи отдавать армии. Все знали это, как знали и то, что Тамерлану покровительствует Аллах, и поэтому с удовольствием шли за ним хоть на край света.

Вокруг костров, разожженных около шатров, воздвигнутых вкруговую, сидели воины, которые, отогревшись, уже начали переговариваться, шутить друг с другом. Потом пошли интересные разговоры. Они, кстати, тоже имели характер обучения. Молодые воины внимательно слушали опытных, не желая упускать даже самые мелкие детали. Ведь это могло пригодиться и не раз спасти им жизни. Некоторые молодые воины жаловались на погоду. Но командиры отрядов их за это не упрекали. Молодому воину, всю жизнь от рождения скакавшему на лошади в степи, очень трудно было в скором времени привыкнуть к горным условиям. Один молодой воин плотно укутал тулупом спину, но от жара костра расстегнув ворот, протянул руки к огню. Потерев разгоряченные от огня ладони, приложил их к лицу, затем повернулся к пожилому воину, сидевшему рядом.

- Десятник, ты в такой холод когда-нибудь в поход отправлялся? Я никогда в жизни не видел такого снега и холода. Зараза достает до

мозга костей. Я никогда не думал, что горный воздух может быть таким холодным.

Вместо десятника, улыбнувшись, ответил сидящий напротив сотник.

- Твой десятник тоже не попадал в такую ситуацию. В тех походах, в которых он участвовал, таких холодов не было. А мы, когда с Эмиром Тамерланом пошли на Тохтамышша, видели и похуже. С одной стороны холод собачий, с другой – закончившиеся запасы еды, мяса и фуража для лошадей. Если бы не острый ум правителя, мы, став жертвой холода, погибли бы.

Как и молодые воины, десятник с интересом посмотрел на сотника. До сего времени он много чего слышал от сотника, но такого не припоминал.

- Говори, сотник, говори ради Аллаха. И нам будет интересно, и время скоротаем.

Сотник обрадовался тому, что смог привлечь внимание сидящих, взял палку, поворошил угли в костре.

- Эта история случилась очень давно. Прежде чем прийти в Азербайджан, мы побывали в Исфагане, потом в Ширазе. Тогда мы взяли очень много богатств, у каждого воина было как минимум по одному рабу и пленнице. Мы думали о том, что скоро вернемся домой. Вернемся к семьям и будем проживать нажитое, кататься как сыр в масле. – Он глубоко вздохнул. – Э-э-х, правду говорят, никогда не загадывай наперед...

Один из молодых воинов проявил нетерпение.

- Что было потом сотник, не томи...

- А что могло быть? Невиданный поход. Я никогда в жизни не видел такой поход, – тяжело произнес сотник. – Дело в том, что когда мы были в Ширазе, правителю пришло известие об осаде Тохтамышем его любимого города Бухары. Правитель так разгневался на Тохтамышша, что даже самые близкие боялись показываться ему на глаза. Великий Эмир с ночи отдал приказ: оставить провизию, захваченные богатства в Ширазе, взять запасы провианта и фуража только на две недели и по два коня.

Заговорил другой молодой воин.

- А как же рабы, невольницы, богатства?

Сотник махнул рукой.

- Это был несложный вопрос. Мы все сдали специальному полку, чтобы это было доставлено в наши дома в Самарканде. Главным вопросом было то, чтобы двухмесячный переход совершить за две недели. Кони наши еле передвигались, есть уже нечего было...

Внимательно слушавший десятник удивленно присвистнул.

- Двухмесячный переход за две недели? Это же невозможно!

Сотник успокоил его.

- Если я говорю тебе за две недели, значит, за две недели. Великий Эмир не позволял никому и глаз сомкнуть. В грязь, в снег, день и ночь скакали.

- Рассказывай дальше, - сказал прежний нетерпеливый воин, став у костра.

Сотник посмотрел на стоящих воинов и удивился. Это были воины не из их шатра. Он так увлекся рассказом, что не обратил внимания на то, что вокруг костра собрались воины из других шатров. Это его еще более воодушевило.

- Дальше стало еще хуже. Тохтамыш, услышав о том, что Великий Эмир с армией подошел к Бухаре, сбежал со своей армией в степи кипчаков³¹. Как только мы подошли к Бухаре, правитель приказал без подготовки преследовать Тохтамыша. После этого поднялся настоящий переполох. Казалось, Тохтамыш играет с нами в прятки. Мы отошли от Бухары не менее чем на сто двадцать фарсахов. Кони, уже падавшие с ног, копытами разрывая землю, ели корни. Продовольствия у нас уже не было, кончились даже неприкосновенные запасы. С другой стороны Тохтамыш не выходил с нами на открытый бой. В свое время Великий Эмир назвал этого бесславного сыном. Разве Эмир простил бы такое предательство? Наша погоня, а его бегство не могли долго продолжаться. Каждое мгновение смерть к нам приближалась. Каждый день был риск либо замерзнуть, либо умереть с голоду. И вот в этот момент Эмир принял гениальное решение, которое могло нас спасти.

Сотник после этих слов замолчал, как бы заново переживая те мгновения. Все, затаив дыхание, ждали конца рассказа. Стало так

³¹ Стих в Коране

тихо, словно кроме желтых поленьев в костре, дымка, поднимающегося от подброшенных сырых сучков, потрескивания углей вокруг ничего и никого не было. У всех дыхание как бы остановилось, а глаза вперились в сотника. А тот подбросил в огонь еще пару поленьев. Вновь заговорил прежний воин.

- Сотник, побойся Аллаха, не убивай нас!

- Да, те жуткие дни я забыть не могу. Даже сейчас от того голода, холода кости стынут. Короче, правитель издал приказ: вокруг, в радиусе примерно пяти фарсахов создать кольцо. Создали. Когда кольцо замкнулось, утром заиграли зурны, раздался звук бубнов. К обеду мы смогли сузить кольцо до трех фарсахов. Когда кольцо сужалось, мы слышали голоса диких животных – львов, волков, лис, кабанов, джейранов, газелей. Им некуда было бежать и некоторые шли на нас. Когда кольцо сузилось до трети фарсаха, Великий Эмир отдал приказ: уничтожить всех диких животных. Так и сделали. Ни одно животное, которое было в кольце из пяти фарсахов, не смогло выбраться. Мы истребили всех. И прямо здесь утолили голод мясом съедобных животных. Кроме этого заимели недельный запас мяса, получили дополнительные шкуры. – Сотник посмотрел на молодых и добавил: - Сейчас у вас нет никаких проблем: для вас мясо, лаваш, питье, шербет идут следом в обозе. А тогда мы готовы были съесть друг друга. Понятно? Вот такие у нас были дни!

Тамерлан, сидя в шатре, ушел в глубокое раздумье. Поход был очень тяжелым. Такие походы его угнетали. Теперь ему не хотелось даже играть в любимые шахматы. Для того, чтобы в шатре было тепло, сюда поставили две жаровни. Жар от них его разморил, глаза слипались. Да и усталость себя проявляла, ведь ему уже шестьдесят два. Дверью служила толстая кошма, с внутренней стороны ее закрывал тяжелый ковер. Если кто-то касался кошмы, ковер подрагивал. В истории было много покушений на правителей, когда убийца появлялся из-за ковра. Этот ковер для двери был соткан в Гяндже³². Узоры ковра словно пахли цветами, от небольшого прикосновения он подрагивал,

³² Город, ныне находящийся в Азербайджане

слышался мягкий хруст как от ног, идущих по свежевыпавшему снегу. Это, может, другие не чувствовали, но он был очень чувствителен к этим звукам. Он мгновенно чувствовал движение ковра. Даже когда спал. Когда телохранитель или начальник охраны заходили к нему, они всегда видели его бодрствующим. Разговоры о том, что Великий Эмир никогда не спит, дошли и до него самого. Эти слухи были уместны: никто не посмел бы сойти с истинного пути.

И сейчас, услышав шелест дверного ковра, Эмир открыл глаза. В проеме сперва показалась голова, а затем и тело начальника охраны Тахмаз бека.

- Мой правитель, я не посмел бы побеспокоить вас усталого. Но дело в том, что аксакалы мусульманской общины провинции срочно хотят с вами встретиться.

Тамерлан встал, поправил одежду. Не глядя на начальника охраны, сказал:

- Ты тоже знаешь, что это может быть важным. Иначе не беспокоил бы меня. Если в эту стужу они пришли в лагерь, значит, нуждаются в помощи. Зови.

Через некоторое время гянджинский ковер вновь прошелестел, затем в шатер по одному вошли семь аксакалов. Сперва стали в ряд. Потом, преклонив колени, приветствовали правителя. Один из аксакалов воздел ладони к небу.

- Мусульманская община Катюра приветствует тебя, о покровитель нашей веры, тень Великого Аллаха на земле, о, Великий Эмир, добро пожаловать!

Такое искреннее приветствие возрадовало Тамерлана. «Значит, и за пределами Междуречья меня считают покровителем веры. Это хорошо!», - подумал он и предложил вошедшим сесть.

- Пожалуйста, садитесь, братья мусульмане. Расскажите, что вас тревожит.

Аксакалы сели на указанные места – справа и слева на разложенные узорчатые подушки. Сам Эмир, скрестив ноги, сел на большую подушку в центре. Аксакалы, как бы сговорившись, достали четки и, перебирая, стали восхвалять Аллаха. Из первых слов аксакалов Эмир понял, что они поминают его словами дочери пророка Мухам-

меда Фатмеи-Захры. Он не знал, что здесь живут шииты-джефери³³. Он присоединился к поминанию. Тем самым он еще более усилил искренность пришедших. Видно было, что присоединение Эмира к поминанию им понравилось, хотя вначале они этому чуть удивились. Потом самый старший из аксакалов, прежде чем начать говорить, откашлялся.

- Великий правитель, несмотря на то, что число общины растет с каждым годом, черные гяуры довели нас до отчаяния. Спасти нас может только покровитель Ислама.

Великий Эмир не совсем понял, что они хотят.

- Аксакал, говори открыто, в чем ваши трудности?

Аксакал, придумавшись, стал перебирать четки. Люди не могли разговаривать с ним прямо, открытым текстом. Устад Сейид Берке однажды уже разъяснял это. Было бы неверным разговаривать с Великим Эмиром на языке, который используется на улице или базаре. Одно слово, сказанное не к месту, могло разгневать правителя, и сказавший мог лишиться головы, в лучшем случае он пал бы в глазах Эмира. Впрочем, и без этого говорить с эмиром открыто не считалось хорошим тоном, это могло бы указать на бесправность правителя. Все это понимали, возражений ни у кого не было. А кто и пытался говорить высокопарно, у Эмира на это не хватало терпения. Человек должен бы научиться излагать свои мысли коротко и точно. Пророк Ислама тоже говорил «не усложняйте, упрощайте!».

- Великий правитель, ваше благоволение позволяет нам надеяться, что вы будете нашим спасителем. Ваш меч берет силы из веры, способен быстро отправить гяуров в ад.

- Аксакал, говори коротко и четко!

Эмир сдвинул брови. Кажется, это подействовало, аксакал перевел дыхание, постарался быть точным и кратким.

- Дело в том, что гяуров в Катуре в двадцать раз больше, чем нас. Эти гяуры в черных халатах обложили нас такой данью, не дают двинуться, мы работаем только на них. Забирают у нас буквально все. Дели – земля тюрок и Ислама. Мы очень удивлены тем, что на этой земле Ислама тюрки-мусульмане терпят невзгоды. Мы соблюдаем все религиозные каноны, терпим лишения, а все хорошее у гяуров.

³³ Второе крупное крыло Ислама

Тамерлан решил еще более уточнить вопрос.

- А что они делают, когда вы не платите налоги?

Главный из аксакалов тяжело вздохнул.

- Великий правитель, требуя от нас большие налоги, они делают нам нехорошие предложения.

- Какие предложения?

Почувствовав в голосе Эмира суровость, аксакал, на лице которого не двинулся ни один мускул, нерешительно улыбнулся.

- Нам говорят: или платите столько-то налогов, или...

- Что или?!

- Или же вы должны принять нашу веру.

Лицо Эмира от ярости вытянулось.

- Как, веру гяуров... многобожие?!

Аксакал чуть испуганно кивнул головой.

- Да, Великий правитель! Или платить большие налоги, или принять их веру. Многие племена отказались от этих предложений, но на них направили войска, мужчин убили, молодых, девушек, женщин и детей забрали в плен.

У Тамерлана глаза горели огнем, ноздри хищно подрагивали, он тяжело засопел, губы задрожали. Он еще раз оправдал себя за то, что пошел в поход против султаната Дели. Лево́й ладо́нью ударил по колену.

- Подлые! Я заставляю ваших матерей рыдать! Значит, теперь наша задача уничтожить этих гяуров. Уничтожить их! Потом мы пойдем дальше. Ладно, а где сейчас эти... в черных халатах?

- Услышав о вашем приходе, они ушли и спрячутся в пещерах, Великий правитель.

Чем больше сердился Тамерлан, тем звонче становился его голос, который, словно меч, крушил все.

- В пещерах?.. Пусть! Посмотрим, кому Аллах даст покровительство! Завтра наши герои атакуют эти пещеры, камня на камне не оставят.

Аксакалы подняли руки.

- Пусть волею Аллаха Ислам всегда будет над нами!

Наутро Тамерлан оставил все свое вооружение на лугах Хуман и Яктур. Всегда мечтавший хранить как зеницу ока империю, создан-

ную им, Тамерлан оставил здесь Шахруха. В этом он не ошибался. Если бы не было Шахруха, династия тимуридов после смерти Тамерлана осталась бы у власти не более ста лет. И лишь внук Мираншаха Бабур, сбежав от шейбанидов³⁴, заложил бы в Индии основу четырехсотлетней власти моголов. Теперь, оставляя здесь Шахруха, Эмир немного успокоился. А сам, с целью джихада против гяуров, отправился в горы. Внуков, детей от дочери, Рустама Мирзу и Бурхана Оглана отправил в другом направлении. Целью было дать принцам свободу в действиях, самим принимать решения в разных ситуациях. Эмир, отобрав из каждой десятки по три воина, в течение только одного дня уже достиг перевала Хавак. Там была одна разрушенная крепость. Поняв, что ему нужен перевал, дал команду восстановить крепость. А выше войска Эмира ждала смертельно опасная горная гряда под названием Кябутархан. Но Эмир никогда не боялся смотреть в глаза смерти...

После перевала Хавак положение армии стало еще более трудным. Дело шло к лету, солнце растапливало толстые слежавшиеся пласты снега, тропы стали скользкими и непроходимыми. А к вечеру, когда солнце скрывалось за горами, мороз опускался на узкие тропы, подтаявший снег превращался в лед. Днем, сколько бы не хлестали лошадей плетью, не дергали за узду, они не могли двигаться по льду и срывались в пропасть. Не лучше было и положение воинов. Днем по колено в воде, намокшие, а вечером на холоде одежда дубела, воины по одному выходили из строя. Армия на глазах у Эмира гибла.

Тамерлан все прекрасно понимал и продолжал бороться с природой горы Гиндукуш. Это было его принципом: если решение принято, его выполнение должно быть осуществлено во что бы то ни стало. Пусть смерть, но назад пути не было. Теперь и в этих местах его называли «покровителем Ислама». Как он мог повернуть назад? Разве всем, чего достиг, он не был обязан Аллаху? А на пути Аллаха можно было пойти и на смерть. Это смогли сделать все великие, решительные пророки, его долг был таким же. Но ни один пророк не был причиной бесполезной смерти людей и животных. Какое он имел право пускать армию на ветер?

Наконец он принял решение: коней нужно вернуть назад! Остал лишь своего коня. Передвигаться можно было только по ночам,

³⁴ От имени сибирского хана Шейбана, внука Ибек хана

когда тропы покрывались льдом. Из досок и кожи приказал изготовить сотни саней. Приказал двигаться при лунном свете. Те, кто наблюдал за армией сзади и сбоку, сравнивали ее с текущим огнем, лавой вулкана. Когда тропа становилась совсем непроходимой, Великий Эмир спешил, брал в руку посох и, волоча покалеченную ногу, шел пешком. А его коня сильные воины несли на руках.

Ранним утром вдруг в горах раздался крик «Стоять!». Эхо разнеслось по горам, с которых начал сходить снег. Но даже на это никто не обратил внимания. Приближенные Эмира, шедшие в середине колонны, тоже остановились. Эмир снял рукавицы, рукой почистил усы и бороду от льдинок. Поднял голову, посмотрел на вершину. В глазах потемнело. Идущий впереди десятитысячник левого фланга Шейх Арслан с несколькими тысячниками подошли к Эмиру, преклонили колена. Эмир понял цель их прихода.

- Что там впереди, кроме гор? Что-нибудь видно? - спросил он немного игриво и добавив как бы в шутку. - Еще не замерзли?

Его игривость перешла и к Арслану.

- Нет, не замерзли, правитель. Поход во имя Ислама согревает наши души. Но, разведка доставила известие.

Тамерлан потерял замерзшие руки.

- Ну вот, это другое дело. Если за несколько дней от разведки есть первое известие, значит, гяуры где-то рядом.

Шейх Арслан поразился логике Эмира.

- Так оно и есть, мой правитель. Выше уже нет жизни. Гяуры внизу. – Шейх Арслан показал рукой на долину.

Великий Эмир подошел к обрыву, посмотрел туда, куда указывал Шейх Арслан. Вначале ничего не увидел. Восходящее солнце слепило в глаза, и он прикрыл их ладонью. Сперва он увидел извивающуюся, отливающую в солнечных лучах серебром реку. Потом уже чуть подальше увидел дым, струившийся из дымоходов.

- Наконец мы достигли места, где живут гяуры. Сколько нам еще идти туда?

Шейх Арслан ответил мгновенно:

- Если продолжить путь по этой же дороге, после перевала три дня пути.

Тамерлан скривил губы.

- Много. Я так понимаю, что до того места, которое уже под нашими ногами, мы доберемся за пять дней. Эти извилистые горные тропы совсем надоели! – Вдруг задумался и вновь посмотрел вниз. – Говоришь, другого, более короткого пути нет?

Шейх Арслан вдруг понял, что хотел сказать Эмир. Великий правитель имел привычку принимать неожиданные и нестандартные решения. Вот и сейчас он намеревался предложить что-то из ряда вон выходящее. Это пришло ему в голову сию секунду. Правитель будто читал их мысли. Невозможно было ничего от него скрыть. Арслан со страхом посмотрел вниз.

- Это опасно, мой правитель. Мы можем потерять своих людей. А в первую очередь опасности будет подвержена ваша жизнь.

Но Великий Эмир уже принял решение.

- Начальника инженерного полка ко мне!

Приказ пошел по цепочке: «Командира инженерного полка требует правитель!».

Через некоторое время командир полка, тяжело дыша, подбежал к Тамерлану. От того, что торопился, он несколько раз падал на льду, одежда была в снегу, щеки красными.

Эмир, не дожидаясь его поклона, спросил, показывая вниз:

- Видишь этот обрыв?

Командир полка, чтобы прийти в себя, глубоко вздохнул.

- Да, мой правитель.

- А вон ту реку? – Эмир внимательно посмотрел в глаза командира. От этого взгляда тот растерялся, задрожал.

- Вижу, правитель.

- У тебя всего пять часов, чтобы мы спустились вниз. Все должны спуститься отсюда. Как? Вот это уже твое дело.

Командир удивленно посмотрел на Эмира.

- Даже вы? Это очень опасно, мой правитель.

- Даже я! Если бы мои воины и я имели чувство страха, то зачем мы здесь, в горах? Мы боимся лишь Аллаха!

В течение непродолжительного времени место, где они стояли, превратилось в строительную площадку. Круглые кольца специальными гвоздями вбивались в камень, потом через кольца продевались

веревки и сбрасывались вниз. Воины, взвалив на спину оружие, спустились по веревкам до следующего уступа, там операция повторялась заново. Сиденье, приготовленное для Эмира, с четырех сторон было снабжено роликами. Прежде чем спустить сиденье, воины инженерного полка подготовили небольшую площадку. Таким методом, повторяя операцию пять раз, спустили Эмира вниз. Все необходимое тыловое оборудование спустили таким же образом. Коня Тамерлана аккуратно обвязали веревками. Бедное животное в таком положении постоянно вздрагивало...

У гяуров в черных халатах была большая крепость. Начальника крепости на местном языке называли «гудашув». Каждое утро он совершал обход крепости, оглядывал окрестности, давал указания, спускался вниз. За крепостью была высокая гора, в которой гяуры пробили много пещер. Как только возникала опасность, все прятались в этих пещерах. В нижней части крепости протекала бурная река.

Начальник крепости по привычке сделал обход, потом спросил охранников:

- Кажется, этой ночью было очень холодно?

Один из охранников покачал головой.

- Да, было так холодно, что больно было глаза открыть. До утра мы пытались отогреться у печи в башенной комнате. Поворачивались к огню лицом, стыла спина, грели спину, стыло лицо.

Гудашув промолчал, хоть это ему и не понравилось, и посмотрел вниз по течению реки. И глазам своим не поверил. Хоть и было далеко, но он увидел у излучины реки большое скопление людей. Это не могли быть его люди.

- Утром кто-нибудь выходил за ворота? – взволнованно спросил он.

Охранник покачал головой.

- Нет, мы даже ворота не открывали. А что?

Начальник крепости, задрав голову, смотрел на почти невидимые серые скалы. На них чувствовалось движение, какие-то пятнышки, которые спускались вниз. Спину начальника прошиб холодный пот.

Вчера ему сообщили, что Великий Эмир собирается сюда. Из слов гонца выходило, что Великий Эмир дойдет до крепости лишь за пять-шесть дней. Чернохалатники, воспользовавшись этим, готовили

снежные бомбы. Но, кажется, было уже поздно. Он с трудом сглотнул, от волнения у него задрожали губы.

- Объявляйте тревогу! Торопитесь, на нас идет сам сатана! Быстрее, шевелитесь!

Охранники, хотя и не поняли, что хотел сказать начальник, но решили, что случится нечто страшное. Один из них, сбегав в башенную комнату, принес бубен. Из бубна вырвались глухие звуки. Потом, еще, еще, еще... Население, услышав грохот бубна, поспешно собралось на крепостной площади. От того, что все были в черных халатах, площадь через некоторое время окрасилась в черный цвет. Начальник крепости, увидев, что на площади достаточно народа, поднял руку. Бубен замолк.

- Люди! – крикнул он. – Армия сатаны, спустившись со скал по веревкам, идет на нас! Крепость к обороне не готова. Берите все необходимое, уходите в пещеры. Они неприступны. Если они придут туда, найдут свою погибель. Никто лучше нас не знает эти пещеры, эти горы. Торопитесь, смерть идет к нам! Торопитесь!

Потому как приказ начальника крепости был законом для чернохалатников, они не стали задавать вопросов и молча, торопясь, разошлись по домам. Через некоторое время поток людей черной лентой стал уходить в горы. Впереди шли женщины и дети, сзади мужчины гнали скот. С кадками на головах, узелками в руках шли женщины, за длинные юбки некоторых, боясь упасть, крепко держались маленькие дети. Было взято все необходимое для жизни. Скот гнали на тайный склон горы, который ни с одной стороны не охранялся. Если бы не было предательства, этот склон так и остался бы нераскрытым вместе со скотом. Мужчины были в панике, дети в страхе, и только женщины выглядели относительно спокойными. Их пока было кому защищать.

...После того, как Тамерлан спустился с горы и построил в шереинги армию, со стороны крепости послышались глухие звуки бубна. Он не придал этому особого значения. Бубен звучал, по-видимому, для защиты крепости. Однако, когда армия подошла к крепости, все увидели широко распахнутые ворота. Невозможно было поверить, что в этой небольшой крепости жили десятки тысяч человек. Дома как соты, стояли друг над другом, некоторые были выдолблены в скале, уходили вверх. В тесных комнатенках, скорее всего, жили

по семь-восемь семей. Многие дома были построены из саманного кирпича и лишь стены крепости были воздвигнуты из монолитных обломков скал. Вначале никого не было видно. Потом выяснилось, что этот город-крепость абсолютно пуст. Люди в черных халатах привязали к столбу на главной площади хромую козу. Естественно это имело оскорбительный намек на хромоту Тамерлана, дескать «стадом управляет хромой козел».

Эмир не прошел в крепость. Если ворота были распахнуты, значит, население, прознав о противнике, ушло в горы. Воины, обойдя всю крепость и не найдя ничего интересного, вернулись назад злые. В крепости они увидели лишь мечущегося на привязи козла. Однако никто от страха не стал сообщать об этом эмиру. Воин, принесший такую весть, мог лишиться головы за неуважение. Глашатай Али Султан с небольшой группой вышел из крепости и подошел к Тамерлану, который в это время сидел и играл в шахматы, пытаясь успокоить нервы. Увидев подходившего Али Султана, поднял голову. Глашатай, преклонив колени, отвесил поклон.

- В крепости нет ни одного живого существа, мой правитель!

В этот момент с крепостной площади послышалось козлиное бляение.

Эмир резко повернулся в сторону звука.

- А говорил, что нет ни одного живого существа. Не услышали голос человека, а животного – вот он.

Али Султан опустил голову и тихо произнес:

- Это так, правитель, на крепостной площади остался лишь один козел. – Глашатай испугался сказать «хромой». – Наверное, в спешке отстал от стада. Сейчас дам команду, заставят замолчать.

Эмир, помахав рукой, немного приветливо возразил:

- Нет, нет, одного козла можно считать стадом. Сегодня один, завтра их будет два, потом четыре. Еще через некоторое время их будет десять. Очнешься – и ты уже богач. – Потом посерьезнел. – Идите и приведите козла сюда! Что-то мне подсказывает, что в этом козле есть некая мудрость. Гяуры не так богаты, чтобы в каждой лощине терять по животному. Это можно видеть и по их жилищам.

Один из охранников припустился бежать на площадь. Спустился некоторое время, когда он вышел из крепостных ворот, погоня коз-

ла, Тамерлан увидел, что животное хромает. Он сразу понял намек. Сперва его лицо конвульсивно дернулось. Но он не мог перед армией себя унизить. Потом воины начали бы рассказывать об этом в родных краях, причем каждый будет добавлять что-то свое, делая из этой истории нечто смешное. Этот эпизод попадет в историю, сохранится в памяти на тысячи лет. Люди больше будут говорить об этом, нежели о его героических делах. Потому что именно такие ситуации в отличие от героизма лучше запечатлеваются в памяти людей.

Все смотрели на это зрелище, затаив дыхание, со страхом.

Вдруг Тамерлан неожиданно для всех громко расхохотался. Однако никто не рискнул присоединиться к смеху. Неизвестно было, чему смеялся Эмир. Может, тем самым он хотел выявить тех, кто над ним смеется? Потом, взяв себя в руки, также резко оборвал смех.

- Враги меня называют по-разному: Хромой Тамерлан, Тамерланленг... Однако это меня абсолютно не заботит. Я поднялся на эту высоту только благодаря Аллаху. Если бы ему не было угодно, он бы не возложил на меня ответственность за тюрко-исламское объединение. – И показал пальцем на козла. – Даже из-за этого хромого козла я не считаю себя оскорбленным. Эта живность создана Аллахом. И его создал Аллах, и меня, и вас, всю вселенную. «Боритесь с теми, кто не признает то, что я един», – говорит Аллах. Поэтому мы должны до конца биться с гяурами либо заставить их принять Ислам. Я приказываю вам, мои беки, храбрецы, богатыри, со всех сторон поднимайтесь в эти горы. Подымайтесь более решительно, настойчиво! Бейтесь с гяурами, пока они не перейдут в истинную веру.

Полководцы, стоящие перед ним, ответили на этот призыв возгласом:

- Аллах велик! Нет ничего кроме силы и могущества Аллаха!

Попытка оскорбить правителя взъярила армию. Все собрались для движения вперед в своих полках и сотнях.

Шейх Арслан с десятью тысячами Коппек хана стал подниматься с левого фланга. Потом глашатай Али Султан, атаковав с правого фланга, заставил чернохалатников забраться еще выше в горы. Одновременно с ними в атаку со своими воинами пошли Шах Мелик, Мюбашир Бахадур, Шейх Али Салбар и другие храбрецы.

Воины Шах Мелика, поднимаясь все выше, остерегаясь засады, тщательно проверяли каждую тропу, все кусты и большие дупла деревьев. Гяуры хорошо знали эти места, внезапно нападали и армия несла потери. Каждую минуту неизвестно откуда со свистом прилетала стрела, иногда ноги воинов попадали в волчьи капканы. Люди в черных халатах без боя не отступали. Каждый шаг Тамерланидов завершался смертью без боя. В горах довели страх и смерть, нежели желание борьбы. Но для бывалых воинов это не имело значения. Хорошо знакомые с серым цветом смерти, четко ощущавшие ее запах, но умевшие загнать эти чувства вовнутрь, они желали или быть победителями, или же удостоиться звания шехида. Потому что этот бой был объявлен джихадом.

Шах Мелик даже представить не мог, что будет столько потерь. Он не мог примириться с тем, что враг, появившийся из-за каждого камня, дерева, наносил урон армии. Если так пойдет и дальше, они на многие дни останутся в этих горах. Надо было срочно найти пещеры, в которых прятались гяуры.

Люди Шах Мелика из леса и кустарников вышли на поляну. Полководец приказал охранять это место. Поляна в одно мгновение, словно драгоценный камень кольца, была окружена. Окраина поляны упиралась в скалы, достигающие высоты до двухсот зира. Для того, чтобы оценить, ощутить такую красоту, двух глаз явно было недостаточно. Со скал низвергался такой же величественный водопад, вода из которого, пройдя рядом с поляной, вновь становилась вторым водопадом. Вода под лучами солнца напоминала расплавленное серебро. «Серебро», изливаясь в низину поляны, пенилось, распространяло прохладу, потом превращалось в следующий водопад.

Шах Мелик глубоко вздохнул, взглянул на воду, изливавшуюся на камни. В солнечных лучах играла разноцветная радуга. Он не мог оторвать взгляд от этого зрелища. Вдруг в центре скалы за водным потоком он увидел черную дыру и некое движение. Быстро отошел в сторону, чтобы не мешала радуга, и стал внимательно всматриваться сбоку...

...С верхней части скал полтора десятка воинов на веревках спустились к входу в пещеру. Для того, чтобы пройти к входу, там была узкая тропа и они, бесшумно пройдя ее, вошли в пещеру. Глаза еще не

привыкли к темноте, как более сотни людей в черных халатах атаковали их. Несмотря на малочисленность, воины, тем не менее, чтобы защититься, бросились вперед, однако, потому как вход в пещеру для пятнадцати человек был слишком узок, оборона оказалась неудачной.

- Убивайте воинов Сатаны! – закричали гяуры и, потеснив нападавших вместе с пятнадцатью воинами Тамерлана, спрыгнули вниз. В одно мгновение пятнадцать героев вместе с гяурами исчезли в бурном потоке. Спускавшиеся на веревках воины смогли оттеснить гяуров вглубь пещеры. Несмотря на большие потери, число спускавшихся на веревках было нескончаемым. Через некоторое время в пещере кроме прижавшихся по углам к стенам женщин и детей, никого не осталось. Тамерланиды без труда зарубили уставших, не способных сопротивляться мужчин.

Других чернохалатников воины Тамерлана преследовали в горах три дня и три ночи. Уставшие от безнадежности, голода и преследования, они прислали к Тамерлану парламентарера...

...Тамерлан как всегда сидел на воздвигнутом перед шатром троне и играл в шахматы. Он чувствовал, что чернохалатникам приходит конец. За шахматной доской он спокойно обдумывал свои будущие планы. От этих дум его отвлек командир караульного полка.

- Мой правитель, пришел парламентарий гяуров, принес вести от «гудашива».

Тамерлан поднял голову, посмотрел на командира.

- Пришел для того, чтобы сдаться или посредством переговоров потянуть время?

- Кажется, хотят сдаться, - нерешительно ответил командир.

- Тогда зови!

Командир отошел и почти тотчас вернулся. Державший в руках белый флаг и совсем не похожий на воина парламентарий подошел к правителю, упал на колени, склонив голову до земли. «Кажется, его хорошо научили, как себя вести у правителя», - подумал Эмир. Спросил по-тюркски причину прихода. Парламентарий не вставая, чуть приподнял голову и, на удивление Тамерлана, начал говорить чисто по-тюркски.

- О, правитель, наш начальник хочет знать, чего вы хотите. Наверняка есть какая-то цель вашего прихода сюда.

- Откуда ты хорошо знаешь язык джигатая? Насколько мне известно, вы не говорите ни на тюркском, ни на фарси, ни на индийском языках, - ответил Тамерлан вопросом на вопрос.

Вопрос хотя и немного озадачил парламентария, тем не менее он не ушел от ответа.

- Научился в плену, о правитель. В Балхе я попал в плен. Потом меня переправили в Самарканд. Потом сбежал и нашел прибежище здесь.

- Значит ты не гяур, а тюрок-мусульманин!

Парламентарий почувствовал изменение в голосе Тамерлана.

- Для парламентария не бывает бед, правитель. Знаю, что, по утвержденным тобою законам, сбежавшего из плена ждет суровое наказание. Поэтому я пришел сюда. Принял их веру, женился, стал одним из них. Но, клянусь Аллахом, в сердце у меня всегда был он. Просто я вынужден был жить так.

Парламентарий замолчал. Тамерлан, теребя бороду, раскосыми глазами посмотрел на парламентария. «Посмотрите на этого человека. Для того, чтобы избежать смерти, он отказался от веры, религии, национальности». Но ничего этого вслух не сказал. «Видно, Аллаху так угодно», еще раз подумал он.

Не глядя на командира полка охраны, приказал.

- Позови ко мне Аг Султана!

Через некоторое время полководец Аг Султан стоял перед ним.

Тамерлан знаком разрешил парламентария встать.

- Пойдешь с парламентарием к аксакалам гяуров. Скажешь им: «Если подчинитесь мне, примете Ислам, я отдаю эту область им и возвращаюсь к себе на родину. Но чтобы после моего ухода больше не нападали на тюркские племена. Если нет, из них никто не останется в живых». Ясно?

- Ясно, мой правитель, - склонил голову Аг Султан и вместе с парламентарием отправился к гяурам.

Его возвращение не заставило долго ждать. Пока его ждали, армия занималась бытовыми делами. Долгий путь в горах через глухие кустарники утомил воинов, одежда порядком поистрепалась. Аг Султан вместе с аксакалами гяуров предстал перед правителем. Тамерлан, поняв, что это означает, тепло принял их, каждому подарил халат

и другие подарки. Если у них хватило смелости прийти к нему, значит, достойные люди. Начальника крепости назначил правителем области. Тот, в свою очередь, сообщил, что завтра в городе-крепости пройдет церемония принятия Ислама.

Однако, после возвращения, его убедили, что после того, как население вернется в крепость, Тамерлан всех уничтожит. Колеблясь, «гудашив» перешел к противникам Эмира. Той же ночью люди в черных халатах напали на группу Шах Мелика и перебили много людей.

Разъяренный этим Тамерлан на следующий день отправил армию в горы. До вечера в горах не осталось ни одного гяура. Из голов убитых гяуров в крепости соорудили минарет. Доблесть, которую не смог проявить Александр Македонский, проявил Тамерлан и после этого повернул обратно.

Возвращаясь к основному лагерю, он спросил о Рустаме Мирзе и Бурхане Оглан. Узнав, что никаких известий нет, отправил за ними Мухаммеда Азада с четырьмя всадниками...

Чернохалатники, узнав о том, что Бурхан оглан приближается к крепости, ушли в горы в пещеры. Принц, хотя и преследовал бежавших, но не смог никого найти.

Армия вошла в ущелье. Рустам Мирза понимал, что эти места опасны, поэтому часто поглядывал на высокие скалы. Безлюдность этих скал не давала ему спокойствия, внушала ему ужас. Если бы хотя бы один камень сбросили сверху в этом узком ущелье, от потока катящихся камней армия уже не спаслась бы.

Кони принцев шли рядом. Бурхан Оглан устал от этой погони. Даже сражаться не хотел. Если бы не страх перед дедом, он не пошел бы в поход в Индию.

Рустам Мирза натянул поводья. Остановил коня и Бухан Оглан.

- Что случилось?

Принц поднял голову, посмотрел вверх.

- Здесь очень опасно. Выйдем из ущелья и дадим лошадям отдохнуть. Да и воинам не мешает отдохнуть. День и ночь они в седле.

Бурхан Оглан поднял руку.

- Нет, отдыхать будем здесь!

Потому как дед поручил руководство армией в этом походе Бурхану Оглану, Рустам Мирза возражать не стал, хотя и высказал свои претензии.

- Здесь очень опасно. Если гяуры атакуют, наше положение будет незавидным.

- Ты что, не видишь, гяуры от страха перед дедом попрятались. Не бойся, ничего не будет, - хвастливо заметил он.

Тысячник Сарай Мелик Тавачы сошел с коня и подошел к принцу.

- Почему остановились, ваше высочество?

- Здесь сделаем привал, разнуздайте коней, пусть отдыхают, - чванливо сказал Бурхан.

- Ваше высочество, здесь очень опасно. Нужно соблюдать осторожность. Отдайте приказ сделать привал после того, как пройдем ущелье, - возразил глашатай.

На этот раз принц проявил упрямство, соскочил с лошади.

- Я принял решение: отдыхать будем здесь!

Слуги тотчас сняли седло с лошади, положили на землю. Никто уже не возражал. Развели костер. Повар начал готовить еду принцам.

Бурхан Оглан и армия настолько самоуспокоились, что даже не выставили часовых...

...Они не почувствовали как враг приблизился к ним. Неожиданно чернохалатники, словно муравьи, со всех сторон накиннулись на них, взяв в окружение.

- Бейте воинов Сатаны, убивайте их!

Бурхан Оглан проворно вскочил. Со всех сторон наступало несметное число гяуров. Он взлетел на коня без седла, но это было сделано не для того, чтобы ринуться в бой, а побыстрее сбежать. С самого начала для принца, не желавшего воевать, это была прекрасная возможность. Воины же стали оказывать яростное сопротивление. Некоторые, увидев, что полководцы сбегают с поля боя, бросились за ними. Сражался и Сарай Мелик. Звон мечей, стук пик заглушал все вокруг. В один момент глашатай даже смог потеснить противника. Однако невесть откуда появившееся подкрепление гяуров изменило ситуацию в их пользу. В узком ущелье трудно было развернуться, не говоря о том, чтобы биться. Через некоторое время ущелье превратилось в кровавое месиво тел шехидов...

Мухаммед Азад, идя по следу Тамерланидов, дошел до ущелья. Гяуры, считавшие себя победителями, напали и на его отряд. Однако

Мухаммед Азад, в отличие от Бурхана Оглана не намерен был бежать. Обнажив мечи, воины с таким рвением бросились на врага, будто их было не всего четыреста человек, а все четыре тысячи. За короткий срок две тысячи гяуров были уничтожены, остальные вынуждены были бежать. Собрав все, что гяуры забрали у убитых воинов, Тамерландиды вернули и всех коней. А Бурхан Оглан вместе с бежавшими воинами вернулся к Мухаммеду Азаду. Полководец, возвратившись назад, правдиво рассказал Тамерлану все, что смог узнать. Тамерлан наградил Мухаммеда Азада, а принца Бурхана Оглана отстранил от своего стола.

Когда караван купца Агбабы пришел в Шемаху, был уже вечер. Темнело, движение каравана замедлилось. Для того чтобы выполнить поручение Тамерлана, он не мог задержаться в столице Ширваншахов больше чем на три дня. Он должен был доставить предварительно заказанный шелк в Тебриз, оттуда по дороге на Хой отправиться в Арджиш, потом в центр Анатолии, далее в Бурсу. Затем он напрямую должен был возвращаться в Самарканд, чтобы доставить Тамерлану добытые сведения. Но прежде всего, во дворце Ширваншахов его ждал Шейх Ибрагим.

Вначале он доставил верблюдов в караван-сарай. Там, сняв поклажу, животных отпустили в поле. Вернувшись домой, увиделся с семьей, потом отправился в баню...

...Шах Ширвана Шейх Ибрагим стоял на восточной башне крепости Гюлистан, задумчиво глядя на караванный путь. Крепость была построена на высоком холме, поэтому караванный путь был ясно виден. Вечером он тоже видел караван, шедший со стороны села Гейляр. Этот путь из всех, что шли из Арана, был самым коротким и безопасным. Он отправил гонца и выяснил, что караван принадлежит купцу Агбабе.

Шах Ширвана пользовался большим авторитетом у Тамерлана. Иногда в вопросах, связанных с Азербайджаном, Ширваном и Грузией Тамерлан советовался не с Мираншахом, а с Шейхом Ибрагимом. Шех Ибрагим заслужил этот авторитет по капле и вовсе не намерен

был его терять. Желание объединить весь Азербайджан еще теплилось в нем. Для этого оружие, которое было добыто в боях с Тохтамышем, он тайно спрятал в подземельях дворца – на всякий случай, на черный день. Он думал о времени, которое придет после Тамерлана. Никто не вечен на этом свете. А теперь ему не хотелось портить с Эмиром отношения.

Сейчас он был ответственен не только за себя и свой род, но и за весь большой народ. Несмотря на то, что быть шахом было самым тяжелым и трудным в мире делом, ему все завидовали. «Ах, если бы вновь стать простым пахарем! Но нет, этот груз кто-то должен нести на себе, и почему им не должен быть я?».

Его восход на шахский трон имел очень странную историю. Его отец Султан Мухаммед, сбежавший от ширваншаха Хушанга, на самом деле был родным дядей шаха. В 1382 году, когда скончался Хушанг, Шейх Ибрагим в далеком шекинском селе в бедности сводил концы с концами, был простым крестьянином. Так как у почившего шаха не было наследников, беки и полководцы приняли решение привести к власти человека из дербентской династии. Когда визири и послы, взяв необходимы шахские атрибуты, прибывали в шекинскую деревню, Шейх Ибрагим, уставший после работы, спал под деревом. Приближенные установили над ним нечто вроде зонта, потом, отойдя в сторону, ждали, пока он проснется... Шейх Ибрагим, заснувший пахарем, проснулся шахом. Присутствующие приветствовали его как шаха, одели в соответствующие одежды и привезли в Шемаху.

Справедливая и мудрая политика, проводимая им, за короткий срок подняла его авторитет и уважение. Шахство было у него в крови! Однако его правление пришлось на самый сложный период Ближнего Востока. Южным Азербайджаном, Багдадом и другими территориями управлял последний правитель из династии джаларидов Султан Ахмед. Возгордившийся после сожжения Москвы Тохтамыш держал под угрозой северные границы Ширвана. В этой сложной политической ситуации нужно было сделать верный выбор. У него была информация, что в возвращении Тохтамыша на престол была незаменимая заслуга Тамерлана, более того правитель называл его «сыном». Во время первого похода Тамерлана в Азербайджан Шейх Ибрагим понял, что устоять перед селевым потоком Тамерланидов будет слож-

но. Перед таким потоком армия просто погибнет, Ширван будет разграблен и уничтожен. Осознав это, принял решение пойти на поклон. Тем самым он спас Ширван и заработал уважение в глазах Эмира. Тамерлан оставил его на должности правителя Ширвана. Даже назначая сына Мираншаха правителем Ширвана и всего Азербайджана, он не упразднил титул Ширваншаха.

В 1386 году, проходя через Ширван походом на Тохтамышша, Тамерлан заложил лагерь в Карабахе и вызвал к себе Шейха Ибрагима. Главный визирь тогда посоветовал ему спрятаться в горах, и после того, как Тамерлан пройдет Дербент, вновь вернуться в Шемаху. Но это было бы невыгодным и для шаха, и для Тамерлана. А то, что шах сбежит и спрячется от Тамерлана, означало бы неповиновение Эмиру. Эмир этого никогда не простил бы и, не дойдя до Дербента, разграбил бы весь народ. Такое положение не устраивало и Тамерлана. Когда он шел на Тохтамышша, он отнюдь не хотел, чтобы у него за спиной оставался непобежденный противник. Это означало бы войну на два фронта. Шейх Ибрагим принял решение пойти навстречу опасности. Сперва в честь Тамерлана заставил прочесть специальную пятничную проповедь «хутбе», затем отчеканил монеты. После этого с очень дорогими подарками отправился в Карабах, в лагерь Великого Эмира.

Согласно обычаям татарских ханов каждый из подарков должен был быть в девяти экземплярах. Подготовив по девять экземпляров от каждого подарка, Шейх Ибрагим взял с собой восемь рабов. Тамерлан, от внимания которого ничего не ускользало, осматривая подарки, обратил внимание на этот факт. «Почему рабов всего восемь?», - спросил он. Шейх Ибрагим ответил так, как задумал ранее: «Девятый раб я сам». Эта фраза так понравилась Тамерлану, что он назначил Шейха Ибрагима правителем Ширвана и Шемахи, одарил многочисленными подарками, позволил вернуться домой. Мудрая политика шаха позволила избежать разбоев и грабежей.

В 1386 году девяностотысячная армия Тохтамышша, пройдя Дербент, разгромила города Ширвана и пошла дальше на Тебриз. Разграбив и этот город, она тем же путем вернулась назад.

Атаки соперников или соседей на Ширван были небеспочвенны. В этой области, богатой природными ресурсами, только в день до-

бывалось 3125 пудов нефти³⁵. О целительных качествах белой нефти молва ходила по всему свету. Караваны, которые перевозили нефть, состояли из ослов и мулов, поголовье которых в каждом караване составляло не менее четырехсот-пятисот голов. В Атешгяхе в Сураханах, где постоянно горел огонь, готовили негашеную известь. На одном из островов прибыльным делом стала охота на тюленей. Из их шкур изготавливались бурдюки для перевозки нефти. А тюлений жир использовался для освещения домов и улиц. Каспийская рыба была популярна во всех регионах. Только в Сальяне в результате лова рыбы в казну ежегодно поступало пять тысяч золотых курушей. На Апшероне держали большие стада джейранов. В Муганьской низменности, Аране было очень много пастбищ, поэтому число овец, крупного рогатого скота просто не поддавалось счету. За шелками, изготавливаемыми в Шемахе и Араше, приезжали купцы из Генуи и Венеции. Большим спросом пользовались ковры, сотканые в Шемахе, Губе и носившие единое название «ширванские». Одним словом, богатство этой земли, достаток людей привлекали сюда не только друзья, но и врагов.

В 1387 году, когда Тохтамыш вновь пошел на Ширван, Тамерлан дал в помощь Шейху Ибрагиму не только армию под командованием Мираншаха, но и еще несколько известных людей, подчиненных Эмиру. В сражениях на берегах Куры объединенная армия разгромила воинов Золотой Орды, остатки гнала до Дербента и далее.

В 1395 году Тамерлан, пройдя Дербент, решил нанести Тохтамышу последний удар; его сопровождали воины Ширвана во главе с Шейхом Ибрагимом. После того, как по Тохтамышу был нанесен решающий удар и вопрос с Золотой Ордой был решен окончательно, Шейх Ибрагим устроил Эмиру, возвращавшемуся через Дербент, пиршество на берегах Куры. Довольный услужением шаха, Тамерлан поручил ему зорко охранять северные границы Ширвана. Эта часть была основным направлением атак Золотой Орды. Однако Золотая Орда к тому времени так ослабла, что уже не могла контролировать и Москву...

Стоя на башне крепости Гюлистан, Шейх Ибрагим, вспомнив все это, глубоко вздохнул. Убийства многих известных людей, казнь

³⁵ 50 000 килограммов

Наими, сдирание кожи с Насими поубавило его авторитет в Ширване, но доверие народа к нему все же осталось, не было потеряно. В этой сложной ситуации он старался сохранить целостность страны. Во имя великой идеи можно было чем-то пожертвовать.

Население в Азербайджане дошло до отчаяния от необузданности Мираншаха. Из Тебриза часто приходили тревожные вести. Народ поднял восстание не против Тамерлана, а против его сына Мираншаха. Но оттого, что волнения были стихийными, Мираншах легко справлялся с ними...

Легкое покашливание начальника охраны отвлекло Шейха Ибрагима от дум.

- О мой правитель, пришел купец Агбаба.

Шейх повернулся, посмотрел на начальника охраны. Солнце склонялось к закату и поэтому было у того за спиной. В этом положении начальник охраны выглядел одновременно интересно и странно. Правда, он не обратил на это особого внимания.

Он спешил на разговор с купцом. Вначале Шейх Ибрагим хотел встретиться с ним в зале для приемов, потом передумал. Здесь каждый камень, каждая стена имели уши. Люди Мираншаха крутились повсюду, собирая против него сведения и передавая их Тамерлану. В вопросе с хуруфитами он чуть было не погорел. Мираншах пытался каждого настроить против него. Поэтому Шейх Ибрагим приказал начальнику охраны:

- Приведи его через некоторое время в потайную комнату. Я тоже скоро подойду.

Когда Агбаба вошел в потайную комнату, он почувствовал, будто снова находится в Самарканде. Однако оттого, что борода, усы и черты лица шаха сильно отличались от Тамерлана, эта мысль рассеялась. Увидев шаха, сидящего на ковре и освещенного свечами и лампами, подошел, поцеловал угол ковра у его ног, поклонился.

- Да продлятся дни нашего шаха! Я приветствую охранителя Ширвана!

Шейх изобразил на лице улыбку.

- Добро пожаловать, купец Агбаба. Проходи, садись. Ты тоже, оказывается, когда-нибудь появляешься на родине!

Купец присел на указанное место.

- Правду говорите, ваше величество! Дела занимают столько времени, что порой забываешь, как выглядят дети, не чувствуешь, как они вырастают.

Шах поддержал его.

- Государственные дела так увлекли нас, что семья отошла на задний план. И только от сна до сна вспоминаем, что у нас есть семья. Ладно, это тема другого разговора. Скажи, ты встретился с Эмиром?

Купец утвердительно кивнул.

- Встретился, ваше величество. Он спросил о вашем здоровье. Я сказал, что слава Аллаху, все хорошо.

Шах проявил нетерпение.

- Еще что спросил?

- Спросил о Насими, его семье. Я ответил, что никто не знает, где они сейчас. Ушли из Ширвана.

- Правильно ответил! – сказал шах, но в голове крутились другие мысли. «Полагаю, что я не ошибся. Мираншах, а также наш главный молла постоянно отправляют ему информацию. Хотят разрушить Ширван. Хорошо, я вовремя смог переселить семью Насими. Люди Мираншаха везде суют свой нос».

- Что было потом? Какие были поручения?

Купец понял, на что намекает шах. Собственно, ему нечего было скрывать. За Азербайджан, Ширван он отдал бы и голову.

- Великий Эмир поручил отправиться в Анатолию, в Бурсу.

Шах хлопнул ладонью по колену, глубоко вздохнул.

- Значит, в скором времени мы будем свидетелями его сражения с Безидом.

- Я бы так не сказал, ваше величество, - возразил Агбаба.

- Почему?

- Великий Эмир теперь собирается в Индию. Как мне известно, 92-тысячная армия уже в пути.

Это известие еще более удивило шаха.

- Как это, идет в Индию? Информация точная?

- Конечно, точная. В Самарканде все об этом говорили. Кроме этого хорошо известный и мне и вам купец Афшар передо мной встретился с Эмиром, получил поручение, чтобы караваны и армия встретились в Мутлане.

Шейх Ибрагим задумался: «Значит, я был прав. Эмир, для того, чтобы воевать с Беязидом, собирает золото, серебро, оружие. А Дели для этого самое выгодное место. Беязид не Тохтамыш и не грузинский царь. Для того, чтобы воевать с ним, нужно как минимум двести тысяч воинов». Однако, не озвучивая эти мысли, задал совсем другой вопрос:

- Ты нашел Лятафет?

- Нашел, Ваше величество. Она живет во дворце Великого Эмира.

- Как? – недоуменно сдвинул брови шах. – Ты уверен в этом?

- Конечно, да будет здоров мой шах! Уверен так же, как в том, что вижу вас. Она была во дворце и ее называют Шады Мюльк. Я попросил Тамерлана вернуть ее нам. Сказал, что это дочь одного моего друга. Но Эмир отказался сделать это.

- Почему?

- Сказал, что Шады Мюльк любимая няня его внука Улугбека. Но это еще не все. Более того – другой внук Халил Султан влюблен в девушку и даже собирается на ней жениться. Однако дед, да и мачехи категорически против этого. Дед прознал про тайный брак, который они заключили. И очень рассердился. Удалил девушку из дворца, отправил жить в дом одного мастерового. Но юноша не отстает. Говорит, и в жизни, и в смерти ему нужна только она.

Шах нахмурил брови. Лятафет была его дочерью от рабыни. И хотя у шаха с этой женщиной не было брака, он в сердце хранил память о любимой. Потом, чтобы ее не прозвали незаконнорожденной, скрепил кебин³⁶ с ее матерью у главного моллы. Хотя совершение временного брака благочестивым мусульманином, тем более носящим звание шейха было невероятным, он верил в то, что главный молла этот слух распустит. Во дворце об этом знали один-два человека, но никто официально не называл девушку принцессой. Лятафет правду не знала, а мать ее об этом даже не заикалась. Теперь эта любимая дочь была во дворце Тамерлана, который будучи врагом, считался другом, в то же время будучи другом, считался врагом. Этого он даже представить себе не мог.

³⁶ Брак

Об этом, как и во дворце, в Шемахе никто не знал, кроме двух-трех человек. То, что у ширваншаха от неблагородной женщины есть ребенок, могло в будущем привести к трудностям в вопросе наследства и даже к убийствам. Поэтому он тогда срочно отправил их в Дербент. Однако и здесь жизнь отнюдь не улыбалась им, рабская жизнь теперь была уготована и дочери. Когда Тохтамыш проходил через Дербент и в качестве рабов забирал женщин и девушек, он отправил мать с дочерью в Астрахань. Когда Тамерлан напал на Астрахань, к тому времени мать девушки скончалась, девушку вновь взяли в плен и отправили в Самарканд. Когда Шейх Ирагим узнал об этом, он тайно начал поиски. Уже будучи подданным Эмира, он не мог в открытую попросить вернуть ему дочь. Он не мог бы пробудить сочувствие у Эмира за брак с неблагородной рабыней, или же убедить его в том, что девушка родилась вне брака. Последнее известие пришло из Самарканда. Однако то, что известие о Лятафет придет из дворца Эмира, даже не мог себе представить. Это было и хорошо, и плохо.

- Когда будешь бывать в Самарканде, интересуйся девушкой, если сам не сможешь, через других сообщи ей, что здесь ее всегда помнят.

Караван-сарай Арджиша к ночи был освещен смоляными фонарями и факелами. В одном из внутренних помещений, освещенные лампой, сидели друг против друга погонщик верблюдов и его подручный. Погонщик верблюдов, мужчина лет сорока, сорока пяти, учил своего помощника премудростям профессии. Подручный был молоденьким юношей. Скрестив ноги, он сидел напротив учителя и глядел ему в рот, стараясь не упустить ни одного слова о верблюдах. Учитель же был горд от того, что ученик так внимательно слушает, и старался научить его еще большему. Тем более, что до ухода каравана было достаточно времени.

- Смотри, сынок, верблюды очень ласковы с людьми, сразу понижают хорошее и плохое к ним отношение. В то же время очень злобны, когда с ними обращаются грубо. Более того, они до конца жизни затаивают злобу, ища момент отомстить. Не забывай об этом! Они бы-

вают еще более злобными, если бить по глазам. Мстя, могут и убить человека. Ты, наверное, слышал поговорку «Злобный как верблюд». Да, кстати, если самец в возбужденном состоянии случайно убьет человека, он потом долгое время раскаивается в совершенной ошибке. В этом случае верблюд от горя может и умереть.

Ученик не смог скрыть своего удивления.

- Боже мой, какая у них злоба и скорбь, какой ум? Если бы у человека были такие качества, он многого достиг бы.

- Сынок, у человека в первую очередь должны быть ум, знания, любовь к людям, к семье и счастье. Уже потом он должен любить выбранную профессию, – поправил ошибку ученика погонщик.

Ученик, поняв свою ошибку, решил переменить тему разговора.

- Господин, а как приручают верблюдов?

Погонщику верблюдов, весь день проводящему в седле, либо пешком отмеряющему фарсахи, с почерневшим от солнца лицом, этот простой вопрос так понравился, что он откинулся на подушки. В это время к двери комнаты в полной темноте шла пара ног. Владелец шагов, услышав голоса, придержал шаг возле двери.

- Уход за верблюдом требует особой сноровки, сынок. Слушай! Верблюдица нажинает приплод в три-четыре года. Рожает на тринадцатый месяц. До одного года малыша называют «верблюжонок», до двух лет «жеребенок». В три года их уже называют как положено. Верблюда приручают с двух лет. Это очень тяжелый труд. Погонщик изучает нрав верблюда, гладит его, приучает к веревке. Если этого не делать, приручить будет сложно. Необъезженный верблюд человека близко не подпускает, проявляет упрямство, не позволяет накинуть веревки. В этом случае надо быть терпеливым. Обучаемого верблюда держат уже с прирученными животными, насыпают ему соли, вместе с ними кормят. Потом изготавливают шерстяной недоуздок в виде цыганской шапочки, надевают на голову. Необъезженный верблюд, с детства слышавший возглас «хых», при этой команде сразу садится на землю. Первый раз его прикрывают попоной. Потом его надо приучать к поводку. Если верблюд не проявляет покорность, правую переднюю ногу сгибают в колене, перевязывают и в таком положении долгое время заставляют ходить. Если даже он захочет сесть, из-за того, что не разгибается нога, это не получится. Гладишь по телу, даешь соль. Повторяя эту процедуру несколько раз, верблюд

из-за принуждения, немного от необходимости, глядя на других верблюдов, смиряется...

Человек, который стоял за дверью и все это время слушал, погладил бороду, усмехнулся. Это был купец Агбаба. Он открыл дверь, вошел в комнату, громко поздоровался. Сидевшие, увидев вошедшего и проворно вскочив, поклонились и ответили на приветствие. Погонщик, увидев, что ученик так же как и он, учтиво поклонился, остался доволен.

- Учишь?

- Учю, да буду я вашей жертвой. Мир суетный, а смерть между глазом и бровью, время еще есть, подумал, пусть слушает и учится.

- Правильно поступаешь. Человек все свои знания должен передавать другому, чтобы это переходило из рода в род. Если у профессионала нет учеников, его дело не будет богоугодным и его не будут называть учителем. Короче... Пришел сказать, что после утреннего намаза отправляемся в путь. Сообщи всем, чтобы были готовы. Нам предстоит дальний путь.

Погонщик верблюдов сразу принял деловой вид.

- Нам не впервой, сейчас все сделаю. Ты, сынок, пойди подыши воздухом, - сказал он ученику. И спросил у Агбабы: - Что-то ты задумчив, родной, что-то случилось?

Агбаба опять погладил бороду.

- Пока ничего не случилось, хотя... Хотя после ухода из Тебриза у меня на душе неспокойно. Мне неспокойно, места себе найти не могу. Не знаю, то ли со мной что-то происходит, то ли где-то что-то произошло...

Погонщик верблюдов поспешил успокоить его:

- Ничего не случится, родной. Аллах всегда с нами, он нам поможет. Не первый раз идем! К тому же... ты человек очень хороший, успокой свое сердце. Успокой, чтобы все было хорошо. Иншалла³⁷, все будет хорошо!

Купец поднял руки и тоже произнес «Иншалла».

³⁷ Дай Бог, если Богу будет угодно

Верблюды, сидя перед хлевом, не спеша что-то жевали.

Человек в кожаном фартуке, разложив перед собой железные прутья с намотанной тканью на концах, поочередно опускал их в лохань с жидким маслом. Сзади одного из стоящих верблюдов стоял их хозяин. Он гладил верблюда, готовя его к тому, чтобы смазать маслом зад. Верблюды днями без воды в жару идут по пустыне и по этой причине у них в организме образуются жидкие и густые выделения, но из-за сухости в прямой кишке может образоваться рана. Из-за нее верблюд не может идти, а иногда и погибает. Опытный погонщик, перед выходом в путь при первой же возможности смазывает зад животным. Вследствие даже появилась такая специальность «смазыватель задов верблюдов», кстати, пользовавшаяся большой популярностью у караванщиков.

Верблюды могут в пустыне есть и колючки. Однако погонщик и его помощники должны серьезно подойти к вопросу обеспечения пищей и водой. На купцов надеяться нельзя было. Каким бы богатым и щедрым не был купец, запастись нужно было обязательно.

Еще не прозвучал утренний намаз, а обитатели караван-сарая были уже на ногах. Каждый занимался своим делом. Работам по снабжению дан был перерыв только во время намаза. После его совершения погонщик подошел к верблюдам и, чтобы взнудать ведомого верблюда, накинул на него попону, пропустив горб через порезь, закрепил поклажу. Потом накинул на голову уздечку.

Слуги и воины стали навьючивать на животных груз и закреплять его на их спинах. Погонщик оседлал коня. Когда со словами «О, Аллах!» караван тронулся в путь, сзади шли около ста вооруженных охранников. Они должны были сопровождать караван. Караван только вышел из Арджиша, как сидящий на одном из верблюдов Агбаба, обернувшись, посмотрел назад, внимательно вслушался. Как правило, звон колокольчика последнего верблюда отличался от остальных. Когда Агбаба слышал этот звон, он знал, что все хорошо и благодарил Аллаха.

Караван шел между холмами, поросшими полынью; кроме звона колокольчиков и мерных шагов ничего не было слышно. Запах полы-

ни опьянял. Погонщик, как и все, иногда глубоко вдыхал, глотая запах полыни, тихо про себя произнося «ой, хорошо!». Он ехал, почти отпустив поводья лошади. Вдруг лошадь, будто что-то почувствовав, фыркнула. Погонщик натянул поводья, поднял руку, привлекая внимание всех, потом незаметным движением приказал каравану остановиться. Внимательно осмотрелся. На холмах все было спокойно. Наверное, за ними следила или стая волков, или это был тигр. Лошади это чувствуют сразу и становятся беспокойными. Но, нет! Через некоторое время на одном из холмов стали виднеться черные папахи. Около четырехсот всадников в черных папахах окружили караван, лучники взяли его под прицел. Охранники каравана положили руки на рукоятки мечей. Погонщик, натянув левый повод, буквально сделал круг на месте. Потом успокоив себя и лошадь, крикнул в сторону холма:

- Кто вы такие и что вы хотите?

- Мы люди Черного Юсифа, будем грабить караван, - крикнул кто-то в ответ.

...Караван был в страхе, волнении и тревоге. Еще немного, и кто-то побежал бы, кто-то начал ругать грабителей, другие бросились бы в бой. Купец Агбаба вышел вперед.

- Может, договоримся? Мы заплатим земельный налог и пройдем, - крикнул он.

В ответ раздался голос:

- Мы не берем земельный налог, мы забираем все.

На этот раз заговорил погонщик верблюдов:

- У нас есть разрешение Великого Эмира, мы неприкосновенны, родной.

На той стороне захихикали. Тот, кто вел себя как главарь, крикнул:

- От кого, говорите, есть разрешение?

Погонщик растерялся.

- От Тамерлана.

- Законы Тамерлана здесь не работают. Если бы вы хотя бы сказали Мираншаха, тогда договорились бы.

На холме вновь засмеялись. Купец вновь внимательно посмотрел на людей, стоящих на холме. Они не были похожи на людей Черного

Юсифа. В сущности, он и сам был рода гарагойунлу ветви Бахарлы. «Нет, они не похожи на наш народ. И диалект другой. А может это люди Миран...» прикусил язык купец.

- Кто хозяин каравана?

Неожиданный вопрос отвлек купца от раздумий.

- Я глава каравана, а хозяином является Великий Эмир. Он вам этого не простит.

- Простит, не простит – это его дело. – Потом, показав своим людям на купца, сказал: - Этого оставить, остальных убить. А ты иди и скажи этому хромому, что твой караван разграбили люди Черного Юсифа. Если у него хватит смелости, пусть обо мне скажет что-нибудь плохое. Приду и разорву его.

Купец Агбаба не успел осознать, что хотел сказать главарь, как дождь из стрел посыпался на караван. Раздались крики. Охранники, обнажив мечи, бросились было в бой, но стрелы настигали их повсюду. Не прошло много времени, как все вокруг было усеяно трупами. Не пощадили никого.

Соскочивший с коня и спрятавшийся за одним из верблюдов погонщик взглядом искал своего помощника. Наконец высмотрел его. Когда хотел подскочить к нему и посоветовать убежать, одна из стрел пронзила ему горло. Мальчик с криком «учитель!» бросился к нему. Погонщик из последних сил произнес «прикинься убитым, пока не уйдут, не двигайся», попытался прочесть келмейи-шехатет³⁸.

Ученик вновь с криком «учитель!» упал в обморок.

...Больше некого было убивать. Только один Агбаба стоял как статуя. Стрелы, пролетающие слева и справа поражали всех, кроме него. Разбойники, обнажив мечи, с воем бросились в лощину. Здесь они добивали раненых. Через некоторое время все было кончено.

Главарь разбойников подъехал к Агбабе.

- Поезжай, скажи своему хозяину, что твой караван разграбили люди Черного Юсифа. Мы пощадили тебя, езжай.

Агбаба не ошибался, это не были люди Черного Юсифа. Теперь это страшное известие надо было срочно сообщить Тамерлану. Хлестнув коня плеткой, помчался обратно...

³⁸ Последнее слово мученика, молитва

...Караван вновь продолжал свой путь. Но теперь он шел в другую сторону. Его новые хозяева, свернув налево, хотели с юга обойти озеро Урмия и на самом деле вернуться обратно. Главаря разбойников, без потерь заимевшего такие богатства, буквально распирало от радости. Он шутил, разговаривал с товарищами. За происшествием, случившимся ранее, следила и третья сторона. Разведка гарагойунлу видела, как грабился караван, как убивали невинных людей. Когда караван изменил направление следования, разведка тоже исчезла с глаз.

Была середина лета, темнело поздно. Ближе к вечернему намазу караван вновь был окружен. На этот раз около тысячи человек окружили самих разбойников.

Разбойники, поняв, что окружены на открытой местности, решили вести переговоры. Сперва отправили одного с белым флагом.

Главарь гарагойунлу, увидев на голове парламентария черную папаху, сказал:

- По папaxe вижу, что ты из наших. Кто такие, чем занимаетесь, откуда и куда идете?

Эти слова воодушевили парламентария. Кажется люди в черных папахax приняли их за своих. Но он ошибался.

- Мы люди Черного Юсифа. Ограбили караван, идем с ним.

Главарь сделал вид, что он в неведении.

- Это вам поручил Черный Юсиф?

- Да, он сам нам поручил, - как ни в чем ни бывало ответил парламентарий.

Главарь так расхохотался, что папахa чуть не слетела с головы. Парламентарий, растерявшись, ничего не понимая, стоял с опешившим видом.

Сидевший на коне высокий, с закрученными усами величавый мужчина неожиданно посерьезнел.

- Что за ерунду ты городишь? Черный Юсиф – это я. А я такого поручения никому не давал! Кто бы вы ни были, за эти подлые действия должны быть наказаны. Свяжите этого, - приказал он своим людям. – Я с ним потом поговорю.

В одно мгновение парламентария связали по рукам и ногам и уложили на землю.

Разбойники ждали своего парламентария. Но вместо него их атаковали люди Черного Юсифа. Те, кто пытался сопротивляться, были убиты на месте, остальные, склонивши голову и поднявши руки, были пленены. В принципе, это невозможно было назвать сражением. Черный Юсиф вместе с караваном отправился в Диярбекир...

ГЛАВА 3

...Он стоял под большой скалой. Кажется, попал в окружение. На скале было много людей и они готовились сбросить на него камни. Он же, сжимая в руке меч, был готов к бою. Краем глаза смотрел по сторонам, но никого не видел. Кажется, все бросили его. «Нет, это невозможно. Даже в самые тяжелые минуты соратники не оставляли его. Что же случилось сейчас?».

В воздухе витал дух смерти. Значит, сегодня должен был пробить последний час, час смерти. Но он не мог уйти от этого жуткого воздуха и со скалы. Казалось, ноги его были прибиты к земле гвоздями. Рядом не было и любимого коня. Только глаза внимательно оглядывали все вокруг. Мозг же был затуманенным, многое просто не воспринималось. Вдруг захотелось крикнуть. Голоса не было. Душу продирали жуткий холод. Как будто холодный туман опустился. Даже рот не мог открыть. Все это он смог прояснить лишь в мыслях. «Где я попал в окружение? Кто те люди, что наверху? Что они хотят? Почему я здесь один?».

- Сдавайся, все равно не спасешься!

Эта мысль прозвучала как бы не вслух. Не открывая рта, он таким же образом ответил тем, кто был наверху.

- Кто вы?

Ответили не медля:

- Мы души тех людей, которых ты убил! Если присоединишься к нам, то не останешься под камнями, которые у нас в руках. – Волшебный голос вдруг позвал его: - И-д-и, пока не поздно, и-д-и-и.

Голос, удаляясь, будто превращался в эхо, ударялся о скалы, возвращался. – И-д-и-и-и! И-д-и-и-и!

Его внутренний голос ответил:

- Я не уповаю ни на кого, кроме Аллаха! У вас своя дорога, у меня своя.

Опять та волшебная мысль отозвалась в голове.

- Как зна-е-е-ш-ь, зна-е-е-ш-ь, зна-е-е-ш-ь!

С большой скалы камни скатились прямо на него.

У него уже не было чувства страха. Станным было то, что теперь у него работали правая нога и рука. Меч, который он всегда держал в левой руке, переложил в правую и нанес удар по первому камню, летевшему на него. Как только меч соприкоснулся с камнем, тот превратился в огромный шерстяной комок и упал рядом. Другие камни, не дойдя до него, превращались в шерстяные комки. Он воодушевился. Пока голова прояснялась, он летел вверх. Чем больше он поднимался вверх, тем меньше становилась та огромная скала, теперь напоминавшая горстку камней. Не видно было и душ людей. Будто ушли в небытие. Небо было абсолютно пустым. Издалека к нему приближались черные облака. Чем были эти облака, непонятно, но они, кажется, хотели его проглотить. Облака, приближаясь, увеличивались, пытались разорвать душу, вывернуть ее наизнанку. Но вдруг все изменилось. Откуда-то появились крупинки света, рассыпались по облакам. Все вокруг окуталось светом. Черные облака исчезли. Потом занавес света приподнялся над миром, смешался с небом. Неожиданно изнутри, прямо из макушки, вылетела крупица света, начала расти в сторону светового селевого потока. Тело мгновенно успокоилось. Он никогда не чувствовал такой легкости и спокойствия. Казалось, вместе с этой гущей, с крупницей света он тоже поднимался вверх. В этот момент он услышал мягкие шорохи. Будто кто-то ступал по мягкому снегу. Откуда-то раздался крик «В-е-е-ернись на-зад! Ты е-ще не за-к-о-н-ч-и-л д-е-л-а! В-е-е-ернись!»...

От неожиданного крика он будто проснулся, резко выпрямился. Его мучила одышка, сердце билось так, будто хотело вырваться из груди. Он обвел глазами комнату. Он не понимал, где находится. Одежда, постель была мокрой. Будто кто-то вылил пару ведер воды. Механически сунул руку под подушку, вытащил полотенце, вытер пот со лба. Внутри все горело от жажды. С левой стороны также невольно взял кувшин, оставленный еще с ночи, стал пить. Пил жадно, вода

текла мимо губ, и чем больше пил, тем быстрее внутри угасал жар. Тыльной стороной ладони вытер губы, подбородок. В это время его взгляд остановился на красном в цветах ковре, развешанном в пятнадцати-двадцати шагах. Сразу узнал ковер и все понял. Это был его шатер. Механически протянул руку назад, достал палку для бубна, постучал. Бубен издал глухой, но достаточно сильный звук. Начальник охраны, будто специально стоявший у дверей шатра, вошел. Он посмотрел на него, в первый миг даже забыв, что хотел спросить. Начальник охраны хотел в этот момент войти к нему? Почему? Была какая-то новость?

Но ничего не спросил у него. Вспомнив, что хотел, приказал позвать к нему главного астролога, а потом, подумав, еще и сына Шахруха.

...Теперь Великий Эмир разбил лагерь на лугу под названием Лурин близ Кабула. После этого начнется крупномасштабное нападение. На дворе был жаркий август, поэтому верхняя часть шатра была покрыта легкой шелковой тканью, откинутой в нескольких местах для поступления свежего воздуха. Днем, в самую жару под ярким солнцем, над шатром растягивали темное покрывало. Неизменным оставался лишь дверной гянджинский ковер. Легкий утренний ветерок развеивал покрытие шатра, от этого свежий воздух, проникая в одно отверстие, выходил из другого. Уже рассвело, он убрал деревянные затворы, потушил смоляные светильники. Когда вошел главный астролог, еще не совсем проснувшийся Тамерлан рукой позволил ему сесть. Главный астролог, сев, положил рядом с собой хурджун³⁹ и что-то, завернутое в плотную красную ткань.

Тамерлан, подробно рассказав ему свой сон, сказал:

- Теперь этот сон надо растолковать. А ну-ка, разберись, что нас ждет?

Астролог ничего не ответил, развернул красную ткань, вытащил один поднос, положил перед собой. На подносе были последовательно разложены небесные предметы – звезда, солнце, узорчатые планеты. Потом достал из хурджуна посуду с водой, пиалу и игральные кости. Посуда с водой и пиала были инкрустированы такими же не-

³⁹ Заплечная сумка из ткани или вязаная

бесными предметами. Из посуды в пиалу налил воду, поставил напротив подноса. Взял двумя пальцами игральные кости, что-то проговорил, подул на них, бросил в воду. Потом двумя пальцами вытащил их, вновь подул и бросил на поднос. Поднос был разделен на две части. Место, куда упали кости, закрутилось, остановилось в направлении солнца и звезд.

Наблюдавший за всеми действиями главного астролога Тамерлан молча, терпеливо ждал. Астролог же настолько был увлечен, что забыл, где он находится. Немного подумал, потом вытащил из хурджуна книгу, произнес «бисмиллах», стал перелистывать. В этот момент из передвижной мечети послышался азан. Эмир счел это хорошим знаком, и, не обращая внимания на астролога, пошел в угол шатра, где лежали кувшин и лохань для омовения перед намазом. Там, засучив рукава, совершил омовение рук и ног. Пока астролог шлифовал свои мысли, совершил утренний намаз. Когда закончил намаз, главный астролог закрыл книгу, произнес «Альхамду лиллях!»⁴⁰.

- Мой правитель, ваш сон предвещает хорошие дела. Сегодня вы услышите хорошие вести, ваше сердце будет наполнено гордостью.

Тамерлан поерзал на месте.

- Говори немного точнее и яснее, астролог. Говори не о каких-то вестях, а о чем конкретно они будут. Растолкуй сон как следует.

Главный астролог, не растерявшийся от звонкого голоса правителя, еще более собрался. За толкование таких снов он мог бы извлечь выгоду. Увлеченно погладил длинную бороду, лицу придал мудрое выражение.

- Мой правитель, толкование этого сна заключается в том, что Аллах Великий не скупится в благоволении к вам и прислал знак правления половиной мира в виде сна. Очень скоро все черные силы склонят головы перед вами, чтобы просить вашего благоволения. Внимание Аллаха всегда над вами, правитель!

Такое толкование сна главным астрологом было по душе Тамерлану, настроение улучшилось, он окончательно проснулся. Погладив бороду, Эмир благодушно возрадовался. Расположение духа совсем улучшилось.

⁴⁰ Хвала тебе, Аллах!

- То есть ты хочешь сказать, что во сне мне дано быть хаганом, халифом?

Астролог успокоился.

- Да, мой правитель!

- То есть как в небе один Аллах, на земле должен быть один хаган?

- Так оно и есть, о Великий правитель!

Великий эмир жестом приказал ему удалиться. Стоявшему в дверях начальник охраны поручил выдать астрологу из казны халат с золотым шитьем.

После того как астролог вышел из шатра, дверной ковер вновь прошелестел. Начальник охраны доложил, что пришел Шахрух. Тамерлан велел передать, чтобы тот обождал. После того, как слуги поменяли ему одежду, вышел, посмотрел на выстроившихся в ряд охранников. Охранники в черном хотя и не спали ночью, выглядели бодро. Это ему понравилось. Стоявшего в стороне и наблюдавшего за его действиями сына подозвал к себе. Сын подбежал, склонил голову и опустился на колени. На приказ «встань!» выпрямился, стал перед ним. Знаком приказал сыну следовать за ним. Охрана, сопровождая, шла позади, в десяти шагах.

Пройдя между шатрами, они вышли на луг с выпавшей росой. Тамерлан поручил постелить ковер и подать завтрак.

Очень скоро были расстелены две скатерти, на которых разложены мед, сливки, бурдючный сыр, отварное мясо ягненка, жареные перепела и другие яства.

На другую скатерть были принесены сухой хлеб, червивый бурдючный сыр и горячая вода. Шахруха душил интерес: почему две скатерти? Какую цель преследовал отец? И без того, когда начальник охраны его позвал, на сердце было беспокойно. Широко раскрытыми глазами он смотрел на ничего не выражающее лицо отца и на бегающих туда-сюда слуг.

По указанию отца они сперва сели за вторую скатерть. Эмир намочил сухой хлеб в горячей воде, окунул в червивый сыр, протянул сыну.

- Ешь, сынок.

Несмотря на то, что от вида еды на скатерти у него желудок подкатывался к горлу, перечить отцу Шахрух не посмел. Взял кусок, по-

ложил в рот. Сморщившись, с трудом стал жевать. Отец протянул ему пиалу с горячей водой. Шахрух выпил воды и его затошнило.

Великий Эмир, часто старавшийся мысли доносить без слов, встал, подошел к первой скатерти. Знаком приказал сыну сесть рядом. В горячий лаваш положил мед, сливки, свернул в трубочку, подал сыну. Отец так ловко и легко делал это левой рукой, что абсолютно не чувствовалось, что она не работает. Шахрух молча взял еду, откусил, стал с аппетитом есть, потом из пиалы, также поданной отцом, с удовольствием отпил зеленого чая. Если бы не стеснялся, с удовольствием съел бы еще один лаваш, попил чаю. Он хотел совсем избавиться от отвратительного вкуса червивого пахтанья и теплой воды. Отец будто читал его мысли. Протянул ему поджаренного в топленом масле перепела. Откусив от грудинки кусок, он не смог сдержать себя от наслаждения, произнес «вкусно!».

Все это время мысли Великого Эмира, не произнесшего ни слова, не попробовавшего из яств на скатерти, были где-то в другом месте. После того, как его двадцатидвухлетний, высокий, красивый сын проглотил последний кусок, сказал:

- Какая скатерть тебе больше понравилась, сынок?

Сын показал на ту, за которой сидел.

- Конечно, эта!

- Ты бы хотел, чтобы у тебя на скатерти всегда были дары Аллаха, вроде этих?

Сын так и не понял, что имел в виду отец.

- Кто бы не хотел этого, благодаря вам?

Тамерлан слегка качнул головой.

- Нет, это не только благодаря мне, но и должно быть благодаря тебе. Никто не останется вечным на этой земле, уйдет в иной мир... И я когда-нибудь уйду. Мир, который не остался Сулейману⁴¹, мне ли достанется?

- Пусть Всемогущий сделает так, чтобы вы всегда были над нами!

Эти слова были почтением перед отцом. Шахрух прекрасно понимал, что отец прав. Этот мир никому не останется... Однако он, как и все верные и надежные сыновья, не хотел мириться с этой неизбежностью.

⁴¹ Один из пророков

Великий Эмир, будто вновь прочитав мысли сына, улыбнулся:

- Слушай, сынок! Для того, чтобы скатерть правителя была такой богатой, и чтобы оставить ее наследникам, надо быть сильным. Речь не идет о физической силе. Физическая сила не закон, законом должна быть истинная сила. Для этого у правителя должно быть несколько важных достоинств...

Принц проявил нетерпение.

- Какие, мой Эмир?

В другое время никто не посмел бы прервать Эмира. Сильно привязанный к семье и внукам Эмир не придал этому значения. Теперь он был учителем. Устад Сейид Берке никогда на него не сердился, не ругал его, не раздувал ошибки.

- Первое достоинство – это мудрость правителя. Правитель должен принимать мудрые решения, должен уважать науку, религию, свой язык. Должен собирать вокруг себя сейидов, людей, сведущих в религии, уважаемых в обществе поэтов, приближать их к своему столу, советоваться с ними. Мудрый правитель должен переводить на свой язык все хорошие книги, издаваемые в мире, передавать их для изучения в медресе. Ты... Ты хотя бы знаешь отличие мудрого человека от дурака или умного?

Шахрух округленными глазами смотрел на отца, не зная, что ответить.

- Нет, не знаю!

Тамерлан улыбнулся, покачал головой.

- Дурной человек делает ошибки и не пытается их исправить. До самой смерти совершает ошибки, так и идет, все время падая. Умный делает ошибку, и когда понимает это, старается исправить ее и больше не допускать этого. Мудрый же человек никогда ошибок не допускает... Что, теперь понял, почему первым достоинством правителя должна быть мудрость? Когда правитель делает ошибку, от этого страдает он сам, его подданные и та земля, по которой ты ходишь, на которой ты вырос.

Принц был восхищен словами отца.

- Понял, о всемогущий!

Эмир тоже остался доволен. Чувствовал, что его слова проникают в душу сына, правят его мыслями.

- Вторым достоинством правителя должна быть справедливость, – сказал Тамерлан, отпив зеленого чая. – Быть справедливым означает умение отличать правое от неправого. Твои рычажные весы должны быть точными. Нельзя правду отдавать в жертву неправде. Нужно быть справедливым правителем. Нельзя мучить народ. То есть не нагружать его дополнительными налогами, преднамеренно повышать цены на базарах. К тому же правитель должен любить ближних, но избавлять их от несправедливых дел, в то же время, если нужно, уметь наказывать в укор другим. Да, нельзя сильно мучить воинов, с которыми ты идешь на сражение, нужно вовремя им платить. Отличившихся в армии нужно продвигать вперед. Армия – это твоя бьющая длань. Запоминаешь все, что говорю?

Принц забыл все: червивый сыр, теплую воду, трубочку из лаваша с медом и сливками, жареного перепела и другие яства, которые ждали его на скатерти. Ему казалось, что он сидит не за скатертью, а в медресе. Все, что говорил отец, он записывал в памяти.

- Конечно, я все запомню на всю жизнь, мой правитель!

Тамерлан тяжело вздохнул и с гордостью посмотрел на сына.

«Хоть бы и Мираншах был таким умным, как этот! Если бы у него хватило ума, он сам владел бы сейчас половиной мира». Но Эмир решил сейчас об этом не думать.

- Третье достоинство правителя заключается в том, что он должен знать все, что делается внутри страны и за ее пределами. Для этого не надо жалеть денег, золота, серебра. Его шпионы должны быть повсюду. У тебя должна быть информация от дворца до последней деревни. Армия – это как зеркало в ладони. Не оценив правильно ситуацию в стране, не сможешь принять правильное решение. – Тамерлан остановился, знаком подозвал слугу, приказал обновить чай и еду на скатерти. – Да-а, четвертое достоинство правителя – быть терпеливым. Твое терпение должно дырять камни. Услышав что-то, не торопись тотчас принимать решение. Будь терпеливым, все дела расследуй тщательно, затем принимай решение. Помнишь пословицы «Терпи и халва поспеет к сроку. И тутовый лист станет атласом, если растить и ухаживать». Никогда не переполняй чашу терпения.

Правитель замолк. Кажется, на сегодня наставления были завершены. Взглянул на сына, протянул руку к вновь принесенному слугой горячему лавашу.

- Теперь спокойно можешь завтракать, – разрешил Тамерлан, но тут его взор заметил стоящего неподалеку начальника охраны и явно что-то желающего сказать. Эмир позвал его. Начальник охраны подбежал и с почтением лег на землю перед ковром, на котором сидел Эмир.

- Кажется, есть срочные известия.

Начальник охраны, лежа и не поднимая головы, ответил:

- Да, мой правитель!

- Встань и доложи!

Начальник охраны встал и преклонил колени.

- От Дашти Кыпчака пришли люди Тамерлана Гутлуга Оглана и Идикина, парламентарий Хызыра Ходжи Оглана из Джете.

Эмир мгновенно вспомнил свой сон и его толкование астрологом, улыбнулся.

- Дальше...

- Мой правитель, далее сын Сары Буга Шейх Нуреддин из Шираз вернулся к вам на службу. С собой привез налоги и прочее, собранное в фарсской области.

Великий Эмир встал. От радости он забыл о голоде. Как только он встал, вскочил на ноги и стал перед ним сын Шахрух.

- Подготовьте переносной трон, через некоторое время приму парламентариев. Первыми пусть будут люди Дашти Кыпчака!

А Шахруху дал последнее задание.

- А тебя я назначаю правителем в Хорасан. Будешь жить и править в Герате. Свою любимую и красивую жену Гевхар Шады возьми с собой, но сына Улугбека, моего любимого внука, оставь здесь. Без него я сильно скучаю... Запомни: все, что я создал, ты должен беречь как зеницу ока!

Шахрух, слушая приказ, опустился на колени перед отцом и поцеловал его руку.

- Будет сделано, мой повелитель!

Шахрух только сейчас понял, что вся надежда отца только на него. Душу обуревали чувства ответственности и гордости...

Разговор был окончен, то, что Тамерлан годами хранил в душе, он сегодня сказал сыну. Он не ошибся в выборе: сын был понятли-

вым. В ходе разговора, наблюдая за выражением лица Шахруха, Эмир чувствовал, что все сказанное впечатывается в память сына.

Утренний свежий ветерок касался полотняных «берегов» лагеря, напоминавшего море с лазурными волнами, раскачивал их как волны. Эмир взирал на пейзаж с улыбкой. Кажется, на него нашло поэтическое настроение. Но нет, поэзия ему не была нужна. Поэты бывают мечтателями, фантазерами, много думают, но мало делают. Даже были заблуждавшиеся. Как, например, Имадеддин Насими. Хотя... Нет, Насими не был похож на заблуждавшегося. Разве на самом деле он не был самым великим благочестивым? Эти безграмотные религиозные деятели не могут понять его, а, не понимая, считают его стихи богохульством. Как говорил почтеннейший пророк? «Не покидайте то, что понять не можете!». Сейид и грамотный, конечно же, будет с рождения хорошо знать Ислам. Насими надо было изучать. Но кто будет его изучать? Те, кто будет изучать, ограничатся клеймом «гяур». Гяур он и все! Но он никак не мог принять то, что Насими гяур.

Хотя эти мысли немного разбередили его душу, портить настроение Эмир не захотел и, волоча ногу, пошел между шатрами в сторону главного шатра. Шел, не поднимая головы. Если бы смотрел, то в это время дня увидел бы много недостатков. Но в любом случае недостатки от него скрыть было невозможно. Даже в самом доверенном полку он находил десятки недостатков. В обычное время он хвалил воинов, и это его успокаивало. Но теперь лучше было сделать вид, что не заметил, чем увидев, промолчать. Но, охранники, увидев его, кричали «правитель идет!» и в соответствии с этим отвешивали поклоны.

Наконец он дошел до главного Красного шатра. Осторожно отодвинул ковер, вошел и сел на трон. Разложенные справа и слева от трона ярко-красные подушки навевали хорошее настроение. Постучал палками по бубну. Вошедшему начальнику охраны приказал пригласить парламентариев от Дашти Кыпчака.

Гутлуг Оглан и несколько других вошли, поцеловали край ковра у трона и в знак почтения остались недвижимыми до приглашения Эмира. Правитель указал им места справа от себя.

- У Дашти Кыпчака опять дуют ветра?

Гутлуг Оглан понял, куда клонит правитель.

- Да продлятся годы правителя. В Большой Родине действительно дуют холодные ветра. Золотой Орды теперь нет. Она развалилась на несколько частей. Несколько человек из рода Батыя объявили себя ханами, друг друга не признают. Кое-кто даже пошел на поклон к русскому хану, хочет остаться под его крылом. Потом, получив от него поддержку, идет войной на другого. Народ устал от этих беспорядков. Мы слышали, что скоро готовится восстание против Тейзи Оглан хана, который, сбежав от калмыков, пришел к вам. Вы же, наградив его подарками, взяли на службу...

Слушая его, Эмир ощущал чувство сожаления. «Напрасно я тогда не пошел на Москву, не сломал хребет русским. Смотри, как переменялся мир. Тюрк подлаживается под русского царя. Как только будет возможность, надо совершить туда поход». Хотя и думал об этом, но постарался поддержать пришедших.

- Очень плохо, что разделили народ на несколько частей. А произошло это потому, что вы забыли свод законов, которые вам оставил Великий Чингисхан, не следовали ему. Вы запутались с этой борьбой за трон. Забыли и Ислам, и заветы дедов и отцов. Может, и намаз не совершаете? Что вы теперь хотите от меня?

Тамерлан Гутлуг и другие опустили головы. После слов Тамерлана «вы прощень» Гутлуг Оглан поднял голову.

- О, Великий правитель, мы твои рабы и слуги. Если раньше у нас перед правителем были ошибки, мы сожалеем об этом и просим не лишать нас вашего благоволения. Мы лишь просим об одном: служить нашему правителю. Просьба наша в том, чтобы вы проявили к нам милосердие.

Великий Эмир добился того, чего хотел. «Вот так! Те, кто когда-то выступал против меня, теперь считают себя моими рабами и слугами. Их можно взять только силой и испугом. Значит, их надо постоянно держать в страхе. А для этого можно закрывать глаза на некоторые мелкие ошибки. Мерзость, ошибки и проступки делают язык коротким, глаза закрытыми у любого упрямого человека».

После нескольких вопросов и ответов Тамерлан простил всех. Все, что нужно было принцам для жилья, дал. Затем принял парламентария, прибывшего из Джете. Хызыр Ходжа писал, что моголы готовы принять его правление и стать его вассалами. Все это удовлет-

ворило Великого Эмира. Угроза территориям Междуречья, Самарканда и Бухары с севера и востока миновала. Но про поход на Индию он не забывал ни на минуту... Вызвал к себе полководцев левого фланга, в том числе Султан Махмуд хана, принцев Султан Гусейна и Рустама, Джаханшах бека, Гияседдина Тархани, Хамзу Тагай Буга Барласа, Эмир Шейх Аслана, Севинджек Бахадура и приказал немедленно продолжить путь на Индию. И левый фланг начал поход на Индию.

После этого Тамерлан принял Шейха Нуреддина. Выслушав его отчет, захотел осмотреть то, что привез Шейх...

В конце военного лагеря располагался трофейный склад Тамерлана. Привезенное Шейхом было разложено за шатрами длиной в двести зира и шириной в десять зира. Разноцветные летние и зимние шатры, посуда из золота, серебра, бронзы, жбаны, кувшины, золотые пояса, мечи и сабли, атлас, плотные ткани разных цветов. От всего этого великолепия рябило в глазах. Чего здесь только не было! Канцелярии Совета для подсчета всех трофеев понадобилось два дня. Неподалеку находились привязанные дикие животные и породистые кони. Эмир вместе с подданными, посланником из Джете и Тамерланом Гутлугом осматривал привезенные Шейхом Нуредином трофеи, в знак удовлетворения покачивал головой. Для полководцев перед боем увидеть все это было хорошим знаком. Глядя на это, они должны были думать, что смогут занять еще больше с непобедимым Тамерланом.

Парламентарии Дашти Кыпчака из Джете, никогда не видевшие столько богатства, не могли скрыть своего удивления.

Проходя мимо золотых изделий, Тамерлан вдруг увидел изготовленный из золота поясной ремень. Он отличался своей необычностью. Такие работы присущи азербайджанским ювелирам. Взял в руки, внимательно осмотрел, потом повернулся к Шейху Нуреддину.

- Если все это собрано на фарсидских территориях, как сюда попали изделия, изготовленные в Тебризе, Нахичеване, Шеки?

Шейх Нуреддин не смог скрыть своего удивления. Ответил вопросом на вопрос.

- Прошу прощения за мою смелость, мой правитель. Но откуда вы узнали, что эти вещи именно из Азербайджана?

Тамерлан поднял поясной ремень на уровень его лица.

- Смотри внимательно, Нуреддин бек. Этот ремень изготовлен по принципу шебеке⁴². Такие изделия делают только в Азербайджане. Это очень тонкая работа! Видимо, и туда их забрали из Азербайджана.

Эмир под удивленные и восхищенные взгляды подданных, положил ремень на место, завершил осмотр. В стороне стояло около ста человек.

- Кто они?

- Мастеровые, мой правитель! – сразу ответил Шейх Нуреддин. – Мы их собрали на фарсидских территориях и привезли. В Самарканде много строительства, там не хватает мастеровых. Поэтому и привезли.

Эмир, произнеся «правильно поступили», приблизился к ним. Мастеровые, увидев приближающегося правителя, склонили головы и опустили на колени. Тамерлан подошел к самому ближайшему, протянул руку.

- Ты встань.

Мастеровой встал, но голову не поднял.

- Откуда ты?

- Из Туса, - тихим голосом ответил тот.

Услышав слово «Тус», непроизвольно улыбнулся. Ему вспомнилась могила Фирдуоси. Несколько лет назад, проходя через Тус, он спросил, где могила поэта, потом посетил ее. Поставив левую ногу на его могилу, он тогда произнес: «Это ты в своей книге унижил тюрков, оскорбил их, назвав дивами⁴³? Теперь встань! Взгляни, как тюрки, которых ты не любишь, завоевали полмира. Султан Санджар столько сделал для тебя, а ты в своих писаниях унижил тюрков. Теперь встань и посмотри, какую культуру создали тюрки!». Тамерлан очнулся от этих мгновенных мыслей. Косо посмотрел на мастерового.

- Наверняка тебя зовут Абдулгасым? Потому что каждого пятого, родившегося там, называют или Абдулгасым, или Фирдуоси.

Мастеровой в знак согласия кивнул головой и тихим голосом сказал «да, господин». Эмир посмотрел на вздувшиеся вены на его грязной шее.

⁴² Ювелирная техника, похожая на филигрань

⁴³ Мифическое существо, сказочный великан огромной силы, людоед, циклоп

- Абдулгасым, ты хочешь вернуться домой или тебя отправить в Самарканд?

Абдулгасым промолчал. Конечно, он очень хотел вернуться домой. Но боялся своим ответом вызвать гнев правителя.

Тамерлан, поняв, что тот думает, не стал переспрашивать.

- Каких дел ты мастер?

- На камне вырезаю орнаменты, - опять тихим голосом ответил мастеровой.

Все, затаив дыхание, внимательно слушали этот диалог. Сегодня, будучи в хорошем настроении, Тамерлан сначала хотел отпустить этого мастерового домой. Но, переменял свое решение.

- Я задам тебе один вопрос. Если правильно ответишь, освобожу тебя. Кто настоящий мастеровой, или какие у него достоинства?

Абдулгасан поднял голову, посмотрел, и тут желание вернуться домой пересилило.

- Если работа нравится заказчику, потом всем остальным, значит он мастеровой.

- Нет, я не имею в виду достоинство зрительное, меня интересует философское достоинство, - возразил Эмир.

Мастеровой задумался, но так и не смог ничего придумать. Тамерлан отвернулся. Было ясно, что ответа не будет.

- Запомни, если человек работает только руками, значит он простой рабочий. Но если он работает руками и головой, это уже мастер. А если он работает руками, головой да еще с душой, значит он профессионал! Понял?

- Понял, Великий правитель.

Эмир повернулся к Шейху Нуреддину.

- Всех отправить в Самарканд!

Потом Эмир вышел из шатра, волоча ногу, пошел к коню. В этот момент к нему подошел начальник охраны.

- Мой правитель, из Газни прибыл Малик Мухаммед Афгани со своим людьми, хочет попасть на прием справедливого правителя.

Эмир качнул головой в знак согласия и передумал садиться на коня. Он принял решение принять Малика Мухаммеда Афгани прямо здесь, под солнцем. Его решение было понято мгновенно. Тотчас были постелены ковры. Был установлен переносной трон, над кото-

рым растянули полог от солнца. Потом Тамерлан сел на трон и знаком приказал «пусть идут!». Группа людей во главе с Маликом Мухаммедом Афгани, пройдя сквозь строй воинов, подошли к нему, преклонили колена, опустили головы на землю. Соблюдение знаков почтения было хорошим знаком.

- Что за проблемы у вас?

За всех, подняв голову, ответил Мухаммед Афгани.

- Мы в поиске справедливости, Великий правитель! Мы вас знаем как справедливого, не ставящего различий на рычажных весах ни для кого, Великого правителя. Поэтому уповаем на вас. Мы верные рабы правителя.

- Кто вас обидел?

Малик Мухаммед начал как попугай повторять слова, которые он учил несколько дней.

- О, Великий правитель! Глава племени каркан⁴⁴ Малик Муса Афгани убил моего брата, раба и слугу Великого Эмира. Разрушил крепость Эрьяб. Забрал наше имущество и богатства. Теперь занимается разбоем на дорогах. По ним никто не может пройти, не пострадав. А я, испугавшись его, сбежал в Газни. А теперь услышал, что Великий правитель пришел в эти места. Пришел от всей души исполнить любой ваш приказ.

Это известие рассердило Тамерлана. Сперва он решил отправить отряд и наказать Малика Мусу. Потом изменил свое решение. Движением руки позволил людям Малика Мухаммеда удалиться. А ему приказал встать.

- Ты не маячь здесь. Я напишу ему письмо, приглашу сюда. Если придет, вместо тебя сам его накажу. В случае, если не придет, дам армию, отомстишь за брата.

Афгани поклонился, поцеловал край его халата, вознес молитвы в его честь.

- Я знал, что справедливость можно было найти лишь у правителя. Пусть Аллах заберет часть нашей жизни и отдаст ее Великому Эмиру!

Как только Малик Мухаммед ушел, Тамерлан вызвал секретаря, который, выйдя из рядов приближенных, подошел с поклоном и сел

⁴⁴ Афганское племя

у ног правителя, скрестив ноги. Вытащил из маленького сундучка, с которым не расставался никогда, перо, чернила и бумагу, разложил ее на крышке сундучка.

- Пиши! – приказал Тамерлан после некоторых раздумий.

Секретарь, макнув перо в чернила, обратил взор на правителя.

- «Малик Муса, я слышал, что ты разрушил крепость Эрьяб. Эта крепость стоит на начале пути в Индию. Не надо было ее разрушать. Как только получишь это письмо, сразу приходи на встречу со мной. Я отдам тебе эту область, чтобы ты восстановил крепость».

Секретарь написал все, что сказал правитель, поднес бумагу, чтобы поставить печать. Тамерлан под письмом поставил оттиск своим кольцом с печатью.

Покрытие шатров колыхалось от свежего ветерка. Как бы просто это ни выглядело, но этот лагерь писал очередную страницу истории. Но писалась эта история не пером и чернилами секретаря, а мечом.

Малик Муса, сразу после получения письма, незамедлительно, собрал дорогие подарки и отправился к правителю. Тамерлан проявил к нему расположение, одарил его дорогими подарками. Но глаза Мусы говорили о его двуличии. После ухода он вновь начал бы грабить в приграничных районах. Это могло ударить по авторитету Тамерлана. Но пока пусть восстанавливает крепость. Одному из тысячников по имени Муса Камал он дал три тысячи воинов, которых вместе с Мусой Афгани отправил на восстановление крепости.

Человека изнутри поедает злоба и зависть. А от злобы и зависти возникает хищничество. У человека, который завидует жизни и быту другого, растет чувство злобы, он любыми путями старается сделать так, чтобы жить лучше. Разбой и грабеж – это показатели хищничества. Человек с такими качествами вокруг себя собирает обычно себе подобных, превращает грабеж в образ жизни.

Злоба и зависть, хищничество закрывают человеку глаза, его прозорливость, этот человек больше ни о чем думать не может. На

все, что происходит вокруг, он смотрит с точки зрения разбоя, грабежа.

Разрушая крепость Эрьяб, потом давая согласие на ее восстановление, Малик Муса все равно преследовал цели разбоя и грабежа. Возвращаясь от Тамерлана, он по пути разграбил одно село. Муса Камал срочно отправил по этому поводу сообщение Тамерлану.

Восстановление крепости Эрьяб началось без промедления. Каждый день двести-триста человек, днем и ночью безостановочно работали...

А чуть ранее этих событий в одном полуразрушенном доме Малик Муса Афгани, собрав вокруг себя десятников, делил награбленное в том самом селе добро. После дележа каждый удалился в свой угол. Вытащив из хурджунов съестные припасы, они уселись возле костра.

Только Малику Мусе на серебряной посуде принесли жареное мясо. Главарь стал брать грубыми и грязными пальцами жирные куски мяса и запихивать в рот. Толком не прожевав и еще не проглотив кусок, он тянулся за другим куском, потом брал кувшин и запивал это вином. Ел-пил, пока дыхание не стало тяжелым. После того, как глаза и мясистые щеки покраснели, отодвинул от себя блюдо с едой. Вытер жирные руки о край халата. Приказал слуге принести халат с золотой вышивкой, который ему подарил Тамерлан. Надев халат, стал куражиться.

- Видите, Великий Эмир лично подарил. Да еще и крепость Эрьяб нам подарил! Кажется, он нас остерегается. Когда его не будет, наши руки будут развязаны. И с легкостью сможем грабить и более дальние места.

- Ага, на самом деле этот хромой отдаст нам крепость? Я что-то не верю в это, - спросил один из сидящих.

- Хромой нас обманывает, - заговорил другой. - Когда мы грабили село, я сам видел, как Муса Камал отправил к нему гонца. Я слышал, что Малик Мухаммед пожаловался ему на тебя. Попросил помощи отомстить за брата.

Малик Муса задумался. «Неужели это правда, что Тамерлан собирается меня убить? Если это так, то он сделал бы это прямо в лаге-

ре. Значит, жалоба была после нашей встречи». Задумавшись об этом, главарь, не зная какое принять решение, вдруг сказал:

- Значит, делаем так...

Прошло некоторое время, крепость Эрьяб была почти восстановлена, остались мелкие недоделки. Когда Тамерлан получил известие об окончании работ, он решил лично осмотреть крепость. Когда он, сидя верхом с пешими приближенными был уже в двухстах зира от крепости, выпущенная откуда-то стрела со свистом полетела в него. Обученный в боях конь от свиста стрелы бросился в сторону, смог удержаться на ногах. Стрела легко ранила в плечо идущего следом воина. Охранники мгновенно ссадили Тамерлана с коня, окружили его щитами, обнажили мечи. Правитель поднял левую руку, потребовал от всех спокойствия. Потом, как будто ничего не случилось, спокойно спросил:

- Откуда стреляли?

- Кажется, с того балкона, правитель! В доме семь-восемь вооруженных людей, - сказал начальник охраны, показывая рукой на строение.

В таких случаях Эмир отдавал приказы спокойным голосом. Он и сейчас был спокоен и хладнокровен.

- Поймите их и отправьте в ад.

В этот момент ворота крепости стремительно закрылись. Воины атаковали балкон над воротами крепости. Стрела была выпущена из лука, и вернуть ее обратно было невозможно. Малик Муса, поняв, что его афера не удалась, вынужден был сражаться. Воины поставили лестницы и пытались взобраться на крепостную стену, и, хоть и столкнулись с яростным сопротивлением, но один из беков смог взобраться и, проявив неумную храбрость, смог уничтожить всех разбойников. Великий Эмир, сел на коня, через другие ворота прорвал оборону и вошел в крепость. Его воины сражались с таким рвением, что люди Малика Мусы, которых было намного больше, так и не поняли, каким образом они попали в плен. Не прошло и получаса, как Малик Муса и его двести человек, связанные по рукам и ногам, лежали у ног Тамерлана. Теперь рассерженный голос правителя, сидевшего на своем троне, разносился по всем уголкам города-крепости. Малика

Мусу приволокли и бросили к ногам Тамерлана. Великий Эмир поднял левую ногу, положил ее на блестящую лысую без чалмы, которая сорвалась, когда того волокли.

- Негодяй! Так ты отвечаешь на мое расположение к тебе?! Я тебя хорошо принял, одарил, пообещал отдать тебе область. А ты в ответ посылаешь в меня стрелу?! Изменник! Подлец! Неблагодарный! – закричал он.

Муса, извиваясь под тяжестью сапога правителя, завыл:

- Я не виноват, правитель! Люди сделали это без моего ведома. Я никому не давал такого указания. Это провокация.

Тамерлан сильнее прижал его голову к земле и крикнул:

- Говоришь, провокация? Я не говорил тебе о том, что отдам тебе эту область? Разве может человек грабить и разорять село собственной области? Я еще не говорю о том, что сидя в полуразрушенном доме, в подаренном мною расшитым золотом халате, вы издевались надо мной... - Поискал глазами кого-то в толпе. – Где этот десятник?

Один из охранников перерезал путы у одного из пленников. Когда Эмир вернулся и сел на трон, десятник подошел поближе, поклонился.

- Говори!

От звонкого, полного ярости голоса Великого Эмира десятник вздрогнул. Грозный голос Тамерлана напоминал извергающийся вулкан. Даже его собственные воины боялись этого голоса. За малейшую промашку любой из них мог стать мишенью этой ярости.

Десятник, трясясь от страха, показал на Малика Мусу:

- Вчера вечером этот сукин сын приказал вас убить стрелой, когда вы приблизитесь к крепости.

- Что должно было быть потом?

- Потом... Если стрела... да отсохнет мой язык... попала бы в правителя, нужно было воспользоваться суматохой и сбежать из других ворот.

Окружение Эмира замерло от удивления. Теперь всем стало ясно, что Эмир, заведомо зная о покушении, пошел прямо на смерть. Но не могли понять, когда и как правитель смог встретиться с десятником, проинструктировать его? Они никогда не узнают этого... Десятник ждал решения правителя.

Великий Эмир с ненавистью посмотрел на лежащего Малика Мусу. Голос вновь зазвенел.

- Ну... что ты скажешь на это? А говорил, что ни о чем не знаешь?

Главарь разбойников на мгновение представил собственную смерть. Понял, что ничто его не сможет спасти из рук Тамерлана и из последних сил завыл:

- Я ненавижу тебя. Ненавижу!.. – Потеряв силы, замолк.

Эмир в душе приветствовал его смелость, но был далек от мысли простить того, кто покушался на его жизнь. Если он сейчас его не накажет, в будущем и другие могут сойти с пути истинного. Безнаказанность увеличивает число преступлений, создает условия для их распространения... Эмир посмотрел в сторону приближенных.

- Где Малик Мухаммед?

Из задних рядов кто-то вышел.

- Я здесь, мой правитель.

Эмир указал на лежащего Малика Мусу.

- Ты говорил, что этот твой кровный враг убил твоего брата?

- Это так, мой правитель.

- Если так, - Тамерлан встал, указал на десятника, - то кроме этого десятника, его и его людей отдаю тебе, поручаю тебе и область. Вокруг Малика Мусы из его окружения не должно остаться в живых никого.

Малик Мухаммед сначала лично отрезал голову Малика Мусы, отомстив за брата. Потом люди Мусы по одному были казнены, сбежавшие были пойманы. Никто не остался без наказания. Если бы этого не случилось, вера в справедливость Эмира пошатнулась бы.

После того, как крепость Эрьяб была восстановлена, Тамерлан начал движение в сторону Шанузана. Вместе с армией пройдя через горы и леса в сентябре 1398 года, он пришел в город Шанузан. Наутро отдал приказ, чтобы принц Халил с тыловым обозом отправился по дороге Капычыгая в крепость Нагар. В Нагаре к Великому Эмиру присоединились воины шаха Сулеймана из Кабула, и началось

восстановление крепости. Когда Тамерлан был в крепости, пришло известие, что население Пурнии отказывается подчиняться Эмиру. Эмир приказал пехотным войскам войти в джунгли и оттуда подняться в горы. Воины, выполнившие его приказ, убили много афганцев, остальных пленили.

После того, как Тамерлан подчинил себе бакутов⁴⁵ и восстановление крепости было завершено, он отправил шаха Сулеймана в Мултан, в распоряжение Пир Мухаммеда. Оставив Шах Али Фарахи с пятьюстами воинами в крепости Нагар, сам отправился к широкой пойме реки Синд. Одно время Хорезмшах Джелалетдин, убегая от Чингисхана, бросился в воды этой реки и спасся. Чингисхан остановился у быстрой стремнины, прекратил погоню. В 1221 году Хорезмшах Джелалетдин одержал несколько блистательных побед над татарами. В последнем бою полководцы повздорили во время дележа трофеев, тем самым остановили погоню. По этой причине Джелалетдин был вынужден отступить. По дороге Газне-Гардиз он отступил к реке Синд. Армия Чингисхана 23 ноября 1221 года настигла его на правом берегу реки. И хотя в неравном бою Джелалетдин бился храбро, возникла угроза окружения. По этой причине он прямо в одежде и доспехах бросился в воду, выплыл на другой берег. Потом в пустыне Тхал смог оторваться от погони.

Тамерлан, приказавший разбить шатер на берегу именно этой реки, позволил парламентариям вернуться назад. Среди них от имени сейидов Мекки и Медины был и Сейид Мухаммед Медани.

...Пейзаж, который был виден из шатра, вверх Тамерлана в думы. Он смотрел на стремительное течение реки, воды которой, будто топясь, текли вдаль. Жизнь тоже протекала быстро. А сколько всего еще надо было сделать? Успеет ли? В случае, если бы можно было остановить это течение или повернуть его вспять, он бы тоже остановил, повернул вспять все тщетные моменты жизни. Но был более длинный, странный и загадочный момент. Берег, на котором сидел он, был в зеленых лесах и полях, противоположный же состоял из песчаных холмов. Разве это не одно из чудес Аллаха?

Увидев, что Сейид Мухаммед Медани вместе с усадом Сейидом Берке идут в его направлении, в душе произнес «молодец!».

⁴⁵ Афганское племя

Он правильно сделал, что привез устада сюда. Сейид Берке, показывая Сейиду Мухаммеду армию, показывал ему силу и мощь. Это, в свою очередь, давало ему возможность говорить на западе о завоеваниях Тамерлана. Он хотел этого. Очень часто его мысли сходились с мыслями устада.

Тамерлан встал с трона и под лучами вечернего осеннего солнца пошел им навстречу. Там, где он проходил, воины стояли вытянувшись. Уважение к своему правителю было одним из плодов учений. Там, где проходил правитель, воины обязаны были вставать, стоять вытянувшись, смиренно. Если кто-нибудь нечаянно двигался, дергал рукой или ногой, то становился объектом нареканий, наказания вплоть до ударов плетью со стороны командиров. Сила армии начинается с дисциплины и Тамерлан этому уделял пристальное внимание. У воина голубого цвета архалук, кожаный ремень, красные, широкие штаны, зеленая папаха на голове должны были быть всегда чистыми, сапоги – начищенными, мечи – отточенными и блестящими. Если Тамерлан подходил, вынимал из ножен воина меч и видел, что он в запекшейся крови, мог эту кровь смешать с кровью воина.

В то же время шатер воина, ушедшего в поход, должен был быть аккуратным и удобным. Другие его личные вещи, в частности, трофеи, должны были сдаваться на трофейный склад, где брались под строгий учет. Когда трофеев набиралось много, специальная команда отправляла их по адресу, указанному воином. Канцелярия Тамерлана по учету работала четко. Даже если пропадал учетный лист или же воин погибал, его трофеи не присваивались, а отправлялись семье. Работникам и охранникам трофейного склада выплачивалось солидное жалование, которое ограждало их от необходимости брать взятки или же обманывать кого-то. В то же время у них не было желания быть в армии и набирать трофеи. В свое время за аферы было отрезано немало не только рук, но и голов. Помимо строгих правил по обеспечению дисциплины в армии, в центре внимания была и разъяснительная работа, были люди, которые выступали по этому поводу. Они очень часто приглашались на сборы воинов, беседу у костров, где рассказывали поучительные истории о сражениях, о справедливости и требовательности Эмира, о геройствах воинов, в то же время о наказаниях тех, кто нарушал правила. Эти рассказы повторялись по

многу раз, обрастали новыми подробностями, становились совершенно другими. Некоторые иногда с интересом слушал и сам Эмир.

Многие из правил были внедрены благодаря советам Сейида Берке. Сейид прекрасно знал особенности характера человека.

В то же время Сейид Берке был единственным человеком, которому не позволялось перед Эмиром опускаться на колени и кланяться. Теперь, когда они встречались, с улыбкой здоровались кивком головы. В этот момент Сейид Мухаммед тоже кивком поздоровался с Эмиром и начал что-то говорить по-арабски. Этот факт не ускользнул от внимания Тамерлана и не понравился ему. Кто это такой, что ставит себя на уровень Сейида Берке? Хотя слово «сейид» по-арабски означает «господин», на самом деле в Исламе это уважительное добавление к именам людей из рода пророков, сейиды были почитаемыми людьми. Однако по сей день в различных областях, в частности, в Персии, Азербайджане он встречал таких сейидов, которых не принял бы и обычными конюхами. К сожалению, с наказанием таких лиц рекомендовалось не торопиться. Устад Берке, Имадеддин Насими тоже были сейидами. Пророки Ислама рекомендовали прощать хороших самим, а плохих в память о пророках. В этом плане он слышал немало историй. Во всяком случае, памятуя устада и сейидство, можно было не обращать внимания на то, что Сейид Мухаммед не поклонился покорно. Кроме аятов в Коране по-арабски он ничего другого не знал. Но, хорошо изучив значение этих выражений, мог составлять предложения и выражать свои мысли. Но этого он не при ком не делал, кроме устада. Этот момент в чем-то понимании мог быть расценен как слабость. Он был правителем, все привыкли видеть его справедливым. Каждый был ответственен перед ним, а, значит, любой стоящий перед ним должен был знать его язык. Потому как он не мог свободно говорить по-арабски, сразу обратил взор на устада Берке. Сейид Берке, сразу поняв его, стал переводить.

- Сейиды Мекки и Медины, а также все жители приветствуют вас, покровителя Ислама, желают правителю долгих лет жизни.

Эти хвалебные слова понравились Великому Эмиру, который несколько поубавил свою злость в отношении Сейида Мухаммеда. «Значит, в колыбели Ислама Мекке и Медине меня воспринимают таким образом. Покровитель Ислама!».

Мысль не озвучил, но от реплики не удержался.

- Однако чувствуется, что египетские тюрки и османы не очень хорошо к вам относятся.

Говоря это, он хотел выяснить, как на самом деле сейиды Мекки и Медины относятся к тюркам. Те, кто ненавидел тюрков, не могли любить его самого. Каким бы он не был близким или далеким и назывался по-другому – азиат или европеец, он по происхождению был тюрк. Но, по всему было видно, что Сейид Мухаммед видел немало политических скандалов, созрел, помудрел. Медани, в черной хламиде, белой чалме после перевода Сейида Берке улыбнулся, погладил рукой длинную бороду.

- На них мы не жалуемся. Однако у вас, о великий правитель, больше преимуществ.

Тамерлан тяжело повернулся и, волоча ногу, пошел к реке. Это означало, что и они должны были пойти за ним.

- А какие мои преимущества?

Они подошли к реке, остановились.

Сейид Мухаммед, кажется, ждал этого вопроса. Или же, по всей видимости, давно и хорошо знавший его Сейид Берке хорошо его подготовил. По этой причине ответ прозвучал спокойно и открыто.

- Отношение правителя к сейидам, религиозным деятелям и ученым очень хорошее. Куда бы Великий Эмир не пошел, он собирает их вокруг себя, советуется с ними. В честь уважаемых сейидов возводит мавзолеи, с участием сейидов проводит религиозно-научные обсуждения. А самое главное то, что не позволяет их обижать и оскорблять. Однако у египетских и османских тюрков нет мужества Великого правителя. А Ислам нуждается в мудрецах и в обладателе большой веры, в правителе. Наместником веры на земле может быть лишь благоверный правитель. Потому мы ждем, глядя на дорогу. Ждем и надеемся, что нога Великого Правителя, наконец, ступит на святые земли, еще более возвеличит их. Да будет здравствовать поступь победоносной тюрко-исламской армии! Дух пророка, иншалла, будет доволен вами!

То, что говорил Медани, Сейид Берке переводил. Тамерлан же молчал. Это означало, что он доволен Сейидом Мухаммедом. Хорошим знаком было то, что он назвал армию «победоносной тюрко-исламской». Но почему они задумались об этом лишь сегодня? Это была

случайность или признание его силы? Во время короткой прогулки по берегу реки Тамерлан был в глубоких раздумьях. Но ничего не ответил. Оставив это право за собой, ждал, что еще скажет тот. Если скажет, значит, подвергнет сомнению его искренность, выдаст то, что он служит какой-то цели. Но Сейид Мухаммед молчал. Тамерлан смотрел на пенящуюся воду, как бы пытаясь уточнить свое мнение о ней. Через эту реку надо было успешно, без потерь в живой силе, перейти.

Пока шли до шатра, Тамерлан не нарушил молчание, все думал. Взвешивал все, что говорил Сейид Мухаммед. В таких серьезных вопросах он никому довериться не мог. «У меня нет полного права доверять этому Сейиду Мухаммеду. Его мастерство, даровитость бросают тень на искренность. Может, Султан Баркук или Баязид хотят узнать то, что я задумал на будущее? Все равно когда-то я пойду туда. Но если об этом кто-то узнает, они могут объединиться против меня. Сказать о том, что никогда не пойду туда, тоже неверно. Долг каждого мусульманина побывать в святых Мекке и Медине, совершить ритуальный обход Каабы. Отказываться нереально, это претит моему имени и вере. А объявление точной даты прибытия даст возможность противникам объединить силы. Но этого не будет в месяц зилхиджа⁴⁶ и во время Хаджа⁴⁷. Я не смогу пролить кровь в эти святые месяцы».

Солнце прятало осенние лучи за вершинами деревьев, длинные тени которых покрывали лагерь, придавая ему странный разноцветный вид. Через некоторое время к этому прибавится ночная темнота, но тысячи, миллионы звезд на небе не заменят солнце. Эмир очень не любил темноту. Она годилась только для того, чтобы воины могли отдохнуть. Армия же готовилась к ужину. На кострах кипели большие казаны, вкусный запах отварного мяса распространялся по лагерю.

Начальник охраны раздвинул кошму, дверной ковер, чтобы Эмир мог войти в шатер. Шатер хотя и был пуст, но в нем было тепло. Уходя в поход, он не брал с собой визирей. Они должны были управлять государством. А как они это делали, Тамерлану по возвращении сообщали специальные люди. Эти люди выполняли во дворце важные дела, но в тоже время контролировали все. О любой случившейся

⁴⁶ Последний месяц года по лунному календарю

⁴⁷ Религиозное паломничество в Мекку, которое должен совершить хотя бы раз в жизни каждый мусульманин

мелочи ему докладывалось. Одну и ту же историю рассказывали несколько человек, а выводы он делал сам. Служители, зная о том, что даже в отсутствие Эмира в Самарканде он информирован обо всем, работали строго, четко, остерегались всего. Такое же положение он создал и в армии. Иногда о каком-либо происшествии ему доносили раньше полководцев или тысячников. Это были не стукачи, а надежные шпионы. Им платили с избытком, за ложную информацию жестоко наказывали. Во время походов из постоянно присутствовавших консультантов самым надежным и единственным был Сейид Берке.

Теперь сидя в шатре на переносном троне, Эмир на мгновение вспомнил сообщения о положении дел в Самарканде и спокойно вздохнул от мысли, что там все нормально.

Сейиды стали по правую руку от него. Тамерлан посмотрел на Сейида Мухаммеда. Если бы преданность одного такого человека оправдала себя, и он доверял бы ему, его можно было бы назначить правителем в один из халифатов.

- Если Аллах позволит, я совершу паломничество в ваши края. У меня нет мысли не следовать канонам Ислама! Это нанесет вред нашей вере. Правитель без веры подобен бешеной собаке. Мы не можем не прийти в главный дом поклонения Аллаха для возблагодарения за победы, победоносные походы! Но время определит сам Всевышний. Когда он позволит, мы придем. Если не позволит... мне кажется, он предложит своим любимым рабам самое приемлемое.

Сказанное им понравилось и ему самому и у него потеплело на сердце. Но он не позволил продолжить этот разговор, размениваться на детали. Он не хотел, чтобы этот чужеземный сейид сказал что-нибудь лучше него. Начальнику охраны, во время таких встреч всегда стоявшему у дверей шатра, приказал принести подарки, предусмотренные для Сейида Мухаммеда. Этот приказ отвлек от общего разговора, лицо парламентария выразило удовлетворение. Что на этом свете было могущественнее налога и подарков? То, что мог бы сделать этот сейид ему на пользу в Мекке и Медине, не сделала бы целая армия.

Ночью Тамерлан вновь пошел к реке, сложив руки за спиной, бродил в одиночестве. В такие минуты прогулок он не любил, чтобы кто-то бродил рядом и охранял его. Если он не мог обеспечить свою

безопасность в армии, значит, смерть была бы дозволена. Не имело смысла со слабой армией выходить из Самарканда. После ночных прогулок на следующий день он выдавал самые безукоризненные решения. В результате долгих блужданий можно было бы стать лишь поэтом. Он же хотел быть завоевателем.

Нельзя был мешкать с большой победой...

Утром Эмир приказал за два дня возвести над рекой крепкий мост. До него никто, ни Махмуд Газневи, ни Чингисхан не делали этого. Они переплывались через реку или на паромах, или на кожаных бурдюках, заполненных воздухом. Но в таких случаях опасности подвергались скот, необходимый для прокорма армии, лошади, верблюды, да и сами воины. Вода уносила их, повозки с грузами. Такие переходы ослабляли армию.

В полночь Тамерлан с почестями принял правителя Кашмира, шаха Искендера, дал согласие на то, чтобы тот стал его вассалом.

24 сентября 1398 года армия Тамерлана, без потерь перейдя по построенному мосту, ступила на землю Индии.

Тюркско-исламская армия на своем пути до Таламба подчиняла себе встречавшиеся села и города. Не подчинившихся нагоняли и уничтожали в джунглях, в пустыне, в горах. Город Таламб располагался в двенадцати фарсах от Мултана, в начале дороги, которая вела во вторую столицу султаната Дели. Правитель Таламба, местные сейиды, священнослужители, услышав о том, что Тамерлан разбил лагерь на окраине города, все как один явились к правителю. Великий Эмир их приветливо принял, одарил подарками. Это было сигналом и для других.

Несмотря на тяжелый путь и трудности, Тамерлан уже не останавливался, сметая на своем пути все, двигался дальше, приближался к Большой победе.

Когда армия достигла реки Джал, младший брат Шейха Коярина Нусрет, стоя на противоположном берегу с десяти тысячной армией, прислал сообщение, что не позволит Тамерлану переправиться через реку. Тамерлан не хотел здесь тратить время на постройку моста. Впервые выбрал метод «сражения на воде». Назначив на фланги Аллахдада, Шах Мелика, а в центр Али Султана Тавачы и приказал форсировать реку. Десятки тысяч воинов на надутых воздухом бурдюках вошли в воду.

Шейх Нусрет понимал, что переходить через неконтролируемую реку без моста очень опасно. Да и остановить большую армию с десятью тысячами воинов было невозможно.

Десять тысяч воинов на противоположном берегу, войдя по пояс в воду, приготовив луки и стрелы, мечи и пики, ждали противника. Но Шейх Нусрет, считавший реку природной крепостью, не знал, что приготовил ему Тамерлан.

Тамерлан прекрасно понимал, что его воины на бурдюках с воздухом могут стать дешевыми жертвами смерти. Сложилась такая ситуация, когда надо было или умереть за идею, или повернуть назад. Тамерлан, не думая, выбрал первое. Когда воины с бурдюками вошли в воду, с противоположного берега на тюркском языке раздался крик:

- Идите, идите! Сейчас мы вам такое устроим, что ваши родные вас не найдут!

- Эта вода станет вашей могилой!

- Мы покажем хромому Тамерлану, что такое Индия!

Эти выкрики хотя и доходили до ушей воинов, но они, не обращая внимания, на бурдюках, держа меч в одной руке, а другой помогая себе плыть, продвигались вперед. Но это была не спокойная гладь озера, речной поток тащил их вниз по течению.

Новый метод сражения Тамерлана Шейху Нусрету даже в голову не мог прийти. Он был настолько уверен в себе, что даже не задумывался о других мерах безопасности.

Хотя у него были все основания так думать. Он хорошо изучил все методы сражений Тамерлана, хорошо знал, как воевать с ним в разных условиях. Думал он и о том, что это сражение принесет ему славу. Если сегодня никогда не проигрывавший Тамерлан будет побежден, его имя попадет в Историю.

Воины по пояс в воде ждали противника, плывущего на бурдюках. Воины же Тамерлана, как ни в чем не бывало, продолжали плыть к противоположному берегу. Когда до берега оставалось около двадцати зира, на головы стоявших на берегу с воздуха вдруг стали сыпаться крупные камни. Все растерялись. Это были катапульты Тамерлана. Эти машины, которые за ночь Тамерлан приказал замаскировать в вырытых ямах, играли неоценимую роль при осаде крепостей, или в момент, когда армии еще не сблизилась. Эти машины с большой мета-

тельной силой бросали камни весом в три-четыре пуда на расстояние до трехсот зира.

Камни, падая на головы воинов, выводили из строя от одного до четырех человек сразу. В растерянности остановились и воины Тамерлана, не знавшие об этой хитрости. Катапульти продолжали безостановочно метать камни. Воины противника не знали, что делать: спасаться от камней или ждать приближающихся воинов Тамерлана. Это волновало и страшило одновременно.

Когда воины приблизились к берегу, катапульти перестали выбрасывать свой смертоносный груз, чтобы не побить своих. Воины Али Султана Тавачы в центре, соскользнув с бурдюков и почувствовав под ногами твердое дно, первыми бросились на противника, растерявшегося от камнепада. Первым до противника добежал сам Али Султан. Выбегая из воды, мечом ударил по голове первого врага. Кровь из разрушенной головы смешалась с водой. Вода, приняв первую кровь и первую жертву, увлекла его на глубину. Потом второго, третьего, а через некоторое время стала забирать массы жертв.

Число жертв росло, трупы лежали друг на друге. Это были воины с той и с этой сторон. Сражение разгоралось. Летели стрелы, звенели мечи, раскалывались щиты, крики, предсмертные вопли разносились повсюду. Удары, в основном, наносились по рукам и головам. Тамерлан, стоя над оврагом на берегу, приложив руку козырьком ко лбу, следил за боем. А Шейх Нусрет бился верхом на коне. Воины Али Султана Тавачы, наконец, с трудом прорвав оборону, вышли на берег. Это заняло много времени. Индийцы хотя и бились самоотверженно, но, не имея подкрепления, стали отступать. А число подплывающих на бурдюках воинов стремительно росло. Индийцы окончательно упали духом, когда услышали чей-то крик:

- Нусрет сбежал! Отступаем!

Определить, кто кричал, воин Нусрета или Эмира, было невозможно. Однако этот крик пришелся по душе обеим сторонам. Сперва воины Нусрета, развернувшись, бросились бежать, а воины Тамерлана также бегом преследовать. В этом бою Тамерланды взяли большое количество трофеев, пленили тысячи воинов противника.

Мултан был второй столицей Индии. В начале года, когда принц Пир Мухаммед Джахангир окружил Мултан, он не мог себе представить, что через семь-восемь месяцев сам окажется в окружении. После смерти Фируз шаха его уполномоченный Маллу хотя и привел к власти внука Султана Махмуда, фактически Индией правили два брата. Маллу остался в Дели с султаном, западная часть со столицей в Мултане была под надзором его брата Саранга. После того, как Тамерлан отдал области Гундуз, Баглан, Кабул, Газни и Кандагар Пир Мухаммеду, тот навел здесь порядок, потом по приказу деда окружил Мултан. В этом городе жило много людей. Помимо этого жившие неподалеку также пришли в город-крепость, в результате образовалось столпотворение. Но правитель Мултана Саранг около шести месяцев смог выдерживать осаду. Потом обстановка осложнилась, начался голод. В городе не осталось собак и кошек, все были пойманы и съедены. До ушей Саранга доходили слухи и о том, что кое-где в городе уже едят человеческое мясо. Это его удручало.

Убедившись, что из Дели не будет никакой помощи, он вынужден был сдать город. Саранг, сдавший ключи от города принцу, был отпущен восвояси. Пир Мухаммед торжественно, стройными отрядами вошел в город. Он запретил грабить город Мултан. Определив налоги, стал управлять областью, которая находилась в подчинении столицы. Но Саранг не успокоился. Уйдя из Мултана, он встретился с местными купцами, переговорил с ними, собрал армию и ждал своего часа, чтобы отомстить Пир Мухаммеду. Не смея появиться на глаза брату Малу, он намеревался стремительным ударом отвоевать Мултан. Но перед этим нужно было сделать кое-какие дела.

Пир Мухаммед Джахангир, спавший в своей постели, окруженной занавесями из белого шелка, с вышивкой из таких же нитей, немного понежился, открыл глаза. Все вокруг было в тумане. Из-за этого «тумана» он оглядел все вокруг себя. Черная родинка лежащей рядом с ним совершенной голой рабыни придавала ей особую прелесть. В отличие от деда он считал дозволенным спать с рабынями. Он был равнодушен к красивым женщинам. Особенно не мог пройти мимо

индусок с округлыми щеками, крупными глазами, твердыми, острыми грудями. Вспомнил вчерашнюю веселую, опьяняющую ночь...

...Услышав весть о победном форсировании дедом реки Синд, вечером в эту честь Пир Мухаммед устроил во дворце большое застолье с участием беков и эмиров. Кроме Шахруха никто из внуков не соблюдал каноны Ислама. Пир Мухаммед не совершал намаз, пил вино, не ходил хотя бы для видимости даже на пятничный намаз. С вечера он начал развлекаться с танцовщицами-рабынями, потом перепил вина, далее забрав одну из рабынь, ушел к себе. Эта индуска доставила ему удовольствие, которое он доселе не получал.

Они заснули только после третьих петухов. Принцу сперва захотелось обнять ее и немного поспать. Потом, о чем-то подумав, растолкал девушку, приказал одеться и уйти. Индуска, еще толком не проснувшись, с недовольным видом оделась, поправила волосы, и на цыпочках осторожно удалилась из комнаты. Принц умылся, привел себя в порядок и прошел в комнату для приемов. Здесь его ждал Тамерлан Ходжа Аг Буга. Увидев принца, тотчас встал, приветствовал его.

- Ты чем-то обеспокоен, Тамерлан Ходжа, - сказал принц, взглянув на него. – Ничего не случилось?

Аг Буга потирал руки, не зная с чего начать.

- Надо было Саранга оставить здесь, при нас. Потому что он получит поддержку от своего брата Маллу и пойдет на нас.

Принц вздохнул несколько свободнее.

- О-х-х, а я думал, что случилось... Придет, наши доблестные воины разобьют его и отправят восвояси.

- Нет, дело обстоит совсем по-другому, доблестный принц. Этот коварный Саранг хочет нам отомстить за Мултан, поэтому очень осмотрительно себя ведет, - осторожно возразил эмир.

Пир Мухаммед внимательно взглянул на опытного полководца, старинного соратника отца.

- И все-таки, что-то случилось?

- Случилось, доблестный принц, случилось.

Терпение принца лопнуло.

- Во имя Аллаха, не томи меня, эмир Аг Буга. Говори, наконец.

Доселе говорившего осторожно, окольно, эquivoками, Тамерлана Ходжу буквально прорвало.

- Люди Саранга убили большинство правителей, назначенных принцем. С раннего утра гонцы один за другим приносят дурные вести.

Пир Мухаммед сразу понял ситуацию. Хлопнул два раза в ладоши. Приказал вошедшему начальнику охраны.

- Подготовьте мое оружие и доспехи!

Тамерлан Ходжа оборвал его на полуслове.

- Не спешите, доблестный принц, это еще не все. Когда я все скажу, примете решение.

Пир Мухаммед полностью очнулся после сладостной ночи. Приказал начальнику охраны уйти. А сам внимательно посмотрел на Тамерлана Ходжу.

- Говори, что еще за дурная весть?

- Ранним утром с пастбищ пришел гонец. Саранг отравил всех наших лошадей. В течение часа погибло тридцать тысяч лошадей.

У принца задрожали ноги. Чтобы не упасть, он опустился на ковер. Гибель тридцати тысяч лошадей можно было расценивать как предварительное поражение в любом бою. Практически все его воины были всадниками. Всадник без лошади все равно, что воин без рук и ног. А всадники без лошадей не могут сражаться как пехотинцы.

Принц говорил с трудом.

- Как это случилось? Разве охраны не было?

- Гонец говорит, что это случилось во время водопооя. Никто ни о чем не знает. Все случилось в течение часа, лошади разом погибли.

Пир Мухаммед, взяв себя в руки, встал.

- Надо собрать всех эмиров, полководцев, посоветоваться. Вместе легче. Что-то придумать. Посмотрим, что будем делать.

Тамерлану Ходже стало легче. «Действует точно, как дед. Все выслушает, потом примет решение. Не теряется, решителен».

- Мы пригласили всех, ждут, когда вы их примете. Да, мы получили еще одно известие о том, что Саранг идет на Мултан.

После всего этого принца уже нельзя было ничем удивить. После долгого совещания было принято решение организовать оборону Мултана.

Саранг месяц держал осаду Мултана. Но не мог взять город. И каждый день все больше чувствовал дыхание Тамерлана у себя на затылке.

Беженцы и переселенцы каждый раз сообщали, где он находится. По последним данным Тамерлан находился совсем близко и мог в любое время окружить Саранга. В один прекрасный день он отвел войска, и больше о нем ничего не было слышно.

Как только Саранг отступил, Пир Мухаммед Джахангир вышел из города-крепости, чтобы отправиться к деду. Он встретился с Эмиром Тамерланом на берегу реки Биях. Тамерлан потребовал досконально обо всем рассказать. Потом похвалил его. Услышав о массовой гибели коней, подарил принцу десять тысяч лошадей. А для сбора остальных двадцати тысяч в округе дал ему два дня времени. В противном случае он забрал бы эти десять тысяч, а всадников принца перевел бы в хозяйственный обоз.

Впереди их ждали более серьезные сражения. Тамерлан стремительно прошел Джанджан, Асфар. Но в Сахвале остановился. Здесь он приказал отвести на временное хранение тыловые грузы в Саман, что поблизости от Дели. А сам с армией отправился в Арджудан, в крепость Батнир...

Несмотря на то, что войны приносят бедствия, катастрофы, смерти и голод, тысячи людей терпят лишения, немало и таких, кто на этом богатеет и наживается. На этом пути одним из немисливо разбогатевших был купец Афшар. Тамерлан поручил ему руководство торговым караваном, следовавшим за армией. Острый ум, опыт Афшара научили его открывать в тылу полевые базары. Все было как на базарах Самарканда. Здесь все покупалось и продавалось. Но в отличие от Самарканда, покупалось все по низкой цене, а продавалось воинам по высокой. На таких базарах можно было купить все. У базара, который открывался в неделю один раз, не было конца и края. Как и на всех городских базарах, здесь были управляющий, попрошайки, дервиши. За большой армией фактически шла такая же толпа. Жениться-разводиться, покупать рабов и слуг было обыденным делом. Купец Афшар два раза отправлял тяжелые караваны в Самарканд, которые назад возвращались также нагруженными.

Тысячник Али Султана Тавачы Шамседдин бродил по базару и от удивления у него округлились глаза. На таком базаре он был впервые. Если бы не специальное поручение Эмира, он бы никогда не увидел это место. На один миг он себя почувствовал в спокойной обстановке. Будто и не было похода. Сперва решил побродить по базару, приглядеться, потом уже поговорить с купцами.

Первым долгом тысячник придержал шаг у места, где продавали рабов и слуг. Как правило, награбленное, трофеи и пленных приносили или приводили сотники. Они их либо продавали, либо обменивали на что-то другое. Тысячник узнал сотника, продававшего живой товар. Несмотря на то, что Ханахмед в сражениях был смелым, но в торговле его способности видны не были. На базаре со своими законами были и свои полководцы. Только один Ханахмед привел на базар более пяти сотен невольников. Из них почти сто были молодые девушки... Но все не могли принадлежать только ему. Обычно такой товар собирали вместе и поручали кому-то одному.

Купец и сотник в процессе купли-продажи уже надорвали горло.

- Сын достойного покойного, ты заламываешь слишком большую цену, – говорил ворчливо и сердито купец. – Я не могу столько дать!

Потом он подошел к одному пленному, приказал показать зубы. Когда молодой пленник открыл рот, купец, будто бы покупая лошадь, пальцами еще больше раздвинул ему челюсти.

- Вот, видишь, у него коренные зубы гнилые. И я еще должен положить кучу денег, чтобы их лечить, кормить его, учить как служить... Нет, родной, все это делает кучу денег! – Отпустив челюсть пленника, он подошел к другому. Пальцами стал мять ему мускулы, проверять ребра. – Ради Аллаха, посмотри на этого, у него душа в теле еле теплится. Ребра видны. Я вынужден буду его как барашка два года откармливать. Ох... ох! Сколько у меня будет расходов!

Тысячник Шамседдин, стоя в стороне, делал вид, что занят своим делом, на самом деле с интересом созерцал эту сцену. Сотник не хотел сдаваться, все пытался доказать, что что-то смыслит в торговле.

- А девушки, смотри, каких девушек привел. Все молоденькие. Что ты скажешь на это?..

Купец и Ханахмед прошли туда, где стояли невольницы. Купец пощупал у нескольких девушек груди, подняв платье, осмотрел тело, потрогал волосы. Приведенные на продажу невольницы абсолютно

равнодушно реагировали на действия купца. У войны были свои законы. Взятые в плен, они могли быть освобождены хозяином, но могли вечно оставаться слугами или невольницами, а могли быть и перепроданы.

Купец отошел от невольниц, но вновь глянув на них, проворчал:

- Не плохие, но есть загвоздка.

- Какая загвоздка, господин купец? Девушки как цветочки. Мы на базар привели самых молоденьких. Если бы привели сюда выше шестнадцати лет, на базаре места не было бы.

Купец все стоял на своем. Кажется, он хотел купить невольниц по самой низкой цене. Совести у него не было. Воины за каждого пленного проливали кровь. А что делали эти купцы? Самую большую прибыль получали они.

- Откуда мне знать, они девственницы или нет? Откуда мне знать, что твои разгоряченные воины не отняли у них девственность? Через некоторое время у них может начаться беременность. Что я буду делать тогда? Родившая женщина не годится ни для развлечений, ни для невольничества. И вообще ты знаешь, сколько в день сюда приводят пленных? Если с каждым из вас столько разговаривать, я потом ночами спать не буду.

Хотя нитье купца и рассердило Ханахмеда, он сделал последнюю попытку.

- Господин купец, у тебя же есть женщины, которые проверяют девственность. Как посмотрят, потрогают, сразу определяют девственница или нет.

Тысячник Шамседдин больше не стал ждать. Было ясно, что купец не поднимет цену даже на один куруш.

В ряду, где продавалось золото и серебро, было больше сотников покупателей, нежели продавцов. Они для себя и по заказу воинов пытались купить высокие сапоги и папахи. Кругом всего было в избытке, но очень дорого. За простые сапоги просили золотое ожерелье. В Самарканде за такое ожерелье можно было купить двадцать пар высоких сапог. Престижными у воинов считались папахи, сшитые из каракуля. Удобные сапоги и теплые папахи были для них очень важны.

Шамседдин уже не хотел оставаться здесь. Узнав, где находится шатер управляющего, пошел туда. Когда он вошел, по красному перу

на папахе управляющий понял, что перед ним тысячник Али Султана Тавачы, встал и поздоровался.

- Какими судьбами, уважаемый тысячник, к добру ли? - спросил управляющий, как только гость сел.

- К добру, - ответил тысячник. – Меня послал Тавачы. Пришел провести проверку. Ты знаешь, что и Тавачы сам себе не хозяин.

Лицо управляющего потемнело, в горле пересохло. В выпуклом животе от страха что-то забулькало. Кажется, правителю что-то доложили. Он же поручил это Тавачы, а тот отправил тысячника. Но не подал вида.

- Прошу вас, я внимательно слушаю. Какой будет приказ, выполним, иншалла!

Чем больше говорил тысячник, тем быстрее управляющий приходил в себя. Все перечисляемые мерзости напрямую его не касались. Значит, о том, что он делал на самом деле, в шатре правителя пока не знают. Но главным ли они были в рассказе тысячника?

Через некоторое время в шатер вошел купец Афшар, поздоровался, сел на указанное ему место. Управляющий сразу перешел к делу.

- Афшар ага, твои купцы присваивают товары, рабов наших доблестных воинов правителя. Так ты служишь правителю?

В душе Афшара зародился страх. Если это на самом деле так, то его не спасет даже индульгенция, данная Эмиром. А ждать от управляющего содействия не имело смысла. Теперь и этот пытался спасти свою шкуру.

- Какое право имеют мои купцы присваивать товары и рабов доблестных воинов Великого правителя? Я набью их шкуру соломой! Наверняка здесь какое-то недоразумение. Мы исправим ошибку.

- Здесь не может идти речь о каком-либо недоразумении, - возразил тысячник. – Скажи, караван, отправленный в Самарканд, вернулся?

- Давно вернулся, ага.

- Вот в этом все дело. Один из воинов правителя отправил домой двух невольниц, но ему пришло известие, что они к нему домой не попали. И никто не говорит, что видел их.

- Уважаемый тысячник, этот воин здесь? – вмешался в разговор управляющий.

- Да, я его привел с собой.

- На базаре много продавцов невольниц. Воин знает имя купца?

- Если я не ошибаюсь, его называют Нурахмед.

Купец Афшар засопел.

- Собака, сукин сын, плут, бабник, западает и на сучку, и на щенков...

Через некоторое время в шатер привел еще несколько человек. Одним из них был воин. А купец Нурахмед, связанный по рукам, стоял посреди шатра. Управляющий стал перед ним.

- Наверняка знаешь, почему тебя связали. Ты, подлый, бесславный, решил пойти против законов, установленных Великим правителем. Хозяинчаешь добром, невольниками воинов, положил глаз на их товары.

Нурахмед бы тот самый купец, который пререкался на базаре с Ханахмедом. Тысячник сразу узнал его.

Купец тоже, войдя в шатер, увидел знакомого воина и тысячника, понял, что на самом деле совершил большую ошибку, упал на колени, стал умолять.

- Да, я совершил одну ошибку, уважаемые, во имя ваших детей, простите меня. Сколько надо, столько и возмещу.

- Ты знаешь, какое наказание тебя ждет? – на этот раз заговорил тысячник.

- Знаю, да буду я вашей жертвой, знаю – казнь!

Управляющий залепил ему оплеуху по затылку.

- А разве ты не думал, что поступая так, не останешься безнаказанным? Куда дел девушек?

От сильной оплеухи Нурахмед чуть не упал. Но понял, что если упадет, его больше никто не поднимет. Поэтому покачнулся, но удержался и занял:

- Запал я на них, забрал их себе.

Купец Афшар понял, что если Нурахмеда казнят, это будет серьезным ударом по его авторитету. Повернулся к тысячнику.

- Уважаемый тысячник, я так понимаю, что если этот подлец будет казнен, наш доблестный воин останется ни с чем, ничего не зарабатывает.

Тысячник захотел понять, что говорит купец, внимательно посмотрел на него.

- Что ты этим хочешь сказать, что предлагаешь?

Афшар закричал.

- Г-о... г-о-в-орю, может мы воину возместим убытки в стократном размере. Этим самым решим вопрос.

Тысячник Шамседдин посмотрел на стоящего в дверях воина.

- Это решение может принять только хозяин товара. Что ты скажешь?

Все это время стоявший в дверях и с интересом взиравший на происходящее воин посмотрел на купца. Лицо купца выражало мольбу о содействии. Ему стало жаль купца. Воин, который бросался на смерть, душил врага голыми руками, когда оружие падало из рук, теперь не знал, что делать. Здесь было не поле брани, а поле торговли. Он пожал плечами.

- Что мне сказать, ага, что считаете нужным, то и делайте.

Тысячник Шамседдин остался доволен словами воина.

- А ты что скажешь, подлец? – спросил он купца.

У того не было сил что-либо отвечать. Он был согласен на все. Для того, чтобы избавиться от виселицы, он кивнул спрашивающему.

- Как скажете, так и будет, уважаемый.

Тысячник посмотрел на управляющего и купца Афшара, с нетерпением ожидающих решения.

- А вы что скажете?

Афшар ответил сразу:

- Клянусь Аллахом, сам лично прослежу, чтобы деньги воина были доставлены домой, отправлю со своим человеком.

- Как наш уважаемый тысячник скажет, так и будет, - сказал управляющий, радуясь тому, что вышел сухим из воды.

- Вай-вай! Не думайте, что это для вас будет так легко.

Управляющий и купец, ничего не поняв из сказанного, нервно сглотнули.

Тысячник, увидев обращенные на него взгляды, пояснил то, что хотел сказать. – Уважаемые, поймите, это такой вопрос, что его решение будет приниматься правителем.

Неожиданно вспотевший купец Афшар расстегнул ворот.

- Что вы предлагаете, уважаемый?

Тысячник сказал то, что задумал ранее.

- Если вы согласны за двух пленных выплатить стократную сумму, и хозяин пленных на это согласен, значит, вы подтверждаете сказанное мной.

- Конечно, почтеннейший, - сказали разом оба.

- Но по ценам Самарканда, потому что за них уже заплачено и отправлено в Самарканд, - поправился тысячник.

Вид у купца Афшара был беспомощный.

- Мы не возражаем, как вы считаете.

Тысячник внес еще одну поправку.

- За каждую девушку стократная оплата. Но это еще не все.

Стоящие в шатре встревожились.

- Что еще, уважаемый тысячник?

Тысячник подошел к купцу Нурахмеду.

- За этот проступок Нурахмед должен получить сто ударов плетью. Причем на базарной площади, прилюдно.

Управляющий спросил тревожно:

- Это обязательно, уважаемый тысячник?

- Да, обязательно! Причем на базарной площади должно быть объявлено, что из-за посредничества купца Афшара казнь заменяется ста ударами плетью, иначе...

Случилось так, как говорил тысячник Шамседдин. Купец Нурахмед был объявлен преступником, его наказали ударами плетью, а домой пострадавшему была отправлена стократная компенсация.

Собравшиеся на передвижном базаре люди приветствовали подобное решение, прочитав в честь справедливого Великого Эмира молитвы.

Известие о происшедшем на базаре рассердило Али Султана Тавачы. Когда он докладывал об этом Великому Эмиру, думал, что станет причиной гнева правителя. Эмир же, выслушав известие, устал в одну, ведомую ему точку, пальцы стали перебирать четки, он знаком приказал ему удалиться.

...Армия, государственная торговля нуждались в срочной реформе.

...В ту ночь, на совещании с участием полководцев по этому прошли бурные обсуждения...

ГЛАВА 4

...Ватикан, конец 1398 года.

Величественная резиденция Папы Римского, чернея, возвышалась за одноэтажными постройками. Вдали был виден величественный Колизей. Еще не наступил вечер, а за окнами Ватикана уже горели свечи.

В 1389 году, когда Бонифаций IX был избран Папой Римским, положение в Европе было не из лучших. Христиане беспощадно нападали друг на друга, совершали набеги, убивали друг друга. В этой ситуации любой из восточных правителей мог своей армией уничтожить Европу. Самой большой опасностью считалась османская армия. Только после его избрания Папой он смог помирить литовское княжество с Орденом. Но в том же году Объединенные европейские войска на Косовском поле позорно проиграли сражение с османами, в результате Сербия вошла в состав Османской империи. Но османский султан Баязид этим не ограничился. В 1390 году последний форпост греков в Австрии Филадельфия сдалась османам. В 1397 году Баязид совершил поход в Венгрию. Положение не давало повода для оптимизма. Чтобы противостоять османам, Папе Римскому надо было объединить Европу. В 1396 году благодаря его усилиям Англия и Франция подписали мирный договор. Для того, чтобы привлечь Витовта⁴⁸ на свою сторону, Папа пошел на уступку, благословил его на королевство Литовское и Русь. Но этого было мало. В 1398 году во время сражения между войсками Тохтамышша и Темир Кутлуга, хотя и победил первый, потом Кутлуг в бою вновь вернул себе дворец. Тохтамыш сбежал в Литву. Русские князья также воевали друг с другом. Положение Восточного Рима, то есть Византии, тоже было незавидным. Император Мануил II с трудом удерживал Константинополь. А султан Египта Баркук защищал Египет и Сирию, не давал пощады христианам.

Бонифаций IX смотрел из окна на улицу. Горевшие сзади свечи придавали его фигуре странную форму. Сыпался хлопьями снег, кругом было бело и покойно. Внизу строем шли монахи в черных рясах,

⁴⁸ Великий князь Литовский с 1392 года

оставляя на снегу следы. Бонифаций IX, хотя и смотрел внимательно на следы, мысли его были совсем далеко. Он всегда любил смотреть на природу, но сегодня деревья, цветы, аккуратно высаженные во дворе, но покрытые белоснежным покрывалом, были ему безразличны. Он был беспокоен. Начиналось то, чего он боялся больше всего – вторжение тюрков в Центральную Европу. Заговорил сам с собой.

- Кто сможет остановить османов? В Европе больше нет такой силы. Беязид разбил даже объединенные силы Европы. Византия не сегодня, так завтра падет под мечом тюрков. Думай, Бонифаций, думай! Иначе Европа вновь окажется под копытами лошадей тюрков. Тогда вообще не будет необходимости в христианстве! Разве не примут все люди ислам?

Он корил себя за то, что не может найти выход. Сердито потянул веревку портьеры из красного сукна. Он больше не хотел видеть двор Ватикана. Если так пойдет, то и Ватикана не будет. Вернулся в комнату, сел в глубокое кресло у письменного стола. Закрыв глаза. «Думай, Бонифаций, думай!». В голове роились разные мысли. Но ни одна из них не была достойна внимания. «Если бы не было этих тюрков, христиане правили бы миром. На Европу идут то скифы, то саки⁴⁹, то Атилла, то аварцы, Батый, гектюрки, османы. Хорошо, что внук Чинигиз хана Хулаки смог покончить с Багдадом и халифатом. Но это недолго продолжалось. Татары вместо того, чтобы принять христианство, ушли в ислам. Если не остановить тюрков, нам наступит конец. Нужно это пресечь! Но как?».

Папа позвонил в колокольчик, лежавший на столе. Его помощник кардинал Иннокентий вошел, молча остановился у стола. Спрашивать нельзя было, нужно ждать, что скажет его преосвященство. А у Бонифация лопнуло терпение.

- Ваше высокопреосвященство, что слышно от Витовта?

- По нашим сведениям, король Литвы и Руси остановил поход на Восток, – сказал он, держа руки на белом кушаке. – Он, наверное, пойдет на Пруссию. Их взаимоотношения окончательно портятся. Население из поселков на границе двух государств переселяется, ведется подготовка к войне.

⁴⁹ Кочевые и полукочевые племена

Папа решил для себя уточнить этот вопрос.

- Значит, готовятся обе стороны?

- Так оно и есть! Каким будет решение, ваше святейшество?

Бонифаций IX на мгновение задумчиво помолчал, потом сказал:

- Никакого решения не будет. Пусть они воюют друг с другом, пусть ослабнут. Они будут слабеть, наш авторитет повышаться. Вот тогда мы будем посредниками и помирим их. Ватикан по авторитету должен стоять выше королей!

Помощник Папы кардинал Иннокентий выразил удовлетворение действиями Бонифация IX.

- Совершенно превосходный ход, ваше святейшество.

Папа не обратил внимания на подобострастную похвалу кардинала.

- А какие новости из Константинополя?

- Вести не очень хорошие. Согласно полученной информации, Ильдрым Беязид стянул часть войск в область Эдирнэ.

- На этот раз, наверное, кривой Беязид⁵⁰ пойдет на Африку. Этот тюрок хочет захватить весь мир? - иронически спросил Папа.

- Нет, ваше святейшество, на этот раз по нашей информации османский султан нападет на Константинополь, – возразил кардинал.

- Он хочет поставить на колени второй Рим. Это будет его третья попытка. На Востоке третьей попытке уделяют большое внимание.

Папа Римский нахмурил брови, вытаращил глаза. Потом выражение лица резко изменилось, лицо задергалось.

- Его надо остановить, Иннокентий! Вы сообщили об этом императору Византии? Пусть готовится предпринять предупредительные меры. – Папа вдруг остановился, что-то вспомнив. – Ты говорил, на Востоке кто-то появился. Как его зовут? Да, он, кажется, пошел на Индию! Александр Македонский! - с издевкой произнес он.

- Это так, ваше святейшество. Его называют Александр... Простите... Его зовут Тамерланленг.

Папа Римский с большим трудом произнес имя.

- Как? Тамерлан ла... энг? Трудно запоминаемое имя. Лучше будем называть его... Тамер... ланом. Тамерлан. Да, кстати, что означает «ленг»?

⁵⁰ Левый глаз Беязида в одном из боев был травмирован

Кардинал поправил его.

- Не «ленг», а «ланг». Говорят, в молодости в его правую ногу попала стрела, он был тяжело ранен. Теперь хромает, медленно двигается, поэтому и называют «ланг».

- Он тоже тюрок?

- Да, ваше преосвященство, причем отъявленный тюрок и мусульманин.

Папа Римский сжал губы, рассерженно встал, засопел, потом вновь подошел к окну. Потом тихо, чтобы не услышал кардинал, в то же время вроде бы про себя в сердцах произнес «Ох уж эти турки!». Снова потянул за веревку, теперь уже открывая занавеси. Плотная ткань всколыхнулась и разошлась по обе стороны окна.

Служители деревянными лопатами сгребали падавший еще с утра снег, ссылая его под деревья и кусты. За ними чернела дорожка...

Неожиданно ему в голову пришла странная мысль. Для того, чтобы избавиться от тюрков, это было достойно. Глаза его засветились. Почему этот простой метод не приходил ему в голову ранее? Он вернулся к помощнику кардиналу Иннокентию.

- Мне нужна подробная информация об этом Тамерлане. Все подробности о его походе в Индию. Знаю, что через некоторое время он возьмет Дели. Знаешь, что будет потом?

Кардинал ничего не понял.

- Зачем вам все это, ваше святейшество?

Бонифаций радостно потер руки, заговорил:

- Дело в том, что человек, захвативший Индию, будет считать себя императором мира. Как Александр Македонский.

Помощник опять ничего не понял.

- Но что это нам даст? Согласно полученной информации он уже вблизи от Дели. Но где Дели, а где Рим? Между ними месяцы пути.

Папа Римский развел руками.

- Эх, Иннокентий, не будь таким недогадливым. Весь вопрос в том, что Тамерлан захватит Дели! Уважаемый кардинал, запомни, что после Индии Тамерлан обязательно пойдет на Запад. Вот именно в этот момент на Западе его надо столкнуть с Беязидом. Каким угодно путем, но это надо сделать. Война двух тюрков за господство над миром спасет нас!

Кардинал только сейчас начал понимать смысл сказанного. Он постарался вспомнить рукописи, которые прочитал в богатой, но секретной библиотеке, на которую было наложено табу и куда допускались всего несколько человек. Эти рукописи были о тюрках.

- Вы правильно изволите говорить, ваше святейшество. Теперь я вспомнил рукописи о тюрках, которые прочел в нашей библиотеке. У них был один хаган. Чтобы хорошо управлять страной и удовлетворить претензии, он делил ее на улусы. Тех, кто управлял этими улусами, он нарекал титулами хана, султана или шаха. Хаган же контролировал всех. Хаганат – это очень высокая ступень управления. – Кардинал ушел в раздумье. - Значит, в будущем Тамерлан и Беязид схлестнутся за хаганатство.

Бонифаций остался доволен логикой помощника.

- Вот, теперь ты понял, что я хотел сказать. Если продолжишь таким образом логически размышлять... - Помолчал, потом добавил: – Кто знает, может, в будущем займешь мое место.

Кардинал Иннокентий в знак благодарности поклонился.

- Спасибо за добрые пожелания, ваше святейшество. Это дело времени. Я хотел бы, чтобы это случилось как можно позже. Пока мы в вашей тени. Вы очень мудры! Вы... вы... Но мне кажется, что Тамерлан и Беязид не хотят воевать друг с другом.

Папа Римский прервал его.

- Иннокентий, мне лучше знать! Смотрите, наша сила будет заключаться именно в том, что мы раззадорим обе стороны, столкнем, спровоцируем на войну. Наше спасение в том, чтобы их превратить во врагов. Этим самым мы спасем и первый, и второй Рим. Гайда, Иннокентий, покажи свое умение!

Папа Римский вновь отвернулся, посмотрел в окно. Снег вновь обсыпал очищенные дорожки, деревья, крыши домов, загнал всех, в том числе служителей, в дома.

Войны приносят людям несчастья, разрушают страны. Сотни, тысячи, десятки тысяч людей становятся беженцами, переселенцами, которые нуждаются в глотке воды и куске хлеба. Они не способны уже решать собственную судьбу.

Страх, тревога, паника, созданные Великим Эмиром, привели к тому, что по всем дорогам тянулись вереницы беженцев. Кто на по-

возках, а кто просто пешком, люди бежали от войны, ища спокойные места. Надо было использовать страх этих полуголодных, постоянно преследуемых нуждой людей. Их беспокойное выражение лиц положительно влияло на победоносную армию Тамерлана. Прежде чем войти в какой-либо город или село, он предварительно направлял туда специальных людей. Иногда отпускал тех, кто навиделся этих несчастий, но к ним добавлял и своих людей. Бывшие пленные, проходя по городам и селам, рассказывали увиденное, а люди Тамерлана, щедро сдабривали эти рассказы подробностями. Таким образом оттачивалось оружие под названием «паника», которое било по мозгам и душам людей. Слухи управляли людьми, а паника давала возможность почувствовать войну. Потом люди теряли способность сопротивляться.

Крепость Батнир, считавшаяся неприступной и несокрушимой, располагалась чуть в стороне от караванных путей. Стены крепости были такими крепкими, что доселе ни один индийский раджа не смел к ней приблизиться с враждебными намерениями. В этом городе-крепости содержалась стотысячная армия. Начальник крепости Райи Долчин собирал налоги со всей округи.

Причиной того, что беженцы из Аджудана, Дайбалпура и других мест пришли именно сюда, было то, что крепость Батнир не была на пути следования Тамерлана. Однако, Великий Эмир, узнав о том, что в стороне от большой дороги, в крепости Батнир имеется стотысячная армия, провел короткое совещание и принял решение пойти туда. Он не мог пойти на Дели, оставив за собой такую армию. А Райи Долчин был так уверен в неприступности крепости, что решил не выходить на открытый бой с Тамерланидами, численность которых была в два раза меньше.

С раннего утра, услышав шум у ворот, начальник крепости поднялся на одну из башен и посмотрел вниз. И глазам своим не поверил. О, Аллах! Сколько здесь было женщин, детей, мужчин. Им не было счету. Конец этой большой толпы упирался в озеро. Люди все прибывали, толпа росла, слухи и паника уже перевалили через стены крепости, вошли в город. Крики, плач, руки, протянутые к крепости за помощью. Паника потихоньку обуяла и Райи Долчи.

- Прекратите вопли, крики, разговоры! – крикнул он больше для того, чтобы отдалиться от паники. – Кто вы такие, чего хотите?

Один из беженцев из Дайбалпура вышел вперед. Несмотря на большой рост, голос у него был тонкий, как у женщины.

- Мы пришли к вам, чтобы уберечься от этого хромого! Помогите нам. Кто не подчиняется ему, он всех убивает, детей, женщин берет в плен, а из голов убитых мужчин возводит минареты или холмы. Люди, которых ты видишь здесь, сбежали от него из Аджудана, Дайбалпура и других мест. Помогите этим бедным людям!

Райи не был встревожен таким количеством людей у крепости. Напротив, из-за того, что столько людей пришли именно к нему, он возгордился и обрадовался.

- Далеко ли Тамерланиды?

- Не сегодня-завтра будет здесь, надо готовиться! – ответил беженец.

- По сей день еще никому не удавалось взять эту крепость. Этого не будет никогда. Можно подумать, какой-то хромой придет и захватит ее, - хвастливо ответил Райи.

Начальник крепости приказал своим воинам открыть ворота и впустить людей. Большая створка ворот стала тяжело подниматься вверх. Начальник крепости в это время уже спустился вниз.

- Не спешите, люди, всем хватит места, - заботливо закричал он толпе, которая устраивая давку, пыталась пройти в город.

Получая удовольствие от этой сцены, он приказал помощнику:

- Всех разместите в городе! Никого снаружи не оставлять!

Народ быстро успокоился. Помощник, поручив их воинам, сказал, что все будут размещены по домам. К обеду половина беженцев была устроена. А к вечеру Райи Долчин вызвал к себе самого лучшего лучника.

- Я дам тебе очень ответственное поручение. Если выполнишь достойно, озолочу.

Начальник крепости дал ему маленький пузырек с голубой жидкостью.

- Перед тем, как выстрелить, смажешь стрелу этим...

Наутро войска Тамерлана уже окружили первую крепостную стену, заняв все, что было вне ее. Великому Эмиру рассказывали о

неприступности крепости Батнир. Для того, чтобы получше разглядеть первую крепостную стену, он подошел поближе, на расстояние выстрела. В этот момент, стрела, пущенная сверху, поразила его руку. Кто-то крикнул:

- Правителя ранили!

Тамерлан быстро поднял другую руку.

- Не беспокойтесь! Продолжайте свою работу!

Через час Эмир почувствовал себя плохо. Когда вынимали стрелу, у него уже было подозрение. Это была не первая стрела, которая попадала в него. Вдруг он понял, что стрела отравлена. Он сказал об этом одному из полководцев, тот по цепочке начальнику охраны, далее тысячнику, сотнику и, наконец, весть дошла до лекарей, специальная бригада которых прибыла незамедлительно. Правителя срочно перенесли в шатер, уложили, напоили противоядием. Он больше всего боялся яда, это был его первый враг. Против этого врага в войсках всегда были самые сильные лекарства. Потому что в пути было немало случаев укусов змей.

...Через некоторое время Тамерлан вновь был на коне...

Держать крепость в осаде не имело смысла. Слишком много чести было врагу, заслужившему отвращение, держать его в осаде.

Зазвучали карнаи, бубны, барабаны, в тоже время взметнулись зеленые знамена, пики были приведены в готовность, мечи рассекали воздух, поступил приказ наступать. С левого фланга в наступление пошли отряды под командованием Сулейман шаха, Шейха Нуреддина, Аллахдад бека, правый фланг возглавляли принц Халил Султан, Шейх Мухаммед, Ягу Тамерлан.

Индусы бились геройски, оказывая серьезное сопротивление. Могли бы сопротивляться и еще сильнее, расшатывая ряды наступавших. Но их сопротивление было не организованным, а разрозненным. Из-за отсутствия опытных полководцев в рядах защищавшихся, Тамерланиды в первой же атаке взяли оборонительные стены. Несмотря на это, индусы продолжали храбро сражаться. Используя все возможные средства, они пытались сбросить со стен воинов Тамерлана. Со стен крепости на нападавших выливался кипяток, горящая смола и другие зажигательные смеси. Хотя их катапульты стреляли не очень метко, лучники старались, чтобы ни одна стрела не пропала даром.

Со всех сторон раздавались крики, стоны раненых, брань. В этой суматохе даже Азраил⁵¹ не успевал выполнять свои обязанности. Мертвые и умирающие лежали вповалку. Никто не обращал внимания на отрезанные руки, головы, рассеченные тела. Нападавшие шли наверх через поверженных, обороняющиеся пытались их не пропустить. Этот бой можно было считать самым тяжелым из всех боев Тамерлана. В этот день Тамерландиды самоотверженно бились у ворот крепости. До полного взятия крепости оставалось совсем немного. Видевший это и правильно оценивавший ситуацию начальник крепости решил использовать политический ход. Еще тогда, когда он услышал о походе Тамерлана, он заметил и призвал к себе одного сейида. Дав ему специальное поручение, Райи Долчин отправил сейида к Тамерлану...

Неожиданно ворота крепости Батнир открылись, из них вышел человек в белой одежде, опоясанный зеленым кушаком, в белой чалме и с белым флагом в руке. Он шагал между трупами, ранеными, и казалось, будто кругом становится светлее. Тамерландиды, увидев белый флаг и зеленый пояс, поняли, что это сейид, а значение флага заключалось в том, что обороняющиеся сдаются. Наступление хотя и было остановлено, однако окружение не было снято. Такого указания Великого Эмира не было. Парламентария привели в шатер Тамерлана. Во время таких тяжелых боев, дабы успокоить нервы, он играл в шахматы и не изменил этой привычке и на этот раз. Получив разрешение правителя, парламентария впустили в шатер. Сейид, войдя в шатер правителя, от грозного взгляда Тамерлана растерялся, упал ничком и пополз к его ногам. Подполз и даже поцеловал носки его башмаков. Первое впечатление может быть обманчивым. Об этом подумал один из военачальников.

Тамерлан проследил за всем этим сердитым взглядом и вдруг разгневался.

- Встань, сейид, стыдно! Ты же сейид, тебе не подобает доводить себя до такого жалкого состояния!

После этих слов сейид встал, опустил голову. Тамерлан был сильно разозлен после такого поклона, но простил парламентария, потому что тот был сейидом.

⁵¹ Ангел смерти

- Ладно, говори, с какими ты вестями пришел, сейид?

- Я пришел с доброй вестью, Великий правитель! Начальник крепости Райи Долчин полностью подчиняется и готов служить правителю.

Эта весть чуть подняла настроение Тамерлана.

- Вот это весть достойная тебя. Надеюсь, до вечера ключи от крепости будут сданы.

Сейид нервно сглотнул. Он боялся нового гнева правителя.

- О, Великий правитель, Райи Долчин готов к встрече с вами и завтра с утра предстанет перед вами.

Тамерлан, немного подумав, согласился с сейидом.

- Пусть! Завтра утром крепость должна быть сдана. В противном случае... Если это будет неправдой, от крепости камня на камне не останется!..

...Вечером в большом зале начальника крепости разгорелся спор между Райи Долчином и его братом Кямаледдином. Кямаледдин пытался убедить брата в своей правоте.

- Пойми! Ему верить нельзя! Он всех нас вырежет. Почему ты это не хочешь понять?

- Нет, это не тот человек, который отказывается от данного слова! Я много слышал о нем! – возразил Райи. В свете лампы искоса посмотрел на брата. – Говоришь, чтобы я не верил услышанному? А что ты предлагаешь? Биться, обороняться? У нас хватит для этого сил?

Кямаледдин стал нервно ходить по залу. Его нервы были натянуты как струна. Сам себя не мог простить. Чего не хватало ему в этом бою: таланта полководца, опыта? Он крепко схватился за рукоятку меча.

- Конечно, обороняться! Наша крепость очень крепка. Выдержим. И людей у нас много.

- Надо подумать, брат, подумать!

Настроение человека можно определить по его голосу, глазам. Кямаледдин уловил, что тон брата смягчился, притих. Решил, что надавив еще немного, уговорит его. - Ты думаешь, Тамерлан простит того, кто покушался на него? Ты бы простил?

Райи сделал вид, что не понял о чем речь.

- Какое покушение?

- Я про лучника с отравленной стрелой, - еще сильнее надавил на брата Кямаледдин.

Райи Долчи побледнел: значит, брат знал все. «У этого дворца везде уши шпионов. Все всё знают», - подумал он. Чуть задумавшись, решил успокоить брата.

- Ладно, иди, готовься к обороне. Я не буду завтра открывать ворота крепости. Как говорят турки, помирать, так с музыкой.

Кямаледдин от радости щелкнул пальцами.

- Не брат, а настоящий лев.

Как только Кямаледдин вышел из комнаты, Райи вызвал помощника, приказал ему найти лучника, и когда тот будет идти по узким улочкам, убить его мечом.

Прошло немного времени, как помощник вернулся, с поклоном сообщил, что задание выполнено.

...Подозрительность рушит внутренний мир человека, притупляет мысли, отталкивает всех от себя, держит его в одиночестве. Там, где есть подозрительность, не может быть доверия и преданности. Подозрительность порождает страх, а страх – покорность. Если подозрительность разрушительна, страх – волнение внутреннего молчания. Человек, у которого отсутствует чувство страха, либо больной, либо труп. Когда внутри человека не бывает страха перед Аллахом, он становится необузданным. Человек, не боящийся Аллаха, боится, что собранные им честными и нечестными путями богатства заберут у него, он все потеряет. Он не так боится смерти от чьих-то рук, как страшится все потерять.

Райи Долчин в течение одной ночи увидел тысячу и одно черное лицо жизни, узрел ужас поражения. Подозрительность и страх не давали ему спать. Наконец, из страха перед возможной казнью принял решение: сдаваться не будет!

...Плотный туман сделал крепостные стены практически невидимыми. В десяти шагах ничего не было видно. Крепость перед воинами Тамерлана превратилась в мираж. То была видна, то пропадала... Если бы у начальника крепости были навыки полководца, он бы воспользовавшись густым туманом напал на не готовых к бою, ожидающих сдачи крепости Тамерланидов, тем самым получив перевес в сражении. Может быть, на этом поход Эмира на Индию остановился бы. Но ничего не случилось.

Туман еще не рассеялся полностью, как Тамерланиды, ожидавшие открытия ворот крепости, с крепостной стены услышали вдруг нечто похожее на крик юродивого.

- Эй, вы, там, внизу, если вы ожидаете поражения нашего господина, все напрасно. Мы не собираемся сдаваться. Делайте все, что можете.

Когда об этом донесли Тамерлану, все ожидали гневного взрыва Великого правителя. Но этого не произошло. Только чуть стала подрагивать левая щека. Но он не стал кричать, размахивать руками, даже не встал со своего места. Он хорошо понимал начальника крепости. В молодости, когда он еще не был избран Великим Эмиром, ему вместе с покойной супругой Олджай во время преследований и угроз пришлось переживать подобное. Он, может, и держал бы осаду крепости еще некоторое время для того, чтобы сломить волю осажденных голодом, жаждой. Но теперь, когда из крепости выставили такое условие, у него не было права ни затягивать осаду, ни отступить. Не захватив эту крепость, он не мог пойти на Дели. По поводу этой крепости нужно было применить другие методы.

- Пусть каждый со своего места сделает подкоп под крепость!

Одним приказом непобедимая армия превратилась в искусных землекопов. Для того, чтобы исполнить приказ, быть награжденным, каждый старался не отставать, работать лучше другого. Их не могли остановить ни стрелы, летящие сверху, ни падающие на них камни. Работа так спорилась, что в крепости прекрасно понимали, что Тамерлан несмотря ни на что, не намерен отступить. У начальника крепости и его приближенных не оставалось ничего, как сдаться.

Снова ворота крепости со скрипом открылись. Райи Долчин и его приближенные пешим строем вышли из крепости. Уткнувшись взглядами в землю, они пошли в сторону шатра Тамерлана. Воины, сразу окружив их, обезоружили, не оставив даже небольших кинжалов. Тщательно проверили все, вплоть до сундуков, принесенных ими. Потом им разрешили двигаться дальше. Подойдя к Эмиру, стоявшему у шатра, все опустились на колени. Эмир движением руки позволил им встать.

Начальник крепости, оставшись с глазу на глаз с Эмиром Тамерланом, вдруг почувствовал дикий страх. Ноги стали ватными, и он, не выдержав, вновь опустился на колени и склонил голову.

- Встань! – приказал Тамерлан. – Тебе повезло, что моя душа сегодня наполнена благородными делами.

Райи Долчи после этих слов несколько осмелел. Выходя из крепости, в нем был страх смерти, теперь он был помилован.

- Да будут продлены годы правителя! Если он не возражает, пусть примет от нас эти скромные дары. Пусть эти подарки будут заменой тем ошибкам, которые мы совершили ранее. – Начальник крепости повернулся и посмотрел на приближенных. Слуги с трудом принесли пятнадцать сундуков, поставили перед Эмиром, открыли крышки.

Тамерлан, взглянув на дары, хотя и остался доволен ими, почему-то внутренне почувствовал беспокойство. Обернулся, посмотрел на приближенных начальника крепости. Он не знал их, но почувствовал, что не может найти тех, кого ищет.

- А где твой брат Кямаледдин?

У начальника крепости сердце буквально упало под ноги. Не успел ответить, как со стороны ворот крепости вновь раздался скрип. На этот раз ворота закрывались. Но от того, что приказа не было, в крепость никто не вошел. Поэтому ворота закрылись без сопротивления со стороны воинов Тамерлана. Вновь со стен крепости раздался голос:

- Мы сдаваться не хотим!

Райи Долчин оказался в очень непростой ситуации. В тот момент, когда он изъявил желание служить покорителю, его близкие подставили и его, и себя под угрозу, бросили себя в пасть дракона. Его обуял дикий страх.

Тамерлан понял состояние Райи Долчи, но не подал виду, тихо приказал удалиться куда-нибудь, воинам же приказал.

- Копайте дальше оттуда, где остановились!

Подкоп начался с новой силой. Воины, будто вступив друг с другом в соревнование, с рвением принялись за работу. Если бы крепость сдалась, разрешения на грабеж не было бы. А теперь их ждала большая прибыль. Начальник крепости сдался, значит, судьба остальных предreshена. Больше препятствий не было. Те, кто был в крепости, воинов Тамерлана не видели, а, значит, и не сопротивлялись. Если бы армия неожиданно, буквально из-под земли ворвалась в крепость, для

серьезного сопротивления не хватило бы сил. Всех побили бы мечами. Население вынудило брата Райна Долчи сдаться.

Ближе к вечеру ворота крепости вновь со скрипом открылись. Вышедшие из ворот на коленях ползли до шатра Тамерлана. Он, в свою очередь, за это пощадил. Все воины правителя отошли от крепости на свои позиции. Обе стороны думали о том, что трудности остались позади...

На следующий день Шейх Нуреддин и Аллахдад отправились в крепость, чтобы собрать дань помилования. Всех богатых людей крепости и купцов они собрали в зале Райи Долчи. Здесь преобладали богачи-индусы. Нуреддин, увидев, что все собрались, объяснил цель прихода:

- Жители Батнира! Как вы знаете, Великий правитель с позволения Аллаха всех вас помиловал.

- Пусть Аллах продлит года Великого правителя, - раздалось со стороны, где сидели мусульмане. – Пусть он всегда будет над нами!

- Этот хромой своими налогами ломает нам хребет, снимет с нас шкуру, - прошептал один из сидящих индусов другому.

- Ты прав. Нам надо было вовремя поддержать брата Райи Кямаледдина. Он остался один, поэтому сдался.

Шейх Нуреддин, хотя и не услышал этого, но постарался внести ясность.

- Эй, перестаньте шептаться, послушайте, что я скажу. Если вас Великий правитель помиловал, значит, вы должны выплатить налог помилования. В противном случае, какая нам польза от того, что мы взяли крепость и вас простили? Вы знаете характер правителя. Он, хотя бы чуть-чуть должен вознаградить своих воинов. Тот, кто откажется от налога на помилование, будет наказан, все его богатство разграблено.

- Вчера Райи Долчин в сундуках преподнес вам богатства, чего вы еще хотите? – раздался голос из рядов индусов.

- Вы ошибаетесь, уважаемый купец. То, что принес Райи Долчи, это было за себя и своих родных. Вы должны заплатить за себя, - правил его Аллахдан.

- Господин, а сколько мы должны заплатить? - спросил один из мусульман.

- Налог за помилование составляет одну треть всего вашего богатства, - улыбнулся Шейх Нуреддин. - Служители канцелярии Великого правителя пойдут по вашим домам, опросят соседей или тех, кто вас хорошо знает, подсчитают, сопоставят, определяют одну треть налога. Того, кто будет лгать, припрятывать, ждет безжалостное наказание!

- Видишь, как нас прижали, - опять зашептались двое индусов.

- Нет, это так оставлять нельзя, надо протестовать.

- Нет, если сейчас мы это сделаем, живыми отсюда не выйдем.

Уйдем, потом решим, что делать... - успокоил его другой.

Через некоторое время народ взбунтовался. Бунтовщики, напад на воинов Тамерлана, которые собирали налог, не только убили их, но и смогли закрыть ворота крепости. Когда известие дошло до Эмира, настроение его испортилось. Но опять проявил терпение, спокойно произнес одно предложение: «Несчастные, уничтожить всех!».

На следующий день воины, атаковав крепость, с помощью веревок поднялись на башни. Прошло немного времени, и Тамерландцы открыли ворота крепости. Вбежавшие в крепость воины не щадили никого, всех встречавшихся на пути рубили мечами, топорами, подстреливали. В плен не брали никого, ни детей, ни стариков, ни женщин, ни мужчин. Воины так устали от этого побоища, что не были уже в состоянии с одного раза убить кого-то.

Население тоже не бездействовало, самоотверженно сражалось. Однако разница между гражданским населением и воинами явно ощущалась. В последний момент горожане убивали самих себя, но не сдавались. Огнепоклонники бросали своих детей, жен в хранилища для продуктов, заливали горячей смолой, мусульмане же вырезали своих членов семей ножами. Потом мужчины бросались в последний бой и погибали. Наутро все улицы были в потоках крови. Поднимавшийся дым отдавал зловонным запахом. В этом бою Шейх Нуреддин чуть не стал жертвой оборонявшихся. Попав в окружение, размахивая мечом, он совсем выбился из сил. Если бы вовремя не подоспел Длинный Мезид, его убили бы.

После окончания сражения город-крепость наводил ужас. Погибли десятки тысяч человек. На улицах нельзя было протолкнуться от трупов. В живых не осталось никого. Все золотые украшения, все

вещи убитых были разграблены. Потом дома и сама крепость была сравнена с землей. Все трофеи Эмир справедливо разделил между воинами. Раненых окружили особым вниманием. А спасший Шейха Нуреддина Длинный Мезид был удостоен чести сесть за стол правителя...

В том году в Тебризе и прилегающих к нему селах была сильная засуха. Несмотря на то, что лето только началось, жара буквально выжигала посевы. Температура поднималась все выше, казалось, будто с неба опускается жар. Люди, животные искали тень, чтобы приткнуться. Старики не могли припомнить, когда была такая жара в последний раз. Если так продолжилось бы, осенние посевы тоже могли выгореть. Плоды на деревьях, которые не поливались, желтели, морщились, еще не созрев, и падали на землю. Из-за жары потрескалась земля. На небе не было не только черных, но и даже белых облачков. Так продолжалось несколько недель. В тот год Тебриз и прилегающие территории напоминали настоящий ад. Если бы в Тебризе не было кяризов⁵², все погибли бы от жажды.

Но всему наступает конец. Издревле во всех городах Азербайджана, Ардебиле, Тебризе, Хое, Марге, Султание, Урмии, Ахаре, Нахичевани, Чухурьюрде, Шемахе, Гяндже, Сальяне проводились религиозные обряды либо по вызову дождя, либо по остановке непрекращающихся ливней. Один из таких обрядов называли «году-году». Аксакалы Тебриза тоже приняли решение для предотвращения засухи провести «году-году». Было принято решение провести обряд в местечке города под названием Шам Газан. Потому как этот квартал был основан Газан ханом, его называли «Шам Газан» или «Шенби Газан». Как только весть об этом разнеслась по городу, с раннего утра каждый со своей провизией отправился в тот квартал...

Молодой юноша, лет двадцати, двадцати двух, для участия в «году» надел старую, серого цвета одежду, шапку, раскрасил лицо. Для того чтобы щелкать при ходьбе, он навесил на себя погремуш-

⁵² Подземная гидротехническая система

ки. Деревянный черпак в руках был вырезан в форме женщины и его называли «черпак-ханум». Группа «году» шла из квартала в квартал. Подходя к каждому новому кварталу, один из идущих начинал бить в бубен. А «году» начинал голосисто петь.

- Ты видел году-году?

Ты поздоровался с году-году?

Когда он проходил здесь,

Видел ты серебряный дождь?

Когда двое из толпы начинали бить друг о друга кремни, все пели хором.

- Кремень, кресало,

Господь, пришли дождь.

Живущие в кварталах складывали принесенные с собой припасы в подготовленные мешки. Когда «году» шел от дома к дому, его иногда поливали водой. Улицы Шам Газан были полны девушками, детьми и подростками, асакалами, людьми среднего возраста. Все говорили, смеялись, шли в сторону места, носившего название холм Газан. В каждом квартале мешки наполнялись мукой, мясом, маслом, медом и другими продуктами. А «году» все пел и вел за собой народ. Когда он вошел в один квартал, кто-то сказал:

- Эй, соседи, пришла черпак-ханум.

«Году», не обращая ни на кого внимания, подошел к одному дому, и стал черпаком стучать по двери.

- Кто ты, что тебе надо? - спросили за дверью.

- Черпак-ханум, руки мои в тесте. У Господа прошу черпак воды, помыть руки, полить посевы, чтобы у скота был корм. Черпак-ханум хочет и свою долю.

Дверь распахнулась настежь. Большой таз воды вылился на голову «году». Люди, стоявшие рядом, расхохотались. Потом из темной комнаты кто-то протянул ему мешок. «Году», не расстроившись, взял мешок.

- А ну-ка, посмотрим, что «году» дал этот благословенный Всевышним дом? – крикнул он. – Бех-бех-бех! Вот это другой вопрос! Да не оскудеет рука дающего. Пусть Всевышний сполна отблагодарит вас!

«Году» вместе со своей группой вышел со двора, начал черпаком стучать по другой двери, петь.

- Году, добро пожаловать,
Следом за ним дождь пришел.

Иди и ты со мной, не стой,
Проводи году домой.

Группа подхватила:

- Пусть сегодня нам будет масло!

А вам пусть будет дождь!

Опять двое из толпы стали бить друг о друга кремни, а все пели хором.

- Кремень, кресало,

Аллах пришли дождь.

Таким образом, с песнями, собирая по домам дары, группа подошла к холму Газан. У подножья холма, в реку, которая, правда от жары превратилась в ручеек, опустили кувшины, стали набирать воду, выливать и петь.

- Кремень, кресало,

Аллах, пришли дождь.

После завершения этой процедуры выложили все, что получили от жителей, и поровну разделили между всеми. На берегу реки уже кипели принесенные казаны для приготовления саламаты, лапши, хингала. На холме Газан было столько народу, что иголке негде было упасть. Все говорили, смеялись, веселились, молились. Вдруг с севера высокой вершины Саханда горной гряды Яныг, послышался грохот грома. Все повернулись в сторону звука, посмотрели на гору Яныг, что возвышалась над Тебризом. Небо было абсолютно чистым, но по ту сторону горы слышался гром.

И тут как будто невидимый дирижер взмахнул палочкой.

- Кремень, кресало,

Аллах, пришли дождь.

Когда над вершиной горы Яныг показались облака, вновь раздались крики:

- Кремень, кресало,

Аллах, пришли дождь.

В людях не напрасно жила вера в приметы. Если бы подобные обряды кончались безрезультатно, вера людей пошатнулась бы. Но был еще один путь. Если бы благочестивые люди с Кораном в руках

вышли сюда, обязательно был бы результат. Не было бы и этого, тогда эти земли оказались бы проклятыми, отсюда надо было уйти. Однако Всемогущий Аллах услышал глас народа.

Сначала гром гремел очень далеко. Потом грохот стал приближаться. Прошло немного времени и уже молнии сверкали над головами. На улицы Тебриза, сбивая пыль, посыпался мелкий дождь...

Хотя был уже полдень, во дворце шаха рядом с площадью Гурд в квартале Хиябани Мираншах все еще спал. После вечернего кутежа он взвалил на плечо приглянувшуюся рабыню, отнес к себе в спальню. Он даже не посчитался с тем, что его умная и красивая жена Ханзада находится во дворце и ждет его. Вообще, после того, как во время похода в Багдад упал с лошади, он совсем изменился. Для него не осталось ничего святого, он ничем не гнушался, никого не опасался. Он не обращал внимания на наставления отца, которые ему доставляли, все время проводил в кутежах, в пиршествах. По этой причине он транжирил казну, насиловал красивых девушек, которых для него воровали, не ладил с сейидами и священнослужителями, обижал их. Когда казна совсем опустела, начал обирать народ, увеличил налоги, грабил на больших дорогах караваны. Народ был им очень недоволен. А совсем возненавидел тогда, когда по его приказу четыре года назад он велел у подножья крепости Алинджа четвертовать коренного тебризца, основателя хурруфитов Фезлуллаха Наими. Меж собой его называли не Мираншах, а Мараншах⁵³. Оттого, что по ночам пил много вина, Мираншах просыпался только к полудню.

Сегодня должно было бы быть так же. Однако поступившие известия изменили ситуацию. Но никто не решался его разбудить. Наконец, было принято решение отправить к нему евнуха. Тот осторожно прошел мимо охраны, открыл дверь. Посреди комнаты стояла большая кровать, окруженная мягким красным тюлем. От того, что спальня находилась в стороне захода солнца, в открытое окно дул ветерок, который тихо развеивал занавеси. Евнух слегка кашлянул. Но в постели никакого движения не было. Он на цыпочках прошел к кровати, пальцем приподнял тюль. Оба спали совершенно голые. На евнуха, которого кастрировали еще в детстве, никакого впечатления не

⁵³ «Мар» означает «змея»

произвели красивое тело рабыни, ее мясистые бедра, крупные груди. Глубоко вздохнул, потом еще раз слегка кашлянул. На этот звук голову подняла рабыня и, увидев евнуха у своих ног, быстро натянула на себя покрывало. Евнух приложил палец к губам, знаком приказал не шуметь, одеться и уйти. Рабыня быстро оделась и в мгновение ока исчезла из спальни. После этого евнух, прикрыв Мираншаха покрывалом, слегка потряс его.

- Правитель, проснитесь, пора вставать!

Мираншах с трудом открыл глаза. Когда увидел перед собой евнуха, у него от удивления расширились зрачки, Мираншах сел на постели.

- Дурак, что ты здесь делаешь? Тебе что, голова на плечах мешает? Как ты посмел войти в мою спальню, подлец!

Он уже хотел позвать охрану, приказать казнить евнуха, как тот его опередил.

- За свою смелость прошу прощения, но поступили такие плохие вести, что кто-то должен был вас разбудить.

Мираншах призадумался. Потом несколько смягчился, руки, поднятые для приказа, замерли в воздухе, и он уже выглядел озабоченным.

- А что случилось?

- Ваш помощник знает, правитель, - быстро ответил евнух. Он не хотел плохой вестью навлечь на себя гнев.

Мираншах потер лицо руками, проснулся окончательно и приказал евнуху:

- Скажи, пусть принесут одежду, сейчас приду.

Через несколько минут Мираншах был в приемной. Сел на трон и повернулся к визирю.

- Что случилось? Что за новость, из-за которой вы посмели меня разбудить?

- Мой правитель, если бы эта новость не была неотложной, государственного значения, никто не посмел бы вас, правителя Азербайджана и Ширвана, разбудить.

- Не тьяни, говори, что случилось. Что за новость государственного значения? - нетерпеливо спросил он.

- Правитель, народ собрался на Шанби Газан.

- Что они там потеряли?

Визирь сказал все как есть:

- Кажется, они готовятся к восстанию. Женщины, мужчины, дети, весь Тебриз там.

Мираншах, вскочив с трона, закричал:

- Что, восстание против меня? В Тебризе? – И схватился за меч. – Всех уничтожу! Срочно отправить туда воинов. Всех убить!

Визирь добился своего, сделал то, что хотел. Визирь с подхалимством оскалился, склонил голову.

- Приказывайте, правитель!

Хотел уйти, но Мираншах его остановил.

- Постой!

Визирь остановился, лицо сразу окаменело, он стал ждать, что скажет правитель.

- Там, на площади Шанби Газан, очень много красивых девушек, собрать всех и привести во дворец. Восставших надо наказывать и таким образом. Иди!

Как только визирь вышел, принцесса без разрешения вошла в приемную. На любимой жене было шелковое, с оборками на подоле платье. Ворот был открыт, а рукава были ниже локтя. Воротник был расшит канителью. Голову ханум покрывал прямоугольный домашний платок.

По ее раскрасневшимся щекам и пронзительным взглядам было ясно, что она знает о вчерашней оргии мужа. От ярости у нее дрожали руки, тряслись губы. Она знала, что последнее время поведение ее мужа стало поводом для насмешек. Услышав из-за занавеси последний разговор правителя с визирем, чаша ее терпения переполнилась. Она остановилась перед все еще стоящим Мираншахом, взглянула ему в глаза.

- Тебе недостаточно всех твоих фокусов, теперь ты хочешь задеть честь народа?

Любимая жена в тоже время была любимой невесткой Эмира. Вспомнив сердитый взгляд отца, он отвел глаза от жены. Но от реплики не удержался.

- Лучше будет, если ты не будешь вмешиваться в дела мужчин.

- Я не вмешиваюсь в дела мужчин! – повысила голос Севим ханум. – Я вмешиваюсь в глупый приказ мужа! Ты хоть знаешь, почему народ собрался на Шанби Газан? Выяснил бы, потом отдавал приказ. Останови эту бойню!

Мираншах хотя и разозлился на принцессу, однако не подал виду.

- Почему остановить, твой хваленый народ поднялся на восстание.

- Ты что, не видишь, сколько дней нет дождя? Народ проводит обряд «году-году», просит у Всевышнего дождя. Это национальный обряд Азербайджана! – с иронией сказала она.

Мираншаха охватил смех. Расхохотавшись, спросил:

- Какой обряд? Что за «годуг-годуг»⁵⁴?

Принцесса разозлилась еще сильнее.

- Не «годуг-годуг», а «году-году». Как мы с помощью камней «яды» призываем дождь, так они это делают с помощью этого обряда. – Тон ее смягчился. – Ради Аллаха, останови эту резню. Ты же их правитель. Защищать честь женщин и девушек – твоя почетная обязанность.

От подобного наставления Мираншах вдруг взъярился, стал брызгать слюной.

- О какой чести ты говоришь? Ты сперва побереги свою честь, потом думай о других!

Лицо высокой, красивой женщины покрылось румянцем.

- Что ты хочешь сказать? Что я не могу беречь честь, что я блудница, шлюха?

- Да, ты шлюха, блудница! Если бы не была таковой, из-под одного брата не перешла бы под другого!

Рассерженный, он вернулся к трону, сел. Принцесса окаменевшая стояла посреди зала. Слова Мираншаха ее серьезно ранили, в голове мелькали разные мысли, вплоть до убийства мужа.

А столицу Азербайджана Тебриз заволакивали черные тучи. Когда за окном сверкнула молния, Севим пришла в себя.

- Все кончено! Я возвращаюсь в Самарканд.

⁵⁴ Игра слов: «годуг» означает «осленок»

Мираншах заерзал на троне.

- Если хочешь, можешь отправляться в ад! – заорал он, но жена уже вышла из приемной...

Начал накрапывать дождь. Потом небесные хляби разверзлись и с неба пошли потоки воды. Дождь смачивал высохшую землю, от чего поднимался приятный запах.

А на Шанби Газан люди под дождем танцевали, смеялись, поздравляли друг друга. «Году» ходил между ними и, смеясь, говорил:

- Видите мою силу? Дождь нужно вызывать таким образом. Теперь попробуйте его остановить, если сможете.

Но радость людей, которые еще не знали о предстоящем несчастье, продлилась недолго.

Когда около тысячи всадников Мираншаха напали на людей, многие ничего не поняли. Потом, когда мужчин стали рубить мечами, а женщин и девушек увозить на конях, все стало ясно. Всадники, размахивая саблями, гонялись за мужчинами, крича во все горло:

- Бейте мятежников!

- Не давайте возможности сбежать!

- Собирайте девушек в одно место!

«Году» тоже сперва решил убежать и спрятаться. Потом увидел, как девушек сгоняют в одно место. Среди них была и та, которая ему нравилась. Его обуял ужас, весь мир упал ему на голову. Честь не позволила бы сидеть сложа руки. С волнением он приказал одному из группы:

- Торопись, сообщи на базар! Скажи, что хотят растоптать нашу честь! Ахмед, расскажи им все!

- Я как ветер домчусь до базара, будь спокоен! – сказал юноша по имени Ахмед и помчался.

Вдруг «Году» увидел мчавшегося на него всадника. Прицелившись, он метнул в него черпак, который был у него в руках. Черпак со свистом ударился в висок воина, который кулем упал на землю. Не растерявшись, «Году» подобрал его меч, вскочил на коня и крикнул:

- Эй, куда вы бежите? Вашу честь топчут! Бейте этих сукиных детей!

Молодежь, увидев «Году» на коне с мечом, повернула обратно. Схватив все, что попало под руку – палки, топоры, вилы, лопаты –

они бросились на Тамерланидов. Маленькие мальчики стали пращами швырять в воинов камни. Молодые парни по пять-шесть человек бросались на воинов, валили их и убивали. Потом, забрав их оружие, вскакивали на коней. На конях с ними сладить было сложнее. Тем не менее, более опытные в боях воины стали теснить жителей Тебриза. Группа «Году» уже завладела более пятьюдесятью конями. Но этого было мало. И только после того, как с базара на помощь прибежал народ, ситуация изменилась. Тысячник, понимая, что может потерять в этом бою всех воинов, дал команду отступить.

После того, как жители освободили женщин и девушек, у многих от радости стояли слезы на глазах. А дождь продолжал идти, смывая кровь, пролитую на Шанби Газан.

К вечеру вместе с дождем успокоился и Тебриз. После того, как Мираншах ввел в город дополнительные силы, группа «Году», поняв, что в Тебризе небезопасно, ушла в горы.

После того, как Тамерлан сравнял с землей крепость Батнир, его армия направилась в направлении крепости Фируз. Взяв ее, он пришел в Сараси. Жители этого города были гяурами, ели свинину, пили вино и беспутствовали. Население города, зная о том, что он благочестивый мусульманин и не приемлет такой образ жизни, услышав о его приходе, быстро покинуло город. Но часть армии, нагнав многих из жителей, поубивала их. Было взято много трофеев в виде коней, верблюдов и других вещей. Потом, истребив индусов в Фетхабаде, Тамерлан покинул крепость Амаруни и разбил лагерь в пустыне Тухна. В Тухне жило племя по имени Джата. Занималось оно только разбоем и грабежами. Они нападали и грабили караваны, никого не отпускали без насилия. Услышав о приходе Тамерлана, они поняли, что эта беда касается именно их, и ушли в джунгли. Но поступил приказ Тамерлана об их наказании и началось преследование. Во время преследования около двухсот человек были убиты, остальные взяты в плен.

Будучи в Тухне, Великий Эмир приказал Сулейман шаху с тыловым обозом следовать в Саман. А сам пошел в сторону крепости Мунк. Взяв здесь около двух тысяч пленных, он отправился в Саман.

Перейдя с армией мост Копла, Тамерлан остановился. В это время шедшие из Кабула войска правого фланга под предводительством Султана Махмуд хана, принца Султана Гусейна, Эмира Рустама, Эмира Джаханшаха, Гияседдина Тархана, Хамзы Буга Барласа, Шейха Арслана, Севинджека Бахадура и других соединились с армией Тамерлана. Подоспел и Шахмелик, шедший по дороге на Дайбалпур.

30 октября 1398 года войска вошли в Саман. Пришедшим сюда различными путями принцам, эмирам, полководцам поступил специальный приказ: «Принцу, беку, всем военачальникам правого и левого флангов в боевом порядке идти вперед!»

Принцы Пир Мухаммед, Рустам, Сулейманшах бек, Ядигар Барлас, Шейх Нуреддин бек, Эмир Мизраб Кимари, Тамерлан Ходжа Аг Буга и другие беки выстроились на правом фланге, Султан Махмудхан, принц Халил Султан, принц Султан Гусейн, Джаханшах бек, Шахмелик бек, Шейх Арслан, Шейх Мухаммед Уйгу Тамерлан, Севиндже бек – на левом фланге. В центре же свои силы построили Эмир Аллахдад, Али Султан Тавачы и другие полководцы.

Вся конная армия была выстроена, флаги подняты. Звучали бубны, барабаны, карнаи. Таким строем армия отправилась в путь. Длина всей армии составляла почти пять фарсахов. Это была очень величественная армия.

Гяуры, буддисты, огнепоклонники, жившие вокруг Дели, бежали в столицу. В городе собралось очень много беженцев. Перейдя реку Джавн, армия остановилась. Эмир издал специальный приказ об охране переходов на реке. Сперва Тамерлан хотел начать осаду Дели. Но Великий Эмир имел способность мгновенно все просчитывать. Дели был не так далеко. Медлить с решением нельзя было. Но колебания позволяли думать о том, что могло быть более приемлемое решение.

Эмир решил осмотреть крепость в противоположной стороне. Обходя крепость в сопровождении семисот воинов, он подумал: «Здесь идеальное место для сражения». В этот момент к нему подъехал начальник охраны.

- Мой правитель, должен сообщить, что визирь Султана Махмуда Малу хан с четырьмя тысячами всадников, двадцатью тысячами пеших воинов и двадцатью боевыми слонами двигаются в нашем направлении. Мы можем попасть в окружение.

Обычно, когда он куда-либо выезжал, в четыре стороны отправлялись разведчики. Их задача заключалась замечать опасности или попытки покушения, пресекать их, а при возникновении большой опасности отправлять сообщение либо доставлять его самим. Тамерлан внимательно посмотрел туда, куда указывал начальник охраны. Армия Малу на самом деле шла в их направлении. Но отступить перед ними было негоже.

- Пусть Сейид Ходжа и Мубашир с тремястами воинами выйдут им навстречу и постараются подольше их задержать.

Моментально триста воинов на конях устремились навстречу противнику. Тамерлан же не спеша пошел в сторону реки. Здесь он приказал Севиндже Бахадуру и Аллахдаду:

- Помогите Шейху Ходже!

После приказа армия, перейдя реку, устремилась на помощь отважно сражавшимся воинам Шейха Ходжи. Вследствие этой небольшой стычки, войско Малу дрогнуло и стало отступать.

Наконец армия Тамерлана заняла позицию возле крепости Лони. Великий Эмир уже принял решение. Окружать Дели и надолго оставаться здесь не имело смысла. Враг был духовно сломлен, надо было выходить на открытый бой. Но сперва нужно было сбить с толку противника, запутать, еще больше запугать...

После того, как в 1388 году скончался султан Дели Фируз шах, для страны наступили черные дни. До похода Тамерлана в Индию за десять лет в Дели сменилось шесть султанов. За султана вели борьбу визири, каждый из них, желая повысить свой авторитет, хотел видеть на троне принца, который им больше нравился. Наконец, сторонники Малу образовали большинство и привели на трон четырнадцатилетнего Махмуда. Дели переживал тяжелые дни. В городе было полно беженцев. Всюду веял дух войны. Город готовился к продолжительной осаде. Были заполнены амбары для зерна, созданы запасы сахара, соли и риса. Но беженцы и переселенцы спали на улице, не найдя хотя бы временного убежища. Несмотря на то, что воины строго контролировали город, случаи воровства возросли. Мобилизация не была объявлена, тем не менее, собирали тех, кто может держать в руках оружие. Несмотря на большое число беженцев, среди населения не чувствовалось пораженческого духа.

Султан Махмуд располагался в Белом дворце, оставшемся еще со времен газневи. Первый этаж двухэтажного здания предназначался для гостей, приемов, издания приказов и указов, заслушивания отчетов.

Самой важной должностью во дворце считался поверенный. На самом деле он был начальником, организатором всех работ. Ключи от дворца также хранились у него. Всем служителям дворца, личным слугам шаха зарплату платил он, занимался образованием детей шаха. Кухня, винный погреб находились в его ведении. И даже внебрачные связи шаха организовывал он. Потому как он пользовался большим авторитетом во дворце, поверенный был очень близок к султану, остальные чиновники, принцы и даже жены правителя старались поддерживать с ним хорошие отношения.

Поверенный Малу полностью обезвредил оппозицию во дворце и в стране, подчинил малолетнего султана себе. Султан Махмуд без его ведома не делал ни одного шага. В борьбе за трон Малу поддержал юного султана, заступился за него, сыграл неоценимую роль в приходе к власти.

...Когда Малу хан вошел в приемный зал султана, три индуски пели и танцевали. Сидевший на троне султан с интересом смотрел на них, обращая внимание на каждое движение девушек.

Поверенный посмотрел на султана. «Великий Эмир уже у ворот Дели, а этот все веселится», подумал он зло. Движением руки приказал музыкантам остановить музыку. Музыка смолкла, султан увидел, что Малу стоит в зале. Он сам хотел его видеть. Поэтому потребовал, чтобы все ушли, кроме Малу. Музыканты и танцовщицы, будто куда-то торопясь, вышли из приемной.

- Малу хан, где сейчас Тамерлан?

Поверенный слегка поклонился султану.

- Неподалеку от Дели, в Лони, мой султан.

- Недалеко от Дели?! А как положение в городе?

- Все под контролем, мой султан. Правда, немного шумят беженцы, но мы смогли это вовремя пресечь. Они, увидев многочисленное войско султана, боевых слонов, успокоились, поняли, что их великолепный султан сможет защитить своих подданных. Последняя фраза понравилась султану, он возгордился.

- Да, ты прав, Малу хан. Надо показать этому хромому сатане, чего стоит сила султаната. Иначе этот неотесанный тюркский кочевник, – султан странно сморщил лицо будто от зубной боли, - постарается нас учить кочевой жизни. Посмотрим, насколько у него хватит терпения под стенами Дели, сколько будет ждать? Прорвать стены Дели ему будет трудно, это не Батнир!

- Я так не думаю, ваше величество, - возразил ему Малу.

Султан Махмуд удивился.

- Почему?

- Если мы запремся в Дели и надолго здесь засядем, в городе начнется недовольство. В городе полно беженцев. Кто-то это может использовать против нас. А это создаст угрозу вашему трону, мой султан.

Султан Махмуд встал, подошел к Малу.

- И что ты предлагаешь?

- Конечно, слово султана закон, но я думаю, что чем сидеть в осаде, лучше выйти на открытый бой, - не отводя взгляда ответил Малу.

Султан Махмуд хотя и не был трусом по натуре, но своего мнения не имел. Не имея полководческих качеств, он больше опирался на чужое мнение. В свое время он не сумел научиться полководческому делу у своего деда Фируз шаха. Тем более, что когда тот скончался, Махмуд был совсем маленьким. Иногда, считая себя умным, принимал самые нелепые решения. Теперь, уверившись в себе, он решил до конца определить мнение поверенного и глядя прямо ему в глаза, спросил:

- Я могу до конца прояснить для себя твои мысли? Что ты предлагаешь?

- Я думаю, что мы должны выйти на открытый бой с Тамерланом. Это лучше, чем сидеть в осаде. Она может нас ослабить.

Султан вернулся к трону, сложил руки на груди, принял умный вид.

- Обоснуй, я весь внимание.

Поверенный незаметно покачал головой.

- Мой султан! Во-первых, армия Тамерлана много дней была в пути, покрывая сотни фарсахов. Так?

- Ну, так, – согласился султан, глаза которого, правда, смотрели неизвестно куда.

Малу это согласие понравилось.

- Тот, кто прошел такой путь, обязательно должен отдохнуть. А это значит, что армия сейчас слаба. И мы должны использовать этот момент. Они же не из железа, чтобы сутками скакать на лошадях. И еще. После недавней стычки я понял, что Тамерланиды не являются непобедимыми.

Султан Махмуд согласился с этим логическим выводом.

- Хорошо, ты меня убедил. А что второе?

Малу внутренне опять возблагодарил Всевышнего за это.

- Во-вторых, мой султан, если мы засядем в осаде, не сможем показать нашу основную силу.

- Что ты имеешь в виду?

- Боевых слонов, ваше величество. Если мы будем сидеть в осаде, от них не будет никакого толку, будут только путаться под ногами. Я вообще не говорю о том, что их надо кормить, они вытаптывают все кругом, рушат... Но в открытом бою они будут незаменимы. Никогда не видевшие слонов в бою воины Тамерлана просто сойдут с ума.

Поверенный, сказав это, замолк. Султан Махмуд же опять сидел, уставившись в никуда. Наконец, хлопнув ладонями по коленям, встал.

- Ты меня убедил, Малу хан, правду говоришь, у нас больше преимуществ в открытом бою. Поручи, чтобы готовились. Мы покажем этому хромому! Пусть весь мир знает, кто есть кто!

Последнюю фразу султан произнес, мечтательно глядя вдаль, грудь выгнулась колесом, плечи раздвинулись.

ГЛАВА 5

Сладость свободы могут познать лишь те, кто попадает в плен, живет в рабстве. Они живут одной большой мечтой: есть сухой хлеб, пить воду, но не быть в рабстве. Внутренняя свобода одного человека протягивается до границ свободы другого человека. Дойдя до этой границы, он должен или остановиться, или раздавив свободу другого, перешагнуть. В мирное время эту свободу охраняют законы. Законы не позволяют топтать свободу, свобода одного человека не строится на свободе другого. Однако в условиях войны свобода в массовом по-

рядке попирается. Победившая сторона абсолютно не считается с правилами жизни побежденной стороны, отнимает свободу, превращает человека в пленника, раба. В условиях войны отсутствием свободы более всего страдают мирные жители. Для того, чтобы у них силой, принуждением не отняли свободу, они вынуждены стать беженцами, а если на это не хватает времени или возможности, становятся пленниками. Если раб, понимая свое положение, с этим не борется, значит, он невежда. А если, напротив, он противится этому, значит, он свободолюбив.

...Вслед за армией Великого Эмира шла еще одна армия. Это была стотысячная армия пленных, которая терпя лишения, унижения, пытки, шла за боевыми соединениями Тамерлана. В основном состоящая из мужчин, она выполняла позади всю черную работу. Женщины или были ранее проданы, или же отправлены в Самарканд.

Среди пленных было много тех, кто жаждал свободы. Несколько пленных индусов, ненавидя Тамерланидов, постоянно думали о том, чтобы получить свободу. Среди пленных был один по имени Хамбула, пользовавшийся авторитетом за гордый и упрямый нрав, за что был не раз бит палками. Тем не менее, от этого гордости и упрямства в нем не убавилось. Однако полк охраны Эмира стерег их очень строго. Бежать отсюда было невозможно.

За спиной у сражавшихся под Дели был разбит лагерь пленных. Ранее думавший о побеге Хамбула теперь думал совершенно о противоположном. Он хотел совершить большие дела, мечтал любым способом помочь Дели. Поэтому назначил встречу в крытой повозке нескольким пленным, которым доверял. Занятые подготовкой к сражению с султаном Дели, воины несколько расслабились. Теперь у пленных было больше времени. Поэтому, подавая знаки друг другу, они договорились о месте и времени встречи.

...После полуночи, озираясь и прячась, пленные по одному стали подтягиваться к крытой повозке на краю лагеря. Потом пришел Хамбула, беззвучно влез в повозку. Он и трое пленных, лежа в повозке, стали шептаться.

- Я так понимаю, если начнется сражение, мы сможем помочь Дели, - тихим голосом сказал Хамбула.

- С чего тебе вдруг пришла в голову такая мысль? – спросил один из пленных.

Некто, еще ранее наблюдавший за действиями пленных, в темноте, встал и, словно кошка, воровато проскользнул под повозку и лег на землю между двух колес.

- Ты что, не видел, как обрадовались наши, когда Малу хан атаковал? – ответил вопросом на вопрос Хамбула.

На самом деле, когда Малу хан пошел на Тамерланидов, у пленных затеплилась надежда на освобождение. Они издалека наблюдали за сражением, со слезами на глазах поздравляли друг друга. Надеялись на то, что в ближайшем будущем будут свободны. Но за этой радостью наблюдали и со стороны.

- Да, видел, наши чуть не бросились туда, чтобы присоединиться к своим. С трудом убедил, что еще рано. Наше время придет позже, - заговорил второй пленный.

- Надо сделать так, чтобы никто не узнал о нашем разговоре.

- Ты прав, - шепотом сказал Хамбула. – Самое главное – это чтобы во время сражения сделать то, что мы хотим. Значит, ты поступаешь так, - обратился он к одному из пленных. – Тамерланиды во время сражения забывают обо всем. Во время боя о нас никто не вспомнит. Со своими людьми нападете на шатер тысячника, обезвредите всех, кто там есть.

- А если не получится, что будет? – спросил пленный.

- Получится. Не получится – смерть, все будет нормально – свобода! - сказал Хамбула и дал поручение другому пленному. – А ты должен со своими людьми напасть на другие шатры.

Получивший поручение кивнул головой, дескать, «да».

- А что будут делать твои люди? – спросил третий пленный.

- Я и мои люди нападём на арсенал в тылу, захватим оружие, раздадим пленным. Потом все вместе с тыла атакуем Тамерланидов, - сказал Хамбула, сжав кулаки. – Для мести осталось немного времени, друзья. Нужно только немного потерпеть. Запомните: для того, чтобы начать восстание, нужно соблюдать одно условие. Напасть всем вместе в одно и то же время. В противном случае мы погибли. Для этого нужен какой-то сигнал. Запомните. Я незаметно подожгу одну из повозок в центре лагеря. Как только пламя разгорится, вы начинаете действовать.

Беседовавшие в крытой повозке люди, беззвучно по одному вернулись к своим местам. Подслушивавший под повозкой тоже удалился...

После небольшой стычки с Малу ханом энтузиазм Тамерлана и его воинов возвысился. Пусть небольшая, но победа под Дели была хорошим знаком. Эмир, веривший в приметы, вследствие хорошего настроения вел разговоры с воинами.

К обеду один из доносчиков подошел к Тамерлану, который, греясь на солнце, сидел перед шатром и о чем-то думал. Это было правилом Эмира. Он лично принимал шпионов, доносчиков, купцов и дервишей. Этих людей хорошо знало окружение Эмира, защищало их, заступалось за них. Эти люди были такими профессионалами, что, порой приносили больше пользы, чем воины. Поэтому то, что доносчик прямо прошел к Эмиру, не удивило, а, впрочем, и не заинтересовало никого из кордонов охраны. Когда Эмир бывал в шатре или прогуливался перед ним, его охраняли трое, а то и четверо кордонами, но это не афишировалось, даже не чувствовалось. Но даже если кто-то по ошибке забредал на эту территорию, его мгновенно нейтрализовали. Тысячник Техмез хан, которому была поручена эта миссия, прекрасно справлялся с нею, был преданным и способным. Дополнительно в его подчинении были купцы, дервиши, мастера. Самым большим интересом каждого была личная вера. Наряду с обеспечением, они смотрели на Тамерлана как на карающую руку Ислама и защитника, поэтому получали от службы ему удовольствие, считая это частью веры. Однако Техмез хан с некоторого времени почувствовал наличие у Эмира еще одной специальной службы и все пытался выяснить точность имеющейся у него информации. Неверно поданная Эмиру информация могла уронить его в глазах Тамерлана. Эти доносчики, скорее всего, входили в эту службу и их привилегии были намного выше. Идущего ему навстречу доносчика он видел в различных одеяниях, в разных местах. Когда тот показал знак, висящий на груди, его сразу пропустили к шатру Эмира. Правитель хорошо знал этого доносчика. Увидев его, сразу понял, что случилось нечто важное, есть известие. Доносчик, поцеловал край ковра у его ног, но, не подняв голову, стал ждать, когда правитель спросит причину прихода. Но Эмир, кажется, не торопился.

- Каково состояние воинов?

- О мой правитель, дух воинов высок, они рвутся в бой.

Слова доносчика отнюдь не обрадовали Тамерлана. Это не было делом доносчика. Он перегнул палку. Он должен был принести дурные, но важные вести.

- А как себя ведут пленные?

- Мой правитель, они ведут себя не совсем хорошо. Должен сказать... Должен сообщить, что эти подлецы в день сражения собираются нанести армии удар в спину.

Сидевший на переносном троне Тамерлан резко встал. «Только этого не хватало!», подумал он. Рассерженный, он походил перед шатром, в голове пронеслось тысячи мыслей. Потом стал перед доносчиком.

- Встань!

Доносчик встал, но голову не поднял.

- Информация достоверная? Сам проверил? – зло спросил Тамерлан.

Доносчик качнул головой, подтверждая сказанное.

- Да, мой правитель! Когда они ночью беседовали, я лежал между колесами повозки и слушал. Они договорились, что в день сражения нападут на полк охраны, заберут оружие. Если получится, атакуют сзади.

- Значит так! Подлецы! Кто предводитель?

- Пленный раджа по имени Хамбула. Все пленные его воспринимают в качестве главаря, выполняют все поручения.

Эмир вновь стал ходить по ковру. «Оставив тыл в опасности, биться с противником напротив глупо. Надо было вовремя удалить из лагеря умных пленных. Надо найти какой-то выход. Но как?». Эмир посмотрел на шатры рядом, на небо и на узоры ковра. Будто искал там ответ. Число пленных было не меньше, чем воинов. Даже если они нападут с голыми руками, обстановка будет сложной, армия растеряется, возникнет брешь.

- Хорошо, ты иди, займись своим делом. Держи этих гяуров в центре внимания.

Он не мог признать, что бессилен. Но был уверен, что, ответ будет найден. Это мог бы быть вариант ввода войск в ряды пленных, что испугало бы их.

Принцы, беки, ушедшие в поход к окрестностям Дели, к полудню вернулись с большими трофеями. Чтобы показать трофеи Эмиру, они выложили их перед шатром. Осмотрев трофеи, правитель приказал:

- Великолепно! Я из этого ничего не возьму! Разделите между беками и воинами!

Принцы, беки, поблагодарив его, прочли молитвы в его честь. Потом Эмир пригласил их в шатер.

- Заходите, нужно посоветоваться.

Когда все зашли в шатер, Эмир тяжелой поступью прошел к трону, сел, показал всем, где сесть. Все прекрасно знали, кто где должен был сесть и в какой очередности. Эти правила четко соблюдались. После того, как все, скрестив ноги, сели на подушки, Эмир начал говорить.

- Мы подошли совсем близко к врагу и надо определить день и час наступления. Надо, чтобы все сражались героически, каждый выполнял свою задачу достойно.

Принцы, беки, полководцы склонили головы в знак согласия. Эмир глазами поискал начальника инженерного полка.

Тот вскочил с места.

- Да, мой правитель!

- От крепости вдоль дороги на Дели прорыть глубокие рвы. Причем у тебя всего один день. Работайте днем и ночью, если надо, и сам возьми в руки лопату. Во рвах со стороны противника вбейте в землю балки не короче шести зира. Концы балок должны быть заострены, они должны стоять в ряд. Там могут пройти слоны. Ты должен так закрепить эти балки, чтобы слоны не могли пройти. Понятно?. Если пройдет хотя бы один, первым растопчет тебя. Понял?

Начальник, поняв, что разговор закончился, поклонился.

- Понял, мой правитель! С вашего позволения я удалюсь для выполнения задания.

Эмир сделал знак подождать.

- Постой, постой. На дороге, откуда пойдут слоны, разложишь изготовленные из гвоздей четырехугольные «чесноки». Вот теперь иди, займись этим.

Потом обернулся к Севиндику Бахадуру.

- Севиндик бек!

Севиндик бек проворно встал с места, сложил руки на груди, поклонился.

- Севиндик бек, всем быкам, имеющимся в лагере, надеть цепи на ноги и выстроить напротив рвов. Ты должен сделать так, чтобы ни один из них не двинулся. На верблюдов навьючить солому и мелкие дрова, ждать моей команды. Ты понял меня?

Тамерлан повернулся к сидящим. Лучники должны стрелять только в махаутов⁵⁵, сидящих на слонах. После того, как они будут уничтожены, слоны потеряют управление. Нам нужно именно это. – Сказав это, он тяжело вздохнул. – Кажется, я все сказал, ничего не забыл?

В этот момент Джаханшах почтительно встал. Он оказывал помощь по контролю над пленными, его группа была самой бдительной.

- Кажется, Джаханшах бек что-то хочет сказать, прошу.

- Приношу свои извинения за смелость, мой правитель, но остался еще один очень важный вопрос. Какое вы примете решение, так мы и поступим.

Тамерлан понял, что Джаханшах будет говорить о пленниках. Искоса посмотрел на сидящих, которые тоже со вниманием смотрели на Джаханшаха. Вопрос пленных он оставил на самый конец.

- Прошу, Джаханшах бек, мы тебя внимательно слушаем.

Джаханшах бек, продолжая почтительно держать руки на груди, сказал:

- Мой правитель, в нашем лагере много пленных индусов из разных областей, а число их перевалило за сто тысяч и они наши враги. Им нет доверия. Разве нас это не должно беспокоить в преддверии решающего сражения?

Многие из сидящих с пренебрежением покачали головами, но Сулейманшах поддержал его.

- Правду он говорит, им верить нельзя.

Джаханшах бек продолжил речь.

- Есть подозрения, что в день сражения они перейдут на сторону врага. Кроме этого, когда Малу хан вышел из города и пошел на нас, индусы-пленные выглядели достаточно радостными...

Тамерлану очень понравились речь Джаханшаха и его внимательность. «Сообщение доносчика и то, что сказал Джаханшах, со-

⁵⁵ Погонщики слонов

впадают. Молодец! Вот таким должен быть полководец! Он должен замечать даже мелочи».

- Что ты предлагаешь, Джаханшах бек? Что делать с пленными?

Джаханшах пожал плечами. Он не хотел вслух озвучивать страшное решение.

Встал принц Пир Мухаммед.

- С позволения правителя, - сказал он и посмотрел на деда. Тот кивком разрешил говорить. - Я думаю, что когда с обнаженным мечом идешь на неприятеля, в тылу нельзя оставлять сомнительных пленнх. Если в тылу не будет спокойствия, воины будут насторожены. Они будут все время думать о том, что кто-то в любую минуту может напасть сзади. А это заранее означает поражение. Тыл должен быть крепким, чтобы смело идти вперед.

Принц говорил, а Великий Эмир, слушая, в душе гордился им. «И этот настоящий полководец. Думает как я. Будет неплохо, если свой трон я оставлю ему».

А Пир Мухаммед уверенно продолжал:

- Раньше я думал, что их можно отвести подальше. Потом понял, что перед решающим боем отвлекать на это воинов неверно. Это отнимет и время, и часть боевых сил. Каждый воин должен понимать, что победный конец сражения зависит от него. Значит, остается один путь. - Принц провел рукой по горлу. - Всех уничтожить!

Наступила полная тишина. Эмир задумался, и, хотя в душе был против этого, наконец, вынес свое решение:

- Всех индусов уничтожить! Если кто-то не убьет пленного индуса, убить его самого! А детей и женщин собрать в одно место, выделиться на каждые десять человек по одному воину, пусть охраняют.

Сидящие разом встали на колени, руками взяли за рукоятки мечей.

- Смерть врагу!

Тамерлан тоже встал, взметнул вверх кулак.

- Кулак, поднятый над врагом, должен опуститься ему на голову. Когда кровь застилает глаза, человек ничего не боится, звереет, постоянно хочет проливать кровь. Когда крови нет, он томится, злится, не может найти себе места. Он хочет сражаться, а смерть для него становится обычным делом. Проливать кровь становится превыше смерти.

Каждая пролитая кровь завершается смертью. В этот миг у смерти красный цвет. Воин смотрит смерти в глаза красным цветом. А смерть скалится на него, будто говоря «иди, иди ко мне, у меня очень много крови». Наши воины должны броситься в решающий бой с кровью в глаза! Идите и зарубите этих гяуров!

После приказа Эмира карательные отряды окружили лагерь пленных. Оттуда не только сбежать, даже птица не смогла бы улететь. Воины били пленных мечами, пиками, булавами, добивали упавших. Круг постепенно сужался.

Хамбула слишком поздно оценил ситуацию. Бегая взад-вперед и крича, он пытался собрать своих людей. А люди, пытавшиеся спастись, найти укрытие, подняли такую пыль, что кругом ничего не было видно. Наконец Хамбуле удалось собрать в центре часть своих людей. Он посмотрел на них. На их лицах была растерянность, страх смерти, будто ангел смерти ухватил их за ворот. Хамбула быстро поднялся на стоявшую поблизости повозку.

- Успокойтесь! Не бойтесь! Если вы будете себя так вести, нас всех убьют.

- А что нам делать, нас и так убивают! - крикнул кто-то.

Хамбула поднял руку.

- Все бегите в сторону реки, надо постараться выйти из окружения! Бесплезно стоять на одном месте. Если сможем прорвать окружение, бросимся в реку. Туда за нами никто не пойдет. А для того, чтобы прорвать окружение, мы должны объединиться.

- Правильно он говорит, - послушались голоса, - Пойдем, Хамбула, вся надежда на тебя!

Хамбула спрыгнул с повозки.

- За мной, нападайте на воинов.

Несколько повозок неподалеку в мгновение ока были разобраны. Каждый, взяв в руки, что попало, бросились за Хамбулой. Только столкнулись с воинами, Хамбула тяжелой палкой ударил одного по голове. Тот упал, Хамбула поднял его меч. Подскочил к другому воину, убил его. Другие пленные тоже напали на воинов. Каждый хотел завладеть оружием и биться. Тамерланиды с мечами в руках начали пятиться. Таким образом для пленных открылся широкий коридор. Пленные это поняли таким образом, что воины Тамерлана отступили,

испугавшись. С криками «уй-уй» они заполняли коридор и, чувствуя близкую свободу, самоотверженно бились. Если бы они добрались до реки, их мечты сбылись бы. Однако пленных ждала трагедия. После того, как открылся коридор, в ста, ста двадцати зира оказались лучники. Хамбула слишком поздно их заметил. Сотни стрел со свистом взметнулись в воздух. Один за другим начали падать пленные. Одна из первых стрел попала Хамбуле в горло. После того как в коридоре не осталось живых, воины вновь его закрыли. В течение часа в лагере пленным не было ни одного живого человека. Лагерь буквально плавал в крови. Было столько крови, что она не успевала свертываться, воины скользили, спотыкались о трупы, падали. Следом за этими воинами подходили другие, тоже падали, хохотали...

Мовлане Насреддин Осман был ученым-теологом. В некоторых вопросах Тамерлан советовался с ним, сохранял уважительное отношение. За помощь в научных и религиозных делах Тамерлан подарил ему пятнадцать рабов-индусов. С детства занимавшийся вопросами науки и религии, мовлане за свою жизнь не только не убил кого-то, но даже курицу не зарезал. После того, как Тамерлан отдал приказ убить всех пленным, он не мог найти себе места. Но приказ должен был быть выполнен. Но как убить и чем это сделать, он не знал. Он попросил несколько человек сделать это, но те, страшась Тамерлана, отказались, ссылаясь на то, что у них достаточно своих пленным, которых надо уничтожить. В душе стоял страх смерти. Он хорошо знал, что означает не выполнение приказа Великого Эмира. Или он должен был пожертвовать собой, или же убить рабов-индусов. Их все равно кто-то убьет, но он этого уже не увидит. Тамерлан наполнил бы его шкуру соломой. Страх смерти преследовал мовлане.

Наконец, он принял решение. Собрал всех индусов в шатре. До этого совершил намаз, попросил Аллаха простить его за прегрешения. Каждый раз, совершая намаз, он чувствовал облегчение. А теперь на душе висел тяжелый камень. После совершения намаза вытер слезы и обратился к индусам:

- Аллах свидетель, я не намерен вас убивать. Однако, есть приказ правителя. «В лагере не должно остаться ни одного индуса!». Если это не сделаю я, сделают другие. Но казнят и меня тоже. Я буду каж-

дый день просить Аллаха, чтобы он простил меня за мои грехи. – Поднял руки вверх. – О Аллах, что я отвечу на том свете?

Более пожилой индус печальным голосом успокоил его.

- Мы тебя хорошо понимаем, господин. Как вы говорите, от судьбы не уйдешь. Видно нам было столько отпущено. За это время мы привыкли к вам. Что можно сделать? Скажите вы. Мы готовы это выполнить.

Мовлане опять не смог сдержать слезы. Он прошел в угол шатра, где лежал заранее заготовленный поднос с пятнадцатью пиалами. Положив поднос на середину шатра перед индусами, сказал:

- Пейте шербет, мои дорогие! – сказал он и преклонил колени. Он очень привык к индусам. Они жили как одна семья. А теперь эти люди умрут прямо у него на глазах. Слезы мовлане, лоб которого упирался в ковер, смочили цветастые узоры ковра, похожие на кровь, лившуюся в лагере...

Индусы по одному подошли к подносу, взяли по пиале, выпили. Лишь пятнадцатый остановился, бросил пиалу, закричал:

- Я не хочу умирать! – выскочил из шатра и тут же напоролся на меч стоявшего там воина.

Когда мовлане поднялся, четырнадцать рабов лежали бездыханные. Мовлане подмешал в шербет яд...

...После проведения всех подготовительных работ, Тамерлан вызвал главного астролога. Тот, как и прежде, погадал, потом посмотрел на звезды, разложенные на подносе. Смотрел и думал, каким образом преподнести разъяснение. После долгих раздумий со страхом сказал:

- Мой правитель, звезды не говорят ни о чем хорошем. Было бы неплохо, если бы ты не начинал сражение завтра. Расположение звезд не обещает ничего хорошего.

Однако, даже плохое расположение звезд не могло повлиять на решение Тамерлана. Все уже было готово к сражению. Отличным было и душевное состояние воинов. Все это нельзя было откладывать. Вытянул руку в сторону двери.

- Принесите мне Коран!

Начальник охраны взял с небольшой полки над дверью священную книгу. Сперва произнес «бисмиллах», почтительно поцеловал книгу, приложил ко лбу. А Тамерлан в это время засучил рукава, снял

вязанные носки, с помощью слуги совершил омовение. Моя руки до локтей и лицо, он произнес:

- Открываю Коран для себя, иллалах! Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед пророк его, - произнес он ритуальную фразу и провел рукой по лицу. – Аллах, будь в помощь нам! Аллах, прими мои намерения!

После этих слов произнес «бисмиллах рахмани рахим», открыл Коран. Все, кто был в шатре, с интересом смотрели на него. На открытой странице оказались 24, 25, 26 и 27-я аяты Корана из суры «Юнус»⁵⁶. Он передал Коран сидящему рядом шейху и потребовал прочесть вслух. Шейх, взяв в руки священную книгу, тоже произнес «бисмиллах рахмани рахим», потом спокойно, но в голос стал читать. Аяты были настолько совершенными, что у слушавших светлели лица.

Аят 24. Ближайшая жизнь со своими радостями и прелестями, а потом гибелью, подобна воде, низведенной с неба. Ею поливают разные растения на земле, которыми питаются люди и животные. Они растут, цветут, дают свои плоды и украшают землю. А когда земля была уже украшена, и люди убедились, что они полные ее хозяева и целиком владеют ею и будут наслаждаться ее плодами и благами, то неожиданно для них - по Нашему велению - всё разрушается и уничтожается на ней. Она стала такой, будто никогда и не была украшенной, и не обитали на ней люди. В обоих случаях было процветание и блага, которым радовались люди, а потом наступило разрушение и уничтожение. И так же как Аллах разъяснил и доказал это людям через ясные примеры, Он разъяснил аяты и содержащиеся в них знамения и учение людям, размышляющим, разумным.

Аят 25. Аллах призывает Своих рабов к вере и творению благих деяний, что приведёт их в рай, где царят спокойствие и мир. Всевышний ведет, кого пожелает, по прямому пути, пути истины и мира, поскольку они готовы к этому и склонны к добрым делам.

Аят 26. Тем, которые ответили на призыв Аллаха, уверовали, творили добрые деяния на благо своей религии и своей жизни, в бу-

⁵⁶ Сура мекканского происхождения, содержит 109 аятов

душей жизни будет самая великая награда - рай. Более того, к ним будет благоволение Аллаха и Его благодать. Их лица никогда не будут грустными, они не узнают ни печали, ни унижения. Они - обитатели рая, где вечно будут пребывать.

Аят 27. Тем, которые не ответили на призыв Аллаха, не уверовали и совершали грехи, воздастся за их злодеяния. Их постигнет унижение. Никто не сможет спасти их от наказания Аллаха. От горести и печали их лица будут мрачными, как темная ночь. Они - обитатели ада, где вечно будут мучиться.

Шейх произнес «аминь» и закрыл книгу. Для Тамерлана это был хороший знак. Теперь стоило сражаться во имя Ислама. Весть о том, что Коран открылся хорошими вестями, разнеслась по лагерю. О том, о чем молчали звезды, сказала святая книга: «Дели принадлежит Тамерлану».

Семнадцатого декабря 1398 года армия Султан Махмуда и Маллу хана вышла из ворот Дели и пошла в направлении армии Тамерлана. Посреди армии шли сто двадцать боевых слонов. На них сидели по пять-шесть вооруженных до зубов воинов. В распоряжении султана были десять тысяч хорошо вооруженных всадников и сорок тысяч пехотинцев. Каждая из армий использовала традиционные тюркские приемы сражений: правый и левый фланги, центр и авангард. Когда армии приблизились друг к другу, некоторые Тамерланиды, увидев стадо слонов, страшно перепугались. Но сам Эмир выглядел совершенно спокойным. Сначала он поднялся на холм и посмотрел на приближающиеся армии. Потом спустился вниз, совершил намаз, попросил Аллаха дать ему сегодня способности. После окончания намаза спросил сопровождавших его сейидов:

- Где бы вы хотели стоять во время сражения?

Один из дрожащих от страха сейидов сказал:

- Наше место среди женщин, о, правитель!

Поняв, что они сильно боятся, Тамерлан засмеялся. С обеих сторон зазвучали карнаи, бубны, барабаны, взметнулись флаги. Когда армии должны были вот-вот столкнуться, флаг Тамерлана рядом с

холмом два раза покачнулся. Это был сигнал. В одно мгновение небо потемнело, будто само солнце не хотело видеть это сражение. Но это были стрелы лучников Тамерлана. Тысячи стрел разом упали на противника. Лучники Тамерлана стали буквально косить пехоту противника. Стрелы впивались в руки, ноги, глаза, грудь, спину воинов, он падали, стояли крик и стоны, которые порой перекрывали грохот барабанов и бубнов. Сражение только начиналось. Малу хан, подняв меч, приказал левому флангу идти вперед. Правый фланг, руководимый принцем Пир Мухаммедом, встретил левый фланг Султана Махмуда. Зазвенели мечи, пошли в ход пики, булавы, крошились головы, отлетали руки, ноги, раскалывались щиты. Схватившиеся в рукопашную пускали в ход кинжалы. Никто не обращал внимания на раненых, оставшихся под ногами. У каждого воина в глазах была ярость, рот был открыт только для брани. От мечей отлетали искры, булавы издавали гулкие звуки. Для воинов индусов, выглядевших несколько хилыми, достаточно было одного удара, чтобы свалить их с ног. В то же время они были достаточно проворными. Но, не смотря и на это, не могли спастись от безжалостных мечей. Правый фланг принца за короткое время смог оттеснить левый фланг Султан Махмуда...

Разведывательные группы Севинджек Бахадура и Аллахдада стояли в засаде. Их воины тоже хотели сражаться. Тамерлан поручил этим группам следить за разведывательными группами противника. Две тысячи воинов должны были пресечь возможные нападения с боков и сзади. Они пока ждали, но среди воинов уже нарастало недовольство. Когда после сражения все начнут бахвалиться геройствами, этим нечего будет сказать. Об этом воины сказали сотнику. Тот в свою очередь передал их слова Севинджек Бахадуру.

- Воины недовольны, Бахадур бек, что будем делать?

Всегда в трудные минуты становившийся настороженным, Бахадур бек спросил:

- Чем недовольны?

- Хотят в бой. Трофеи хотят, геройство проявить желают!

Бахадур бек разозлился.

- Вы, наверное, все хотите попасть под гнев правителя? Ты сам хорошо знаешь, что бывает за нарушение приказа. Здесь тоже поле боя.

Тут стали раздаваться незнакомые звуки. Бахадур бек, приложив палец к губам, приказал молчать. Мимо них хотела пройти большая группа, которая не видела их за деревьями. Когда группа совсем приблизилась, все началось с крика Бахадур бека.

- Бейте гяуров! Убивайте их!

Неожиданная атака расстроила ряды противника, растерянность дорого стоила им. За десять-пятнадцать минут пятьсот-шестьсот человек лежали на земле. Оставшихся в живых Тамерланиды преследовали до самых стен Дели...

Правитель Дели Шах-Мансур был смелым, удачным человеком. Иногда даже Малу думал о том, что близкий родственник Султана Шах-Мансур, если захочет, когда-то сможет взять власть в свои руки. Потому что его авторитет был намного выше Султана Махмуда и его поверенных. Он заработал себе имя благородством, смелостью, верностью и справедливостью. Однако, от того, что он посягал на верность султану, в борьбу за власть не вмешивался, любыми способами защищал Султана. В этом сражении он стоял во главе большого войска.

Когда армии столкнулись, Малу от имени Султана Махмуда приказал Шах-Мансуру:

- Любыми способами ты должен подавить наступление Тамерлана в центре и приблизиться к нему. Он сам у подножья холма, отдает оттуда приказы. Это приказ Султана Махмуда!

Правитель Дели прекрасно знал, что это не приказ Султан Махмуда, а его отдает сам Малу, который хотел одной стрелой подстрелить двух зайцев. Положил руку на грудь, поклонился.

- Я готов. Приказ Султана для меня закон! Готов за него и жизнь отдать!

Атаковав в центре Тамерланидов, Шах-Мансур приближался к Тамерлану. Эмир же, не ожидая такого напора от правителя Дели, все же предпринял ответные меры. Цель Шах-Мансура, двигавшегося в центре сражения, заключалась в том, чтобы обезглавить армию противника. Размахивая мечом налево и направо, рыча как лев, Шах-Мансур приближался к Тамерлану. Оставалось совсем немного. Ему вспоминалось, как он снес с плеч голову эмира Джагатая. Он гордился этой сценой и теперь, представляя себе как он войдет в Дели с

головой Тамерлана, с еще большей яростью размахивал мечом. Но он пока не чувствовал, что слишком далеко ушел от своих. Шах-Мансур был в пяти-шести шагах от Тамерлана. Однако все случилось неожиданно. На холме вдруг откуда-то появились двадцать лучников. Стрелы со свистом поражали оказавшихся в окружении. Одна из них ранила Шах-Мансура в правую руку. Не чувствовавший боли правитель Дели со стоном выдернул стрелу, меч взял в левую руку и хотел пойти на Тамерлана. Теперь он, как и Тамерлан, был левшой. Эмир, не обратив на это внимания, покачал головой, засмеялся,

- Не надо, Шах-Мансур! Ты очень удалой человек. Сдайся, и я поручу Дели тебе. Не играй с судьбой.

Шах-Мансур на мгновение застыл. Он всегда думал, что страшнее его нет никого. Но теперь, взглянув на Тамерлана, понял, что ошибался. Эмир выглядел намного сильнее его. В такой опасной ситуации он не обращал внимания ни на что. К тому же предлагал сдаться. В один момент он захотел бросить меч и сдаться. Но тут вспомнил клятву, данную Султану Махмуду. Поднял меч, издал клич, хотел сделать еще шаг. И тут двадцать стрел пронзили его. Его тело напоминало тело ежа. И когда этот «еж» упал к ногам Тамерлана, тот с сожалением промолвил:

- Жаль такого героя!

...Сражение еще не закончилось. Малу хан, увидев, что воины отступают, принял решение использовать свое основное оружие. По его знаку сто двадцать слонов пошли вперед. Слоны шли тяжелой поступью, каждый их шаг отдавался глухим стуком, земля дрожала. Будто столетние дубы шагали. По мере приближения слонов к армии Тамерлана, у воинов волосы вставали дыбом. Но в этот момент лучники взяли под прицел махаутов на слонах. Но это не действовало. Более того, со спин слонов стреляли стрелами и из маленьких катапульт. Некоторые бесстрашные воины хотя и пытались с пиками напасть на слонов, они погибали под их ногами, или слоны хоботами били их о землю, потом издавали трубные звуки. Если бы ситуация продолжилась таким образом, сражение закончилось бы поражением Тамерлана. Воины Султан Махмуда, придя в себя, повернули обратно и пошли вперед. Теперь они шли за слонами. В этот момент по приказу Эмира солома и дрова на двухстах верблюдах была подожжена и их направили навстречу слонам.

Оттого, что зрение у слонов устроено своеобразно, они инстинктивно видели только верблюдов с горящей поклажей. Для них кроме пылающих верблюдов ничего не существовало. В их понимании горела вся земля. Это их так напугало, что они, развернувшись, помчались назад. Трубные звуки слонов смешались с криками горевших верблюдов. Как только испуганные слоны повернули назад, они начали топтать наступавших воинов султана, что создало еще большую сумятицу и разброд. Воины в первых рядах, пытаясь спастись от разъяренных слонов, натыкались на своих же. С одной стороны они сами топтали друг друга, с другой стороны это делали слоны, а следом надвигались обезумевшие верблюды с горевшей поклажей.

Тамерланиды, поняв, что победа близка, почувствовав прилив новых сил, с криками «Аллаху Акбар» ринулись вперед.

По приказу Тамерлана, всадники, находившиеся в резерве, перешли в наступление. Тех, кого не смогли убить слоны, приканчивали они. Однако из-за большого числа людей, скученности, невозможно было завершить сражение окончательно. Поэтому слоны, остатки армии, Малу хан и Султан Махмуд быстро уйдя в Дели, закрыли за собой ворота. Наблюдавший за всем этим с холма и полностью уверенный в победе Тамерлан усмехнулся. Потом, о чем-то подумав, повернулся к стоящим рядом.

- Победа, как женщина, не всегда она твоя. Нужно просто ее завоевать и удержать!

Он спустился с холма, сел на лошадь. Осторожно, дабы лошадь не поскользнулась в крови, проехал между гор трупов в сторону крепостных стен Дели. Неподалеку было видно озеро, которое в свое время приказал создать Фируз шах Туглук. Направив коня в сторону озера, Эмир остановился. Новый лагерь нужно было разбить здесь. Полководцы, участвовавшие в сражении, собрались вокруг него, Тамерлан убедился, что все они живы, поднял руки и возблагодарил Аллаха. А Халил Султан, несмотря на свои пятнадцать лет, поймал одного из слонов, окружив его со своими людьми, и привел в подарок деду. А тот, в свою очередь, впервые официально присвоил ему титул «султан».

Он выиграл сражение, но пока Дели не принадлежал ему. Осада могла продлиться много дней. Уже темнело. Эмир принял решение отдохнуть и вернуться к этому вопросу завтра...

Страх и ужас настигают побежденных ночью, они начинают задумываться о своей судьбе, тысячи мыслей не покидают их. Также победители от радости не знают, что делать, потом спят будто от тысячелетней усталости. Теперь и эта сторона хотела отдохнуть. С мыслями о многочисленных трофеях и повергнутых врагах все заснуло. Хотя и наступило утро, однако оттого, что Тамерлан уснул слишком поздно, да и думы многих дней, усталость от сражения сказали свое слово, он еще не проснулся. Но как только прошелестел ковер двери, он мгновенно открыл глаза. Как только увидел начальника охраны, сразу промелькнула мысль «Он же не позволял себе такое. Как он посмел? Или...». Потом в голове завертелись тысячи нехороших мыслей. Доверие ушло, подозрений стало больше. Когда начальник охраны поцеловал край его одеяла, подозрения улетучились, взамен вернулась преданность.

- Мой правитель, есть радостная весть! Султан Махмуд и Малу хан сбежали!

Тамерлан резко встал.

- Когда?

- В полночь, правитель! – сразу ответил начальник охраны. - Султан Махмуд через ворота Хавдаран, а Малу хан через Барак...

Тамерлан упрекнул себя за то, что не поставил усиленную охрану на ворота крепости. Встал, оделся.

- Срочно позови ко мне Тамерлана Ходжу Аг Буга, Алтуна Бахши и Аллахдада!

Начальник охраны сказал «будет сделано», но не ушел.

- Что еще? – спросил Эмир.

- Есть еще одно известие, мой правитель. Сегодня утром они капитулируют.

- Ты уверен?

- Да, мой правитель. В городе все к этому готовятся. Хотят помилования.

Душа Тамерлана наполнилась радостью. Он ощутил в ногах слабость, чуть не сел. Быстро взял себя в руки, постарался не подавать виду.

- Ладно, иди, позови тех, кого я назвал.

Начальник охраны поклонился и вышел. Эмир, поняв, что вынашиваемый им вопрос осады Дели решился сам собой, возблагодарил Аллаха.

Через некоторое время все трое приглашенных явились в шатер, с почтением поклонились. Тамерлан оперся на здоровую ногу и протянул руку.

- Тамерлан Ходжа и Алтун Бахши, возьмите своих храбрецов и преследуйте Султан Махмуда и Малу хана. Один из них ушел через ворота Барак, другой через Хавдаран.

Оба полководца, поклонившись, вышли. А приказ Эмира Аллахдаду был жестким и конкретным.

- А ты на все ворота поставь усиленную охрану. Никому не позволяй выходить из города.

Преследователи вернулись ближе к полудню. И хотя они не смогли нагнать Султан Махмуда и Малу хана, тем не менее, порубили их людей и взяли в плен сыновей Малу хана Сейфи и Худаядада...

...Тамерлан остановил коня у ворот Мейдан. Ворота крепости открылись. Все известные священнослужители, сейиды, богатые горожане, даже весь Совет Малу хана в полном составе во главе с его наместником Фейзуллахом Балхи вышли из города. Все подошли к сидящему на коне Тамерлану, преклонили колена. «Вот, самый богатый город мира у моих ног! Теперь я начинаю править миром! Ключи от мирового правления находятся в Дели. Эти ключи взял я! Этот город теперь мой!», подумал он про себя.

Оторвавшись от своих мыслей, он обратился к стоящим на коленях горожанам:

- Кто будет говорить от вашего имени?

Фейзуллах Балхи встал с колен, но не поднял голову.

- Я буду говорить, о правитель!

- Говори!

Балхи, не отрывая рук от груди, тихо начал:

- О правитель! Все сейиды Дели, священнослужители, богатые горожане, все население просит о помиловании, кланяются в ноги, готовы быть твоими рабами. Мы признаем, что выступление против тебя было большой ошибкой. Простите нас. Взамен возьмите все, что хотите.

Стоявшие на коленях хором вторили:

- Простите нас, о правитель.

Тамерлан, обернувшись, посмотрел на принцев. Они в знак согласия склонили головы.

- Так и быть, я вас прощаю, - сказал он. – Взамен должна быть выдана вся казна Султана Махмуда, а от каждого дома две трети всего богатства. Иначе я отдам приказ воинам на разграбление Дели! Что вы на это скажете?

От изумления у Фейзуллаха Балхи глаза полезли на лоб. Но он постарался взять себя в руки. «Жизнь сладка. Стоит вопрос: быть или не быть. Откажемся, заберет силой. Это лучше, чем город будет топлен в крови, женщин и девушек изнасилуют, молодых и зрелых людей заберут в плен». Подумав об этом, он ответил:

- Как считает нужным Великий правитель, так и будет!

Тамерлан улыбнулся. Значит, все закончится мирно, больше не надо будет применять силу.

- Вот так! И еще... Приведите всех слонов сюда. Это наши трофеи. На воротах Дели вывесить флаги Исламской армии! В город мы войдем торжественно!

Никто не посмел возразить против этого.

Армия во весь голос вскричала «Аллаху Акбар!».

Музыканты выстроились в ряд.

Через некоторое время были приведены все боевые слоны. Люди расступались, открывая им путь. Слоны по знаку погонщика остановились перед Эмиром и неожиданно опустились на колени. Все удивленно вздохнули. Бессловесные животные, которые ставили на колени мир, теперь как сознательные кланялись Тамерлану. Эмир остался очень доволен этим. Часть слонов он подарил принцам, другую отправил в Самарканд, а третью – на территории, подконтрольные ему. Два из них он отправил в Тебриз, одного в Ширван, еще одного в карабахскую область Азербайджана. Для тех, кто никогда не видел этих животных, это было необычным и в то же время знаком величия Тамерлана. Слоны стали в тех местах причиной значительных перемен. В связи с последним слонем в Азербайджане даже возник анекдот. Поговаривают, что слон был отправлен в село, в котором жил знаменитый мастер анекдотов молла Насреддин. Слон вытоптал там все

посевы. Население деревни пришло за советом к Насреддину. Молла, зная, что у него тысяча ответов на этот вопрос, тем не менее, сказал, что спасение в руках Тамерлана и предлагает пойти к Эмиру. Однажды, когда Эмир был в Азербайджане, люди пошли к нему с жалобой на слона. Сначала те, кто шел уверенно с жалобой, вдруг, испугавшись гнева Эмира, каждый найдя причину, ушел домой. Придя к Эмиру, молла Насреддин обернулся, увидел, что он остался один. Тогда он решил отомстить бросившим его. Назад пути не было, потому что его уже пропустили к Эмиру. Трясаясь от страха, вошел к Эмиру и когда тот спросил причину прихода, молла, не растерявшись ответил.

- Дай Аллах здоровья правителю. Ты посчитался с нашим селом и прислал нам слона. Но он один, скучает, лезет в огороды, топчет посевы. Поэтому народ меня послал к тебе, что просить прислать слону-самцу самку.

Эти слова так понравились Эмиру, что он тут же приказал прислать еще одного слона, а Насреддину пожаловал халат...

После взятия Дели, покорения Индии во всех мечетях были прочитаны молитвы в честь Великого Эмира. Канцелярия, не откладывая в долгий ящик, стала описывать дома. В то же время в большие страны были отправлены специальные сообщения.

Когда канцелярия занималась сбором налогов помилования, Тамерлан приказал раскинуть свой красный праздничный шатер в саду перед дворцом Султана Махмуда. Ему было намного удобнее в шатре, чем в незнакомом, чужом дворце. В то же время он не хотел адресовать свое величие дворцу султана Дели. Этот дворец посещали люди из Дели, иностранные послы. И теперь эти места должны были преклонять колени перед его величием, не забывая о грандиозности шатра, история должна была зафиксировать победу красного шатра. Тамерлан принимал у себя самых богатых людей Дели, прилегающих территорий, заставлял их целовать его башмаки, осматривал подарки, принесенные ими. Пополудни, после намаза проводил советы с приближенными, выслушивал их, получал сообщения, на месте отдавал необходимые указания. Черета вечерних застолий, пиров, продолжавшихся до утра, не прекращалась. В один из таких дней Пир Мухаммед, сидевший рядом с дедом, сказал ему о том, что среди воинов растет недовольство.

Тамерлан удивленно посмотрел на внука.

- Чем недовольны мои воины? Самый богатый город мира у их ног. Трофеи, которые мы взяли в этом городе, не соизмеримы со всеми трофеями из Шираза, Багдада, Тебриза, Герата и других мест.

Хорошее настроение деда и вино, принесенное из личных погребов Султана Махмуда, развязали язык Пир Мухаммеду.

- Дело как раз в этом, мой правитель!

Великий Эмир поставил пиалу на скатерть. Каким бы ярым благочестивым мусульманином он ни был, в честь победы мог выпить кумыса или пиалу вина. На такие пиршества священнослужители не приглашались. Здесь танцевали девушки, полуголые девицы разливали вино.

- Говори прямо! – голос Эмира зазвенел.

- Воины говорят, что мы все бились в честь Великого Эмира. Были раненые, погибшие. Однако, часть армии пропустили в Дели, остальная осталась за пределами. А грудастые женщины Дели носят на себе батманы⁵⁷ золота...

Тамерлан прервал внука.

- То есть ты хочешь сказать, что в городе они смогут иметь больше трофеев?

Пир Мухаммед подтвердил его слова и чтобы задобрить деда, кратко сказал:

- Это так, мой правитель. Воины думают, что эту несправедливость может поправить только правитель.

Правитель сперва сидел сердитый. Потом взял себя в руки, подумал: «На самом деле это так. Те, кто в городе видят всю красоту, развлекаются, могут хвастаться перед горожанами, но... но, остальную часть армии нельзя было впускать в город!...».

...Секретари канцелярии Тамерлана у ворот крепости проводили опись населения. Здесь производился сбор налога за помилование. И тут уменьшение числа населения старого Дели насторожило секретарей. Дав задание некоторым охранникам, они послали их проверить кварталы старого города. Население этих кварталов нужно было привести сюда даже с использованием силы.

⁵⁷ Мера веса, равная 4 пудам

Пятнадцать охранников, пройдя по узким улочкам, вышли на площадь. Один из них с громким голосом, приложив руку к уху начал громогласно объявлять:

- Слушайте, слушайте, не говорите, что не слышали! Пусть из каждого дома по одному человеку пройдут к воротам крепости, отметятся в списках, заплатят налог за помилование. Те, кто не придут, будут наказаны!

После того, как армия Султана Махмуда была повержена, часть сбежавших воинов спряталась, в основном, в кварталах старого города. Их, в принципе, никто и не искал. Правитель помиловал всех горожан, наложив налог за помилование. Однако, то, что Тамерланиды несколько дней господствовали в городе, этих воинов рассердило. Сначала они бились за султана. А теперь приняли решение биться за свои семьи. Победители в любой момент могли ворваться в дом, изнасиловать женщин и девушек. Вся эта настороженность не давала им покоя. Когда глашатай из охраны начал вещать на площади, около двухсот вооруженных людей окружили их. Один из них крикнул:

- Что ты кричишь? Что у нас есть, чтобы отдать вам? Кто вас позвал сюда, у них и берите! Как пришли, так и убирайтесь из Дели!

Другие поддержали его.

- Правду говорит! Убирайтесь!

Бранясь и сквернословя, толпа начала теснить охранников. Круг сужался. Десятник обратился к своим:

- Обороняйтесь, эти, кажется, хотят нас убить.

Обнажив мечи, они приготовились к бою. И в этот миг на них посыпались удары.

Один из раненых охранников, весь в крови, сумел убежать и добрался до ворот.

- наших убивают в старом городе! Кроме меня никого не осталось, - крикнул он и упал.

В это время в городе было около пятнадцати тысяч воинов. Из них несколько тысяч сразу отправились в старый город. А к воинам побежденной армии, заранее помышлявшим о восстании, присоединилось и население из других кварталов.

Восставшие сперва убили охранников, смогли закрыть ворота, прекратив движение. Потом напали на Тамерланидов, находившихся

в городе. Сражение было не на жизнь, а на смерть. Бои шли за каждый квартал, каждую улицу, даже за каждый дом. Они не сражались так даже на поле боя за крепостью. А победители-Тамерланиды, захватившие большие трофеи, сторонились опасности. Восставшим же терять было нечего, у них остались только семьи и дома. Жизнь после этого была бессмысленна.

Это их воодушевляло и бросало в бой с еще большей силой. Постепенно сражение вышло из-под контроля победителей, преимущество перешло на сторону восставших. Бесплодными были попытки отеснить их и открыть ворота. Восставшие хорошо охраняли ворота, потому что их судьба зависела от них. Когда весть о восстании дошла до армии, там поднялся переполох.

Наших убивают в городе!

- Жизнь правителя в опасности!

Воины, готовые отдать жизнь за правителя, разбили все ворота и ворвались в город. А в это время в старом городе восставшие, услышав об этом, приняли заранее подготовленные меры. Во дворах были приготовлены ямы для укрытия, и во время боя там прятали женщин, детей. Каждый, кто успевал, добегал до двора, выливал в яму смолу, поджигал ее и снова самоотверженно бросался в бой. После того, как армия ворвалась в город, ситуация коренным образом изменилась. Теперь не щадили никого. Каждый, кто попадался навстречу, был зарублен, изнасилованы женщины, девушки, потом начался грабеж. Кровь текла ручьями по улицам. Обыскивался каждый дом, мужчин убивали, а над женщинами и девушками изощренно издевались. Все это продолжалось до утра.

Когда известные сейиды, уважаемые люди, богачи города вновь пришли к Тамерлану, тот, только пришедший в себя после вчерашней вечеринки, сразу принял их. Гости сразу упали ему в ноги. Тамерлан заставил их встать и, как будто ничего не случилось, с интересом спросил:

- Что случилось, к добру ли с утра пораньше?

Один из сейидов пополз ему навстречу.

- Великий правитель, вы разве не знаете, что произошло?

Эмир покачал головой.

- А что случилось?

- Великий правитель! Со вчерашнего дня в городе идут кровавые сражения. Насилуют женщин и девушек, разграблены дома, мужчин беспощадно убивают. Заклинаем вас Великим Аллахом, остановите это! Никто кроме вас не сможет сделать этого. Если и сегодня это продолжится, в городе не останется ни одной живой души.

Тамерлан удивился.

- Клянусь Аллахом, я не хотел, чтобы это случилось. – Быстро постучал по бубну рядом. Начальник охраны Тахмаз бек вошел, сложил руки на груди, поклонился.

- Срочно сообщите всем эмирам, чтобы остановили побоище. Кто не выполнит приказ, будет строго наказан.

Через некоторое время в городе наступило затишье. Убитые лежали на земле, оставшихся в живых пленили. Трупы восставших воинов побежденной армии остывали в лужах крови...

Купец Агбаба нагнал Тамерлана в Дели. После разграбления его каравана он пошел в Тебриз, был свидетелем бесчинств Мираншаха, восстания горожан. Агбаба был из тех купцов, которые даже во сне торговали. Придя в Дели, он не мог не думать о прибыли. «Паломничество и торговля отнюдь не мешают друг другу» было самым любимым его выражением. Взяв в долг у друзей в Тебризе, он нагрузил хорошо продаваемыми товарами пятнадцать верблюдов и направился в Индию. Придя в Дели отправил караван в караван-сарай, а сам пошел на встречу с правителем. Подойдя к воротам Дели, Агбаба показал специальное разрешение, выданное Эмиром, и попросил отвести его к правителю. Его просьбу выполнили мгновенно.

Когда весть о том, что пришел купец Агбаба, сообщили Тамерлану, тот сильно удивился. Они должны были встретиться в Азербайджане. Если он сейчас должен торговать в Анатолии, что он делает здесь? Значит, случилось что-то важное! Купец Агбаба был из тех, кто подчинялся не тысячнику Тахмаз хану, а лично Тамерлану. Купец Агбаба никогда не одолел бы такой далекий путь только из-за торговли. Поэтому Тамерлан, отложив прием других, приказал срочно привести к нему купца. Агбаба, войдя в шатер, упал ему в ноги, поцеловал башмаки, пожелал доброго здравия.

Тамерлан приказал ему встать.

- Что случилось, Агбаба? Что-то серьезное? Я думаю, если бы ничего не случилось, ты не пришел в такую даль. Встань, рассказывай все.

Купец встал, рассказал все по порядку. Но он не знал о том, что его караван Черный Юсиф отобрал у людей Мираншаха. Агбаба рассказал о том, что произошло в Тебризе, о восстании людей в Азербайджане, уставших от тирании. Слушая все это, Тамерлан молчал, не задал ни одного вопроса. Потом встал, подумал, все взвесил. Левая щека подрагивала. «Неблагодарный сын, - подумал он. - Проклятие шайтану. Вот здесь правильно говорят: от хорошего отца негодный отпрыск». Вспомнил одно из наставлений, которые сделал сыну Шахруху в Герате. «Терпение правителя должно расколоть и камень».

Встал перед купцом.

- Подними голову, купец Агбаба!

В его голосе были повелительность, приказ и сожаление.

Купец, тяжело, переживая тысячи мыслей по поводу предстоящего решения повелителя, поднял голову. Правителям доверия не было, в любой момент они могли принять неожиданное решение. В защиту собственного сына он мог сказать, что все это он сам приказал. Все могло быть. Для того, чтобы сломить волю азербайджанского народа, Эмир мог бы подтвердить правильность действий сына. Подняв голову, его взгляд встретился с взглядом голубых глаз Тамерлана. Это его озадачило. Он никогда так близко не видел эти глаза. От них шел холод, который разливался по всей сущности Агбабы. Под взглядом этих холодных глаз у Агбабы вдруг заколотилось сердце. Земля стала уходить из-под ног. Для того, чтобы не упасть, он прижал колени друг к другу. Правитель же не отводил взгляд.

- Ты не ошибаешься, Агбаба? Ты понимаешь, что если это неправда, ты играешь с огнем?

В этот момент решалась судьба купца. Если бы хотя бы чуть-чуть отвел взгляд, Тамерлан сразу заподозрил бы неладное. Глянул прямо в голубые глаза Эмира.

- Нет, я не ошибаюсь, правитель!

- Почему ты так решил? Они ведь действительно могли оказаться из династии гарагоюнлу? Или же людьми Султана Ахмеда...

Они продолжали, не мигая, сверлить друг друга взглядом.

- Я уверен, Великий правитель! Потому что я и сам из племени Бахарлы династии гарагоюнлу. Они не говорили на нашем наречии. Разговаривали больше на вашем тюркском наречии.

Наконец Тамерлан отвел взгляд и начал, волоча одну ногу, ходить по шатру. «Этот купец врать не будет, в его словах, делах я всегда видел честность. И потом он понимает, что шило в мешке утаить невозможно. Рано или поздно все вскроется, от наказания не уйдет».

Тамерлан, вновь посмотрев своими голубыми глазами, которых так боялся купец, на Агбабу, сел на трон.

- Хорошо, я тебе верю, купец Агбаба! Ты никогда не предавал меня, никогда не обманывал. Поэтому возьми из казны сколько нужно, правь себе караван и возвращайся в Анатолию.

Агбаба свободно вздохнул, но почувствовал, что весь мокрый, как мыш. Пот лился от затылка по спине до самых сапог. Он преклонил колени, воздавая молитвы правителю, и, пятясь, вышел из шатра. Выйдя, немного постоял на воздухе, чтобы прийти в себя. Потом сразу отправился в канцелярию.

Тамерлан срочно вызвал к себе Тахмаз хана...

Сегодня Эмир получал известия одно хуже другого. После Агбабы пришел гонец из Ширвана, сообщивший о набеге грузин на Азербайджан. Потом другой гонец сообщил о том, что Ильдрым Беязид захватил несколько городов, являвшихся вассалами Тамерлана. В конце он принял одного из дервишей. Дервиш прибыл из Азербайджана и сообщил, что во многих местах народ создает ополчения, уходит в горы, готовится к борьбе против Мираншаха. Потом правитель решил получить сведения об ограблении каравана купца. Дервиш ответил, что в Азербайджане нет человека, который не знает, кто ограбил караван. Потому что Агбабу хорошо знают все дервиши и купцы. Он в то же время сообщил, что караван в данный момент находится в руках Черного Юсифа. Ограбление каравана было правдой. Это давало ему возможность делать на шахматной доске новые ходы. И без того, когда он ушел из Азербайджана, на этой «шахматной доске» произошли большие изменения. Когда в 1397 года Ильдрым Беязид захватил эмирата Гараманлы и положил конец правлению Гази Бурханаддина, он

сильно укрепился в Малой Азии. Более того, он, захватив Эрзиджан, сместил от власти нескольких вассалов. Это уже говорило о том, что Баязид бросает ему вызов. Он больше не мог оставаться в Дели. Да и большого значения его присутствие здесь не имело. Собранных здесь средств вполне хватило бы для будущих сражений. Надо было торопиться в Азербайджан, наказать восставших, потом грузин, и только потом сделать несколько новых шахматных ходов, которые заявят о себе во всем мире.

Через две недели Тамерлан покинул город, который во времена арабов носил название Дилли, потом был переименован в Дели. Для того, чтобы построить в Самарканде величественную пятничную мечеть, Эмир всех мастеровых из Дели отправил в свою столицу. В тоже время, уходя, он никого не назначил правителем Дели. Это тоже имело свой смысл. Он превращал Индию в свою область.

...Только в 1401 году беженец Малу и Султан Махмуд смогли вернуться в Дели и захватить власть. Разграбленным, разрушенным, обедневшим Дели управлять было очень сложно. Как результат этого, в 1414 году правлению династии Туглук был положен конец...

Армия Тамерлана, вышедшая из Дели и следовавшая в сторону реки Ганг, буквально купалась в золоте. У самого бедного воина было пять-шесть килограммов золота, драгоценных камней. И также самый бедный воин имел двадцать, а средний сто пятьдесят невольников. А это в пересчете означало столько же золота.

Потому как по пути Тамерлану не встретилась никакая армия, он другим путем возвращался обратно. Его армия была перегружена, и теперь была больше похожа на кочевье, переселяющееся в другое место. За армией шли стада баранов, коров, коз, шли женщины, девушки, молодые парни, общее число которых в пять раз превышало численность армии. Славившиеся в Средней Азии своими быстрыми переходами воины Тамерлана теперь в день преодолевали всего один фарсах. Грузы были тяжелы, трофеев много, двигаться было сложно. Но, несмотря на все это, Тамерлан не сидел сложа руки, по дороге рассматривал жалобы, помогал мусульманам, вырезал гяуров. У отрогов Гималаев и Кашмира армия двадцать раз вступала в бой. Шах-мусульманин Кашмира пришел его навестить и дал слово

каждый год выдавать большую контрибуцию. В одном из боев в плен попал раджа Джамма, который принял Ислам. Чтобы поверить ему, сварили коровье мясо и заставили съесть. Потому что индусы считают корову священным животным и не едят коровье мясо. Правитель Лахора, подчинявшийся Тамерлану, вопреки приказу правителя почему-то не пришел в повиновение. Поэтому по приказу Эмира группа отправилась в Лахор, захватила его, а принца казнила.

После того, как Эмир прошел Чинаб, слуги Мираншаха и шпионы Тахмаз хана донесли Тамерлану вести о здоровье принца и состоянии дел в Египте, Багдаде, Руме, Дашти-Кыпчаке, Сирии и крепости Алинджа.

В марте Тамерлан попрощался со всеми принцами, отправил их в провинции, куда они были назначены правителями.

Еще будучи в Кашмире, его рука начала болеть и опухла. А на севере от Кабула нога и рука загноились и он больше не мог сидеть в седле. Когда он переходил Гиндукуш, он лежал на носилках, которые были установлены на нескольких мулах. Дорога в горах была настолько сложной, что армия одну реку переходила в сорок восемь приемов. В первый день весны армия перешла реку Оск. В Термезе его встретила вся семья и два внука – Улугбек и Ибрагим Султан. По дороге на Самарканд, в Кеше Тамерлан остался на две недели. Здесь он посетил могилы отца Тарагая и других правоверных. Потом со своими приближенными отправился в свой любимый город Самарканд. А город собирался торжественно встретить покорителя...

ГЛАВА 6

...Во времена Бязида Бурса превратилась в промышленный центр и город торговли шелком. В Анатолии, в Бурсе находился самый крупный и известный шелковый базар, поэтому все караванные пути проходили через этот город.

В истории человечества дорога считается самой значимой и важной ценностью. Дорога была носителем культуры и общения. Однако дороги несут в себе и прогресс, и регресс. По дорогам везут известия, товары, ведут пленных. С помощью дорог создается история,

но также она там и закрывается. Любой народ, проходя по пыльным, грязным дорогам, иногда остается в истории, кажущейся блестящей. Дорога ведет к войнам, дружбе, связям. В конце каждой дороги есть остановка, за каждой остановкой начинается новая дорога. Потому дорога вечная и святая.

Дорога Тебриз-Бурса была одной из важнейших в Великом Шелковом пути.

Купец Агбаба, дабы на сей раз не рисковать, для проведения каравана, груженого шелком, выбрал в Бурсу другой путь. Караван, перейдя реку Араз⁵⁸ в Нахичевани, шел в Бурсу по дороге Эрзерум-Токат, Амасия-Анкара-Чорум. На сей раз он не утруждал себя, все предусмотрел заранее. Будучи в Тебризе, поговорил с людьми Мираншаха, нанял у него воинов, которые должны были его сопровождать в пути. Интересно, что Мираншаха, который знал, что караван идет из Индии в Бурсу, даже не заинтересовало то, что произошло на этой длинной дороге, он ограничился лишь «земельным» сбором.

Следом за караваном шли несколько дервишей, по вечерам у костра ведя интересные разговоры. Иногда они читали стихи, пели песни, написанные на эти же стихи, читали газели⁵⁹.

Эти дервиши были мюридами убитого рядом с крепостью Алинджа Фейзуллаха Наими, последователями хуруфитов. И хотя этих дервишей, по милости Мираншаха ставших изгнанниками, не пускали в города и крепости, в деревнях их принимали с почетом. После смерти устада, хуруфиты стали дервишами, распространяя свое учение в Анатолии. Учение хуруфитов добралось даже до Балкан.

Не дойдя до крепости Чорум, дервиши покинули караван. Они прекрасно знали, что в этом виде их в город не пустят. Когда караван через восточные ворота крепости вошел в город, черные тучи сгустились над Чорумом. Разместив грузы в караван-сарайе и дав указания своим людям, Агбаба отправился в баню, потом отправился в мечеть, совершил намаз. Теперь он был несколько спокоен. Нанятые им воины от Ардзиджана повернули назад. Город был в подчинении Беязида. Путь дальше был безопасным, поэтому купец не стал брать охрану, принял решение отправиться в дорогу со своими людьми.

⁵⁸ Аракс

⁵⁹ Размер восточных стихов

Вернувшись в караван-сарай, в своей комнате при свете свечи с аппетитом поев приготовленный из баранины пити-бозбаш⁶⁰, почувствовал, что сильно устал. Решил немного поспать, чтобы снять усталость. Только развязал кушак и аккуратно сложил его, как в этот момент раздался стук в дверь. Агбаба вздрогнул. «Кто это может быть в глубокую ночь?», подумал он. Вытащил из-под подушки положенные туда разрешение Эмира и мешочек с деньгами, спрятал в тайный карман верхней одежды. Осторожно подошел к двери, спросил:

- Кто там?

Из-за двери послышался знакомый голос.

- Эта я, эфенди⁶¹, хозяин караван-сарая.

Купец успокоился. Глубоко вздохнул и отодвину щеколду двери. Как только дверь открылась, на дворе сверкнула молния, загредел гром. На мгновение стало светло как днем. Блеск молнии осветил комнату. Хозяин караван-сарая от этого вздрогнул. Он не успел ничего сказать, как молния сверкнула второй раз, вслед за этим пошел ливень. Купец пригласил его в комнату, но тот отказался.

- Пусть Аллах будет вами доволен, нет нужды входить в комнату, эфенди.

- Я слушаю вас, господин, что-то случилось?

Хозяин караван-сарая потер руки, взглянул на дождь.

- Не знаю даже с чего начать, эфенди. Да и дождь совсем некстати.

- Говорите, как можете, господин. Стесняться не надо, – подбодрил его Агбаба.

- Вы знаете, правитель города Дурмуш эфенди приглашает хозяйина каравана, то есть вас, к себе домой. Прислал человека. Клянусь, я совсем не хотел бы, чтобы вы в такую погоду уходили. Но мы всего лишь служители. Нам говорят, мы выполняем.

Купец встревожился.

- Говорите Дурмуш эфенди приглашает?.. Что-то случилось?

- Нет, эфенди, слава Аллаху, ничего не случилось. Просто Дурмуш эфенди услышал, что вы прибыли из Дели, и очень заинтересовался, хочет видеть вас. – Он осмотрелся по сторонам, убедившись,

Блюдо из баранины, его до сих пор готовят в Азербайджане
Тюркское уважительное обращение

что никто не слышит, и еле слышным шепотом сказал: - Говорят, завтра наш падишах, сам Ильдырым Беязид приедет в Чорум.

Для купца Агбабы это известие было совершенно неожиданным. Он не знал, что Ильдырым Беязид будет в этих местах. «Интересно, что ему здесь нужно? Настал момент узнать это». Подумав об этом, он улыбнулся хозяину караван-сарая.

- Что можно поделаться, эфенди? Если сам правитель города приглашает, как говорится «голову намочим здесь, а подстрижем там».

Этой шутке засмеялся и хозяин караван-сарая.

Через некоторое время двое, под проливным дождем, по узким и кривым улицам, добрались, наконец, до площади, где стоял дворец. Освещенный смоляными факелами, дворец стоял посреди площади и охранялся воинами. Купец Агбаба в сопровождении человека правителя прошел мимо воинов, вошел во дворец. В освещенной комнате его принял сам правитель. Это был очень подвижный, жизнерадостный мужчина. С такими говорить было легко. Потому что все пряталось за завесой его улыбки. Он указал в окно.

- Ради Аллаха, прости, эфенди, что в такую дождливую ночь пригласил тебя к себе.

С видом виноватого, склонив голову, приказал слуге принести полотенце.

- Этот проклятый дождь будто бы ждал именно сегодняшнего дня.

Один из слуг вошел в комнату, подал купцу полотенце, остановился в углу. Агбаба вытер лицо, руки и, сказав «спасибо», вернул полотенце слуге. Потом снял намокшие и немного испачканные сапоги, аккуратно поставил их в угол. Поправил чалму, потряс намокший подол чухи⁶².

- Ну, все, я готов, уважаемый правитель.

Среднего роста, чуть полноватый, пятидесятипятилетний Дурмуш эфенди вновь улыбнулся.

- Ну, тогда идите за мной, купец эфенди.

Они прошли в большой, хорошо освещенный зал. На стенах были установлены подсвечники, все свечи были зажжены. Правитель

⁶² Длиннополая мужская одежда, напоминает черкеску

показал ему место присесть и сам удобно устроился на подушках, разложенных на ковре.

Агбаба профессиональным взглядом оценил ковер. Подумал, что он привезен из Тебриза. Ковры с сюжетными рисунками впервые стали ткать именно в Тебризе. Принесли кальян, айран⁶³, сладости. Правитель взял мундштук кальяна. Вода в кальяне забулькала, словно закипела. Потом затянулся, угли на кальяне покраснели. Вода в кальяне заполнилась дымом. Правитель не спеша пускал клубы дыма. Комната наполнилась запахом вишни. По-видимому в табак добавляли цветы вишни. Из-за завесы ароматного дыма посмотрел на купца.

- Эфенди, я слышал, что вы были в Дели. Видели, что там происходит. Это правда?

- Все это правда, эфенди. Я видел, как Великий Эмир взял город, видел и его самого, имел честь беседовать с ним.

Правитель очень удивился.

- На самом деле ты беседовал с ним? Ты?! Ради Аллаха, расскажи, что там происходило?

Купец вытащил из-за кушака маленький сверточек.

- С большим удовольствием, Дурмуш эфенди. Но, если вы позволите, сначала я бы вручил вам привезенный из Индии небольшой подарок. – Развернул сверток и вытащил золотое кольцо с бриллиантом, протянул правителю. – Прошу вас, уважаемый правитель, принять от вашего покорного слуги небольшой подарок.

Правитель города взял кольцо, поблагодарил, потом с возгласами восторга разглядев, положил за кушак.

...В ту ночь купец и Дурмуш эфенди проговорили до третьих пелухов. Купец Агбаба рассказывал очень странные истории, отвечал на разные вопросы, рассказал о качествах Великого Эмира, сколько трофеев тот взял в Дели. После всего рассказа и полноценных ответов на свои вопросы Дурмуш эфенди выглядел довольным. Чтобы прогнать сон, потер подбородок.

- Эфенди, вы знаете, что завтра в Чорум прибывает сам султан?

- Да, я слышал это от хозяина караван-сарая.

- У меня к вам одна просьба, или же поручение. Когда завтра сюда придет султан, еще расскажите ему все, о чем мы говорили. Как

⁶³ Молочное блюдо типа жидкого кефира

мне известно, последнее время великий султан очень интересуется правителем Джагатая...

Когда к утру Агбаба вернулся в караван-сарай, дождь уже прекратился. Сняв чалму и кушак, он прямо в одежде лег, стараясь хотя бы чуть поспать. Но не прошло и двух-трех часов, как его вновь разбудил стук в дверь. Это опять был хозяин караван-сарая. Люди Дурмуша эфенди ждали его. Когда он подошел ко дворцу, от вчерашнего спокойствия не осталось и следа. По всему периметру двора вытянувшись стояли воины Беязида, а перед дворцом выстроились местные богачи, священнослужители, имамы, пришедшие приветствовать султана. В не очень большом дворе дворца Дурмуша было тесно. Через некоторое время купца пригласили во дворец. В зале, котором он до утра говорил с Дурмушем эфенди, теперь возвышался переносной трон. По правую сторону Беязида стоял сын сербского короля Лазара Стефан.

Во время похода на Балканы, Ильдрым Беязид в первую очередь покорил Сербию, потом они с князем Стефаном стали союзниками, далее союзничество переросло в родственные связи. Султан женился на его сестре Деспине.

После того, как Беязид разбил объединенные войска Европы, Багдадский халиф нарек его «Султани-иглими-Рум», что означало «Султан Румской Анатолии».

Султан выглядел усталым и озабоченным. После победы над объединенными войсками Европы его мысли были направлены на покорение Константинополя. Тридцатидевятилетний император, хотя два раза осаждал Константинополь, город взять не смог, этому помешала малочисленность морского флота. Несмотря на то, что он снял осаду города, тем не менее, увеличил годовые налоги императора Византии. Построил в Константинополе мечеть, создал исламский суд и заложил тюркский квартал. Но он не хотел на этом останавливаться, цель была захватить этот древний город. Он хотел начать третью осаду столицы Византии. Связи с Балканами по суше у Византии больше не было, территории, прилегающие к ней на юго-востоке, впервые были присоединены к Османской империи. Связь по суше оставалась только на севере и по Черному морю. Естественное окружение Константинополя постепенно сужалось.

Султан Ильдрым Беязид, обладая гибким умом, умел делать стремительные военные ходы, менять ситуацию, был полководцем, который даже в сложных, порой безвыходных ситуациях не терял самообладания. Он был популярен и своей справедливостью. На Востоке быть справедливым правителем считалось равноценным смелости и достоинству захватить земли. Он также любил беседы с учеными, совершал паломничество на могилы известных людей.

Ильдрым Беязид раньше не обращал внимания на победы Тамерлана. Его не очень побеспокоил и захват Тамерланом Азербайджана и части Анатолии. Он ограничился лишь тем, что между его и Эмира территориями расположились войска последнего представителя джеларидов Султана Ахмеда и эмира династии гарагойунлу Черного Юсифа. Но основным было то, что он не хотел контактов с Эмиром Тамерланом. С этой целью он поддерживал Султана Ахмеда и Черного Юсифа и защищал их. Однако с истечением времени Беязид начал беспокоиться. Ему доставили известие, что Тамерлан намерен вновь восстановить империю Чингисхана. А после того, как узнал о покорении Тамерланом Индии, интерес к нему возрос многократно. Он следил за каждым движением Тамерлана, собирал информацию о нем. Взятие Дели было равносильно взятию Константинополя. Перед тем, кто взял эти два города, устоять было уже невозможно. Поэтому он хотел быстрее начать осаду столицы второго Рима. Беязид в своих захватнических походах не хотел уступать Тамерлану. Покорение этой столицы осталось даже в хадисах пророков Ислама. «Византия, конечно, будет взята. Как хорош тот полководец, как хороши те воины». Султан Ильдрым Беязид как мусульманский правитель хотел стать именно таким полководцем.

Однако сегодня из Чорума ни один путь не вел к тому завоеванию.

Купец Агбаба, преклонив колени, приветствовал султана, вознес в его честь молитвы, преподнес ему достойный султана инкрустированный драгоценными камнями меч. Этот меч он за бесценок купил у одного тысячника в Дели. У него много было таких редких вещей, купленных по дешевке. Но они были не на продажу.

Когда Беязид показал ему, где сесть, тот почтительно поклонился и сел.

- Я слышал, твой караван идет из Индии, и во время ее покорения ты был там. Говорят, что ты даже видел Тамерлана? Это правда?

Купец Агбаба впервые в жизни видел султана. Это был резкий, крепкий, красивый мужчина. От сурового и невыразительного взгляда стоящему перед ним становилось не по себе. На самом деле купцу легче было разговаривать с Эмиром Тамерланом. Он хорошо знал его. Тот доверял ему, давал задание, купец его выполнял. Всегда он собирал информацию, теперь ее требовали от него. Все поменялось местами. Хотя к обоим тюркским покорителям у него была симпатия. Оба имели одинаковые корни.

- Правда, мой султан, я иду из Дели, видел Тамерлана.

Беззид смотрел на купца с таким интересом, будто перед ним сидел не просто торговец, а его будущий соперник Тамерлан.

- Рассказывай! Подробно расскажи о взятии Дели.

Агбаба, ничего не утаивая, рассказал все, о чем ночью говорил с правителем города, но более расширенно. Рассказывая, он иногда искоса посматривал на присутствующих. Более всего менялось выражение лица князя Стефана, а Беззид слушал внимательно, не двигаясь и даже не моргая. Видимо, не моргал оттого, что боялся пропустить нечто важное.

Агбаба закончил рассказ. Наступила тишина. Беззид взвешивал все, что услышал. После долго молчания наконец заговорил.

- Я задам эфенди несколько вопросов. Я даю слово по поводу твоей неприкосновенности. Но и ты дай слово, что на каждый вопрос будешь отвечать честно и искренне.

Купец приложил руки к груди и поклонился.

- По мере возможности буду искренен, ваше величество.

- Что за человек Тамерлан?

Агбаба хотя и не ждал такой вопрос, тем не менее, ответил сразу.

- Жестокий и милосердный, скупой и щедрый, слабый и в то же время сильный, ненавидит, но и любит.

Султан внимательно слушал его. А Стефан из этого короткого ответа ничего не понял.

- Не понял, что он за человек? – мотнул головой Стефан.

Купец вздохнул.

- То есть Тамерлан безжалостен к тем, кто ему не подчиняется. Если ты не подчинился, он не успокоится, пока не добьет тебя. В такие моменты его лучше не видеть. Все разрушат, сожгут. Милосерден потому, что умеет прощать. Даже если его заклятый враг склонится перед ним, преклонит перед ним колени, покается, признает вину, он простит его, не отнимет полностью у него богатств. Скупой, потому что знает цену одному курушу, ведет счет. Без пользы не истратит ни копейки. Если сам не захочет, никому ничего не даст. Все захваченное записывает, лично проверяет по тетради. Щедр, потому что все, что имеет, пускает на различные дела, строительство мечетей, тратит на подарки. Сильный, потому что имеет непобедимую армию. Его армия как его кулак. Когда хочет, сжимает, когда надо, разжимает. Он установил в армии такие порядки, что даже новобранцы выполняют его приказы беспрекословно, даже если надо пойти на смерть. Сила еще и в его голове. В безвыходных ситуациях его голова работает настолько четко, что можно только удивляться. Слаб потому, что он один. Его некому заменить, нет такого человека. Очень любит близких и родных. Если с ними что-то случается, он мается, несколько дней не может прийти в себя. Ненависть в нем велика потому, что если нарушаются установленные порядки, он беспощаден, даже к своим. В нем между ненавистью и любовью расстояние, равное тонкому шелку.

Купец Агбаба замолчал. В голове с быстротой молнии пронеслась мысль. «Кажется, я слишком много сказал. Не наговорил ли чего лишнего?».

Беязид за рассказом купца почувствовал его расположение к Тамерлану. На самом деле эта любовь, уважение были на виду. Говоря о Тамерлане, у купца загорался взгляд, менялся голос. Но это не вызвало негодования у Беязида, напротив, за наблюдательность купца он сказал в душе в его адрес «молодец!», подумав, что «Тамерлан умеет работать и с купцами».

- Какое у него отношение к Исламу? Я слышал, что о нем говорят, как о покровителе Ислама?

- Ваше величество, у Тамерлана отношение к Исламу такое же, как у всех тюрок. На небе один Господь, на земле один правитель.

Султан вздрогнул. «На земле один правитель! То есть у всех тюрок на земле должен быть один правитель? Значит рано или поздно мы должны с ним столкнуться».

- А как он управляет армией? То есть каким правилам подчиняется армия?

- Я это точно не знаю. Потому что у меня нет дел внутри армии. Но знаю одно, что управляет он и правилами Чингисхана, - пожал плечами Агбаба.

- То есть?

- То есть армия соблюдает каноны Ислама, но после каждого сражения воинам дается свобода. Воин в это время может делать, что захочет, может даже совершить грех, но не будет наказан. Он развлекается, ест-пьет, кутит с женщинами...

Этой информации для Беязида было пока достаточно. Поэтому он дал знак, что разговор закончен. Потом Беязид одарил купца подарками и выдал специальный указ, разрешающий торговать в самых авторитетных местах. Агбаба возблагодарил султана и после того, как он ушел, Стефан, за все это время вмешавшийся в разговор все один раз, потом молчавший, сразу заговорил.

- Напрасно вы ему выдали указ на торговлю, ваше величество. Надо было конфисковать его караван в пользу казны. Я увидел в нем большую любовь и уважение к Тамерлану. Такое впечатление, будто он всю жизнь был при нем. Я не говорю еще о его философских размышлениях. Ты посмотри на этого философа!

Беязид возразил ему.

- Я так не думаю, уважаемый Стефан. Во-первых, я сразу ему дал слово о неприкосновенности. Потом... знаешь, сила Тамерлана помимо всего в купцах. Это очень хорошо. Мы тоже должны этим пользоваться. – Показал рукой на Восток. – Мы не можем конфисковывать караваны, идущие со стороны восходящего солнца, и казнить купцов! Через шесть месяцев оттуда не придет ни один верблюд, торговля здесь захиреет, людям не на что будет жить, они обеднеют. А что идет от Батыя? Самым первым будет то, что получаемая информация будет равна нулю. Ты лучше скажи другое, Тамерлан придет в эти края?

Стефан, хотя и был родственником Беязида, но больше опирался на указания Папы Римского, ко всему подходил с позиций христианина.

- Конечно, придет, ваше величество, обязательно придет! Я предлагаю опередить его. Первый удар это половина победы.

Султан посерьезнел.

- Что ты предлагаешь?

Князь прищурился.

- Предлагаю вместо осады Константинополя пойти на Тебриз. Вознесем на престол Султана Ахмеда, потомка Хулаки и Чингисхана.

Ильдрым Беязид, взъяренный от этого предложения, встал.

- Что говорит твой рот, слышат твои уши? Ты думаешь, о чем говоришь? Под каким предлогом я пойду на Азербайджан? То, что я пошел на христиан, поддержал весь мусульманский мир и даже сам Тамерлан. А здесь что я скажу? Здесь Восток, понимаешь, Восток! Здесь не такие порядки, как у вас в Европе. Я не могу нарушить свою справедливость!

Стефан пожал плечами.

- Для того, чтобы начать войну, всегда можно найти причину, ваше величество. Самое главное иметь желание, силу, военные способности. Все это у вашего величества есть. И еще: победителей не судят, ваше величество.

- Нет, я же ничего не имею против него. В то же время хочу, чтобы и он не имел ничего против меня. Рано или поздно мы должно поделить мир между собой. И он тюрк, и я! – возразил султан.

Стефан насмешливо улыбнулся.

- Пусть ваше величество не забывает, что в мусульманском мире вас называют «мечом Аллаха». Вы что, собираетесь выглядеть слабым перед хромым выходцем с Востока? Когда в Европе слышат ваше имя, все от страха трясутся. Его ли мы будем сторониться? Теперь самая сильная армия мира в руках вашего величества. Одного вашего приказа достаточно для того, чтобы всех татар прогнать туда, откуда они пришли. И потом, я слышал, что в Азербайджане, а точнее, в Нахичевани, есть крепость под названием Алинджа. Тамерлан двенадцать лет не может ее взять. Поможем этой крепости руками Султана Ахмеда. Ведь Тамерлан отнюдь не непобедимый.

Ильдрым Беязид замолк...

Крепость Алинджа более одиннадцати лет находилась в окружении Тамерланидов. После того, как Тамерлан присоединил к своей империи земли Азербайджана, в 1387 году он с армией подошел к крепости Алинджа, Ильяс Ходжа с трудом прорвал оборону нахиче-

ванцев. Лишь после того, как он смог разрушить бастионы Геми и Сурмели, окружил Алинджа.

Эта крепость была заложена на высокой скале на берегу реки Алинджа. Туда вели всего две дороги с востока и запада. Но они были узкими и крутыми. Стены и башни крепости были построены на совесть. С крепости далеко были видны равнины Нахичевани, что делало ее еще более неприступной. В ясную погоду с крепости, стоящей напротив горы Иландаг, можно было видеть гору Агрыдаг. Внутри крепостных стен росли виноградники, цвели сады, были отведены места для посевов и выпаса, имелись многочисленные источники воды. Чтобы противостоять длительной осаде, в крепости соорудили колодцы, создали водоемы, специальные ямы заполнялись зерном. Джелариды, учитывая важность крепости, постоянно занимались ее совершенствованием и укреплением.

Когда Тамерлан совершил поход в Азербайджан, Султан Ахмед отправил в Алинджу казну джеларидов, свою семью, близких, сына Эмир Тахира и поручил их начальнику крепости Эмиру Алтуна. Начальник крепости, уже много лет возглавлявший ее, знал здесь все ходы-выходы, тайные тропы, лабиринты, через которые мог пройти с закрытыми глазами.

Несмотря на то, что в крепости было всего триста воинов, им на помощь по тайным тропам часто приходили грузинский царь и правитель Шеки Сейид Али Арлат, посылали воинов. Целью этой помощи было не позволить Тамерлану пойти на Грузию или в сторону Шеки. В одном из сражений Сейид Али Арлат был убит. В результате верной политики Эмира Алтуна, его полководческих способностей многие воины Тамерлана остались лежать у подножья крепости. Иногда число воинов, осаждавших крепость, доходило до сорока тысяч. Однако и это не помогало, крепость держалась стойко. Великий Эмир никогда так долго не осаждал ни одну крепость. Тамерланды, стремительными походами завоевывали все новые земли, здесь, однако, вынуждены были остаться надолго. Но крепость продолжала защищаться. Тамерлан и сам восхищался полководческими способностями Эмира Алтуна. Он хотел бы видеть такого героя в своих рядах. Но, увы! Эмир Алтун был недоступен. В одном из сражений воины Тамерлана заняли и разрушили нижний форпост крепости. Защитники крепо-

сти поднялись на верхний ярус. Великий Эмир окружил и его. Лето в Нахичевани обычно бывает нестерпимо жарким. Началась засуха, пересохли кяризы, водоемы опустели. Люди Эмира Алтуна могли тайными тропами доставлять воду, но ее не хватало даже для защитников крепости. Овцы, козы погибали от жажды. Казалось, Алиндже пришел конец.

Размолвка между Эмиром Алтуном и Эмиром Тахиром началась именно в это время. Между Эмиром Тахиром, сидящим в тени крепостной стены, от жажды неспособным даже вздохнуть, и начальником крепости произошла ссора.

- Я предлагаю сдать крепость Тамерлану, - говорил Тахир. – Если мы попросим пощады, он нас помилует. Отдадим ему казну, купим свободу. Пойми, Алтун бек, семья султана вот уже много времени находится здесь. Они уже не могут выдержать. Пройдет еще немного времени, и они погибнут.

Эмир Алтун вытер пот, стекающий с затылка.

- А если воины Тамерлана посягнут на честь семьи султана, что ты будешь делать? Нет, если защита крепости поручена мне, защищать честь всех находящихся здесь входит в мои обязанности.

Это очень не понравилось Эмиру Тахиру. Султан был его отцом, а все, находящиеся с ним здесь, его семьей. Охранять честь семьи входило в его обязанности. Он встал, обнажил меч.

- Что, защита чести султана поручена какому-то проходимцу? Это невозможно! Теперь я смешаю тебя с твоей кровью, будешь знать, что такое честь и достоинство!

От его криков глохли уши, голос отдавался эхом от стен крепости. Эмир Алтун тоже встал, вынул меч из ножен. Молча, отражая удары Эмира Тахира, он неожиданно с такой силой плашмя ударил принца по руке, что меч выпал из его рук. Но тот не растерялся. Вытащив кинжал, хотел кинуться на начальника крепости, как почувствовал у горла острие меча. На площади была странная картина. Будто бы оба окаменели. Сын султана боялся двинуться, а Эмир Алтун не хотел его убивать. Наконец, Эмир Алтун заговорил:

- Теперь показать тебе, что такое честь и достоинство?

В тот момент с другого конца крепости донесся женский крик:

- Стойте! Ради Аллаха, стойте!

Старшая жена Султана Ахмеда подбежала к ним и бросила между ними свой платок. У огузских тюрков есть обычай: когда бьются мужчины и между ними падает женский платок, бой останавливается, заключается мир. Так случилось и сейчас. Эмир Алтун убрал свой меч, поднял с земли платок, подал женщине.

- Благодарю Великую ханум! Не будь платка, пролилась бы кровь. Женщина надела платок на голову и просительным голосом сказала:

- Тахир не виноват, это я настаивала на том, чтобы сдать крепость Тамерлану, иначе мы погибнем от жажды.

Начальник крепости в знак почтения сказал спокойным тоном.

- А я считаю, что крепость сдавать нельзя. Если мы прирежем всех животных в крепости, несколько дней продержимся. А там решать Аллаху!

Эмир Тахир, все еще чувствовавший жало меча на шее, пришел в себя.

- Нет, я не позволю прирезать этих прекрасных коней! Лучше сдать крепость, чем убить коней.

Ханум, поддержав пасынка, дала совет начальнику крепости:

- Тахир прав. И потом он же твой хозяин, будущий султан. Делай, что он говорит.

Эмир Алтун, как бы сдаваясь, поднял руки. В его голосе была безысходность.

- Вам лучше знать, пусть это останется на вашей совести. Но... только бы Аллах не пристыдил меня перед Султаном Ахмедом!

Когда Тамерлан увидел белый флаг, обрадовался. «Когда не может победить, меч, это делают жажда и голод».

Парламентарий крепости с белым флагом объявил о ее сдаче. Когда Тамерлан убедился, что крепость сдается, отдал приказ отвести войска к ее подножью.

...Через некоторое время будто произошло чудо. Как только парламентарий вернулся в крепость, небо затянули черные тучи. А когда он подошел к воротам, все собрались на площади. Парламентарий ничего не успел сказать, как небеса загремели, засверкали молнии. Забарабанил дождь, через минуту превратившийся в ливень.

Эмир Алтун воздел руки к небесам.

- Спасибо тебе, о, Аллах! Да буду я твоей жертвой, ты нас услышал, послал дождь.

Через некоторое время заполнились все водоемы, колодцы, возник запас воды на несколько лет. Начальник крепости, радовавшийся как ребенок, обернулся к принцу:

- Ну что ты скажешь на это? Больше у вас нет никаких причин?

Тахир хотя и не ответил, но обиду, нанесенное оскорбление забыть не мог. А дождь, хотя и намочил всех до нитки, продолжался, но никто с площади не уходил. Их горевшие от жажды тела обретали легкость.

Ливень, начавшийся неожиданно, так же и закончился. Громогласные, в исполохах молний черные тучи исчезли с неба. Когда Тамерлан, ожидавший сдачи крепости, увидел, что со стен на них падают камни, понял, что обманулся и вернулся в Нахичевань.

Великий Эмир, прежде чем вернуться в Самарканд, из Султанье отправил в Алинджу сорок тысяч воинов под предводительством Мухаммеда Дервиша Барласа. Алинджа вновь была окружена.

Эмир Алтун со своими воинами время от времени тайными тропами спускался вниз, совершал набеги на Тамерланидов, теми же тропами возвращался назад. Неожиданные набеги начальника крепости пугали Тамерланидов. Все были в тревоге, по ночам не могли спать, поэтому выглядели сильно уставшими. Как ни старался Дервиш Барлас найти эти тайные тропы, но это ему не удавалось. Воины из крепости исчезали как джинны, то появлялись из-за камней, нападали и вновь пропадали. Алинджа мужественно сопротивлялась.

Все продолжалось как в былые времена, но раздор, возникший между Эмиром Алтуном и Эмиром Тахиром, углублялся. Эмир Тахир никак не мог смириться со своим поражением, искал возможность отомстить полководцу. Это понимал и Эмир Алтун. В один из дней Эмир Таир нашел такую возможность.

Когда полководец уходил в дозор, он, как правило, вместо себя оставлял брата. Так было и на сей раз. Давно ожидавшие этого люди Эмира Тахира убили его и захватили крепость в свои руки. Когда начальник крепости вернулся назад, ворота были закрыты. Сын султана стоял на башне и ждал его.

- Эмир Алтун, здесь тебе нет места. Я как наместник султана беру в свои руки защиту крепости. Да, кстати, о брате можешь не беспокоиться, не ходи сюда. Можешь забрать его с собой.

После этих слов он сбросил с башни мешок. Когда Эмир Алтун открыл мешок и увидел окровавленную голову брата, глаза вылезли из орбит, он гневно вскричал:

- Чтобы тебя постигли муки, посланные Аллахом! Я с достоинством и с честью одиннадцать лет защищал крепость для твоего отца. В ответ на мою верную службу ты преподнес мне это?

Сверху раздался хохот.

Эмир Алтун тайными тропами вышел из пределов Алинджи и отправился в Меранд. Однако, правитель Меранда, зная, что Эмир Алтун является заклятым врагом Тамерлана, приказал поймать и казнить его, а его голову отправил Великому Эмиру, только что вернувшемуся из Индии. Смерть такого именитого полководца, как Эмир Алтун, не обрадовала, а напротив сильно рассердила Тамерлана. Он приказал казнить правителя Меранда, а его имущество забрать в качестве трофея.

Оставшиеся в крепости, в знак протеста против действий Эмира Тахира, группами, по тайным тропам, покинули Алинджа. Сын султана, почувствовав беспомощность, забрал казну, семью султана, ушел в Грузию. Алинджа опустела. В незащищенную, пустую крепость Тамерланды вошли в 1399 году. И тем не менее, беспомощная крепость продолжала выглядеть величественной...

Самарканд кипел, готовясь к встрече Тамерлана. Улицы были украшены разноцветными флагами, на всех центральных улицах были расстелены цветастые ковры и паласы. Вдобавок к этому каждый дом вывесил на забор самый дорогой ковер. Услышав о прибытии Тамерлана, народ повалил на улицы. Все, от семи до семидесяти, все, кто мог держаться на ногах, были на улицах. Кроме этого буквально у всех кто-то был в армии, и они с нетерпением ждали их. Сперва в город вошли двести музыкантов, играя на карнаях, зурне, барабанах, комедианты, танцуя, поздравляя всех, принимая приветствия. Народ никогда не видел такого празднества. Потом по улицам провели трофейных боевых слонов. Все от удивления разинули рты. Они по сей день никогда не слышали о таких громадных животных, о них им просто рассказывали небылицы.

- Я слышал, что у этих животных такая крепкая шкура, что ее меч не берет, - сказал один.

- Да, это правда, я тоже слышал. Говорят, что они хоботами вырывают тысячелетние деревья, потом бросают их в людей, - поддержал второй.

- Это еще что? Говорят во время сражения они топчут воинов ногами и хоботами, - живо поддержал говоривших третий.

Как только весь черный, сухощавый индус, сидевший на первом слоне, получил знак, палкой ударил слона, который тут же задрал хобот и протяжно затрубил. Никогда не слышавшие таких звуков горожане сразу заткнули уши. Потом слон затопал ногами и, качая головой вверх-вниз, стал со всеми здороваться. Это произвело совсем другое впечатление, люди увлеченно захлопали в ладоши. А когда они, порой остановившись, становились на задние ноги, поднимая передние, на улицах происходило нечто невообразимое от восторга. Вдруг в начале площади показался Тамерлан на белом коне. Как только разнесся слух об этом, все, забыв о слонах, обратили взор на площадь. В одно мгновение площадь загудела, взорвалась восторженными выкриками, аплодисментами. Великий Эмир, в одеянии победителя, с гордо поднятой головой сидел на разукрашенном коне. Казалось, и конь чувствовал победную грандиозность, шагал по драгоценностям, разбрасываемым слугами. Солнечные лучи в высыпаемом в воздух золотом песке и во флагах цвета разноцветного перламутра создавали очень интересное свечение. У мужчин и женщин, с рвением кричавших, уже не было голоса. А дети бросали воинам, следовавшим за Эмиром, охапки цветов. Если Эмир ехал молча, не глядя ни на кого, воины, напротив, смеялись, кричали, здоровались, размахивали руками. За двадцать девять лет правления Тамерлана такого грандиозного возвращения из похода у него не было. На самом деле жители Самарканда были привычны к тому, что Тамерлан уходит в поход и возвращается победителем. Никому даже в голову не приходило подумать об обратном. Это празднество обошло все прежние. Победа была так велика, а трофеев было так много, что многие просто этому не верили. Тамерлан опустошил все сундуки Индии. Самарканд же превратился в мировой центр торговли, культуры, богатства и политики. Праздник продолжился раздачей сладостей, выступлениями

канатоходцев, силачей. Потом на площади было открыто громадное застолье, всем раздали плов с жареным мясом. Потом этот праздник распространился на области, в города и деревни.

Через несколько дней праздники в честь победы поутихли.

На третий день после возвращения Тамерлан начал проверять Самарканд. Он ходил по всему городу, интересовался каждой мелочью. Сперва Тамерлан пошел в сад под названием Тахта-Гараш на севере города. Потом посетил медресе Шахи-Зинде, построенное Сарай-Мюльк. Он даже проверил расходы на это строительство. Не погнушался по дороге проинспектировать все бани города. Далее побывал в садах Чинар и Райский. Обратил серьезное внимание на то, как выполнялись его указы, приказы на аресты и наказания. В этот момент если какой-либо чиновник не мог доказать справедливость решения, его ждало наказание. В центре внимания, в основном, были вопросы различий по национальной принадлежности, взятки и местничества. Его чиновники получали солидное жалование, из трофеев им тоже выдавалась определенная часть. Ему навсегда запомнились мысли, высказанные Сейидом Берке: взятки наносят вред финансовой системе, разрушают ее, местничество же дробит страну. При нем, его правлении этим мало кто мог заняться. Такие находились в дальних провинциях, которыми руководили наместники. Но если он прознавал про их действия, то наказывал лично. Очередным, кто должен был быть наказан, был его родной сын Мираншах.

Тамерлан не забыл и мечети. В ходе пятничного намаза, где он должен был участвовать, все правоверные ждали его выступления. Тамерлан коротко выступил, возблагодарил Аллаха за мастерство и могущество тюркско-исламской армии. Потом объявил о решении построить в Самарканде самую большую в мире Пятничную Мечеть. Мечеть в его представлении в то же время должна была отличаться красотой и величием. Увидев, что его идея строительства мечети подержана, он утвердил свое решение. Дал задание срочно подготовить проект мечети. Около двухсот каменщиков, привезенных из Индии и Азербайджана, приступили к работе. А пятьсот человек были отправлены в горы, пилить камни. Девяносто пять слонов, закованных в цепи, возили эти камни в Самарканд. Контроль над проведением всех работ был возложен на принцев. Позже эта мечеть стала популярной под названием Биби ханум.

...Султан Халил сразу после прибытия в Самарканд исчез с глаз и бросился искать Шады Мюльк по имени Лятафет. Ему сообщили, что Шады Мюльк больше нет во дворце. Но он не успокоился, пока не узнал подробности. Выяснил, что Лятафет удочерил один из мастеровых. Султан Халил, расспросами нашел дом мастера Гасана...

...Весна только наступила, зацвели деревья. На ветках были лопнувшие почки и распустившиеся цветы. Солнце то показывалось, то пряталось за облаками, дул холодный ветер. Мастеру Гасану было шестьдесят пять лет. Серебристая борода придавала ему благообразность. Он был глубоко верующим и терпеливым человеком. Уже обретший в Самарканде дом, мастер Гасан был из тех, кого одним из первых в первый поход Тамерлана в Азербайджан пленили в Тебризе и привезли сюда. От того, что его семья осталась в Тебризе, он построил здесь себе дом, заложил сад, но семьей не обзавелся, предпочтя жить один. Он был прекрасным мастеровым. За его способности Тамерлан лично с ним познакомился. Лятафет отдал ему в удочерение именно в знак почитания. Это его очень обрадовало, а когда он узнал, что она из Азербайджана, Ширвана, радости не было предела. Поинтересовался и причиной ее удаления из дворца, узнал истинную правду. Так как Шады Мюльк молчала по этому поводу, он, в свою очередь, решил не раскрывать эту завесу между ними, ничего не спрашивал. В чем была виновата бедная девушка, если в нее влюбился принц?..

Когда Султан Халил, стоя у забора, крикнул «Эй, есть дома кто?», мастер Гасан был во дворе. Сидя за гончарным кругом, ногой вертя его, напевая азербайджанские мелодии, руками держал закрепленный на круге кусок глины, который постепенно под его умелыми движениями превращался в кувшин. В гончарном деле эта операция называлась «ичачма»⁶⁴. Услышав вдруг голос с улицы, он перестал вращать гончарный круг и повернулся в сторону зовущего. Кажется, кто-то пришел к нему в гости. Гончарный круг, по инерции покрывшись, остановился. Гончар вытер руки, встал и со словами «иду» открыл калитку и вышел на улицу. Он увидел на лошади высокого, красивого юношу. Кого-то он ему напоминал. Потом он его узнал по одежде и осанке. Это был принц Халил Султан! Гончар тут же вспомнил Шады Мюльк.

⁶⁴ Буквальное значение — «открыть внутренность»

А Халил Султан, увидев перед собой благообразного мужчину, немного застеснялся, но поздоровался сразу.

- Салам алейкум, аксакал! Это дом мастера Гасана?

Мастер поправил свой халат, произнес в ответ «аллейкум салам». Однако, больше ничего не говоря, молча распахнул ворота, протянул руку, приглашая во двор. Принц сразу его понял, спрыгнул с лошади и, взяв ее под уздцы, прошел во двор. Привязывая лошадь к ближайшему вишневому дереву, он краем глаза оглядел двор. Двор был хотя и небольшим, но очень аккуратным. Все деревья были побелены известью. Был и небольшой бассейн. Стены одноэтажного дома, построенного из кирпича-сырца, тоже были побелены известью. Перед домом стояли многочисленные готовые кувшины, посуда для приготовления пищи⁶⁵, другие гончарные изделия, готовые к продаже. Принц подошел к уже обожженным, покрашенным, блестящим кувшинам, покрытым различными узорами. Среди красивых рисунков были написаны изречения из Корана. Принц прочел одну из надписей: «Первыми врагами Аллаха являются те, кто, надев маску благочестия, занимаются бесчестьем, как хищники пьют кровь народа».

- Прекрасное изречение! И красивые узоры! Настоящее произведение искусства!

- А что ты умеешь? - спросил вдруг доселе молчавший гончар.

Принц от неожиданного вопроса хоть сперва слегка и растерялся, но потом ответил решительно и гордо.

- Я умею падишахствовать и буду падишахом!

На лице мастера появилась улыбка. Но он не отреагировал на слова принца, сделал серьезное лицо.

- Принц, а правитель знает, что вы здесь?

- Нет, никто не знает!

- В Самарканде не бывает такого, чтобы об этом когда-то не узнал Великий Эмир. Ты понимаешь, что подвергаешь себя, девушку и меня опасности? Правитель тотчас может издать указ о нас!

Принц понял, что этот кроткий, благообразный мужчина все знает, и ему стало жаль его. Но отступить от намеченного не собирался.

- Аксакал, не то, что указ, даже если небеса разверзнутся, я от своей любимой не откажусь! Шады Мюльк дома?

⁶⁵ Блюдо из баранины, готовится в кувшинчиках под названием «допу»

Мастер понял, что разговор с принцем бесполезен, и вошел в дом. С утра с биением сердца глядевшая на дорогу, Шады Мюльк-Лятафет, услышав, что пришел принц Халил Султан, вздрогнула. Только проснувшись, она уже чувствовала, что будет любимой. Будто чувствовала, что любимый придет именно сегодня. Девушка так обрадовалась, что не смогла скрыть своей радости и блеска глаз. Быстро покрыла голову шалью, вышла во двор, сделала несколько шагов, остановилась. Такт шагов, приближающихся навстречу, совпал с биением ее сердца. Она опустила голову. Халил Султан, увидев ее, остановился. Гулкие удары сердца отдавались в ушах юноши. Длинные ресницы Шады Мюльк бросали тень на ее алые щеки. За прошедший период она еще более похорошела.

Принц машинально поздоровался с ней. А Лятафет казалась обиженной. Принцу захотелось взять ее за руки, но, поняв, что старик смотрит на них, он воздержался от этого жеста. Они молча стояли друг против друга. С трудом сдерживавшийся принц все же не удержался от вопроса.

- Ты почему молчишь?

Лятафет, кокетливо шагая, подошла к бассейну, села на краешек. Принц подошел, уселся рядом. Лятафет опустила руку в воду.

- Я обижена на тебя, - сказала она.

- Почему?

- Ты уехал, но ни разу не прислал весточку, что жив-здоров. Я все глаза проглядела, вся извелась в ожидании.

Принц попробовал оправдаться.

- А куда и кому я должен был отправить известие? Несколько раз я пытался выяснить, но никто не сказал, что видел тебя. Я подумал, что мой дед отправил мою голубоглазую в далекие края. И только вернувшись в Самарканд, я стал искать тебя. Наконец, смог узнать, что ты здесь.

Девушка улыбнулась.

- Значит, ты меня не забыл! Тогда рассказывай, как прошел ваш поход.

Халил Султан рассказал про походную жизнь, про ее тяготы, сражения, и, наконец, о том, как поймал слона и подарил деду. Слушая рассказ, Лятафет то испытывала чувство гордости за него, та не нее напал страх за то, что он участвует в таких опасных сражениях. В любом из этих сражений ее любимый мог погибнуть. Если остался

жив, значит, Аллах услышал ее молитвы во время намазов. Хот бы Аллах позволил им соединиться!..

Принц, вдруг будто что-то вспомнив, встал, подошел к коню, снял с него притороченный хурджун. Вытащил из него различные золотые украшения, разложил на краю бассейна.

- Все это я привез тебе, моя голубоглазая. – Взял тяжелое кольцо с большими бриллиантами, протянул девушке. – На, надень, тебе это очень подойдет.

Девушка взяла драгоценное кольцо, надела на себя. Но, в отличие от кольца, перед ней стояло нечто более драгоценное.

- Спасибо! Но для меня лучший подарок то, что ты жив-здоров!

Вдруг с улицы донесся стук многочисленных копыт. Халил Султан же по стуку копыт определил, что это боевые кони. Мастер Гасан вышел на улицу встретить прибывших. По внешнему виду, одежде этих людей было ясно, что они прибыли из дворца. Один из них спешил, не обращая внимания на мастера, прямо прошел во двор и направился к принцу. Подошел, склонил перед ним голову.

- Правитель зовет принца во дворец.

В этот миг Халил Султану вспомнились слова, сказанные мастером. С ним, ну и ладно, но он поставил под удар их. Но, не говоря ни слова ни прибывшим, ни мастеру, сел на коня и выехал со двора.

В 1397 году на севере Самарканда Тамерлан заложил большой, красивый сад, назвав его «Северный сад». Территория сада была огромной. По приказу Великого Эмира со всех концов света сюда привезли различные экзотические растения и деревья. Дороги, проведенные в саду со всех сторон, вели ко дворцу в центре. Пол дворца был выложен фаянсовыми плитами. Но Тамерлан вместо больших, дорогих дворцов предпочитал обычный походный шатер. Здесь он себя чувствовал спокойно и в безопасности. Поэтому, все построенные дворцы и комнаты в них напоминали шатры.

Великий Эмир очень любил северный сад и дворец в нем. Когда он услышал о возвращении любимой невестки, устроил ей пышную встречу за пределами города, потом разместил ее в этом дворце.

Возвращение невестки подтверждало услышанное им о Мираншахе. Вместе с принцессой вернулись и люди, которым было приказано контролировать Мираншаха.

На следующий день, когда Тамерлан спешился возле дворца, Севим ханум ждала его как настоящая хозяйка дворца. Принцесса подошла к нему и слегка склонила голову. Когда эта красивая и умная Севим ханум из рода Чингисхана вышла замуж за сына Тамерлана Джахангира, она однажды спасла Хорезм. А после смерти Джахангира по обычаю она могла выйти замуж за его брата. Оставлять женщину вдовой надолго, не имея на то особых причин, претило шариату. А то, что невестка Эмира может положить голову на подушку совершенно чужого человека, считалось предосудительным поступком. Поэтому ее выдали замуж за Мираншаха. Тамерлан, поцеловав в лоб невестку, еще раз произнес «добро пожаловать», потом, волоча ногу, прошел к трону, установленному среди кустов красивых роз. По предложению Эмира она села напротив него на табурет и, опустив голову, стала ждать, что скажет тесть.

Тамерлан немного помассировал левой рукой правую, которая вот уже некоторое время его беспокоила.

- Чувствую, что есть серьезная причина неожиданного приезда, причем без Мираншаха.

- Да, это так, правитель. Азербайджан под угрозой и в любой момент может выйти из-под вашего влияния. Если вы не остановите Мираншаха, это случится очень быстро, - не поднимая головы, но возбужденно сказала она.

Тамерлан, почувствовав возбуждение невестки, успокоил ее.

- Ладно, успокойся, ты не перед ним, не бойся. Расскажи все как есть, но спокойно, все по порядку.

Слова и тон тестя успокоили ее.

- Все началось с того, что Султан Ахмед убрал его из Багдада и сам сел на его место. С этого дня у Мираншаха стали портиться нервы. Он несколько раз пытался взять Багдад, но безуспешно. А после того, как упал с лошади, начал заливать боли в теле вином, опиумом, приобщился к оргиям. Все свои неудачи связал с вами.

Тамерлан удивился.

- Почему со мной?

Принцесса ждала этого вопроса.

- Мираншах каждый раз говорил: «Мой отец самый известный человек в мире. Что я должен сделать в сравнении с полководцем, чтобы после смерти остаться в памяти всех?». Но не смог найти умно-

го решения, не хватило дарования стать равным вам. Напротив, стал делать невообразимые шаги и жестокости. Даже в мечети устраивал оргии, разбрасывал из окон дворца золотые монеты. А когда казна опустела, начал совершать куда-то набеги, грабить и убивать. Окружение начало его сталкивать с народом. Стал врагом с правителем Шеки Сейид Али Арлатом. Якобы подозревал его в чем-то. Не проверив сведения, пошел походом на Шеки, разрушил город. Изданные им указы хлипкие, неустойчивые. По имеющимся у меня сведениям, народ за его спиной смеется, издевается над ним. Народ уже устал от него. Разве можно увеличивать налоги без нужды? По этой причине то там, то здесь вспыхивают восстания...

Чем больше говорила невестка, тем лучше Тамерлан представлял себе действия сына и огорчался. О том, что это абсолютная правда, он уже не сомневался. «На кого он похож?», - с горечью подумал Тамерлан. «Ах, неблагодарный!», - покачал головой правитель.

- В султанате испоганил могилу принца Хулаки, разрушил дворец. Стер с лица земли могилу Фейзуллаха Решиэддина, его кости заставил перезахоронить на еврейском кладбище. Дело даже дошло до того, что он приказывает казнить сейидов, судей, которым покровительствует правитель!

- Даже их?

- Да, мой правитель, даже их. Виновником восстания в Тебризе является он сам. Люди собрались на древний обряд, чтобы вызвать дождь. Есть такой обряд «году-году». А он воспринял это как протест, приказал всех зарубить мечами. Но народ, поднявшись на ноги, стал убивать воинов. Дворец превратился в гнездо разврата. Несколько раз, никого не стесняясь, назвал меня беспутной.

Севим ханум постеснялась сказать тестю, что говорил Мираншах о нем, опустив голову, промокнула глаза платком.

- Продолжай, дочка, - гневно попросил Тамерлан.

- Но он говорит, что после него о нем не останется величественной памяти. Поэтому приказывает разрушать все величественные здания. «Мираншах ничего не смог построить, но взамен смог разрушить все хорошее». Так он считает, чтобы о нем говорили потом. Но это еще не все. – Севим ханум немного помолчала.

Тамерлан понял, что самая большая мерзость еще впереди.

- Что еще?

Принцесса глубоко вздохнула.

- Основное то, мой правитель, что везде, где бывает, говорит, что мой отец совсем постарел, сильно болеет. Среди его наследников достойных много. Пусть он отдаст власть кому-то, а сам сидит в мечети, читает Коран.

Да, это было последней каплей. Левая щека Тамерлана начала подергиваться. Но он не торопился сразу принимать решение. Стоящая перед ним мишень была его собственным сыном. Даже если после этого он разрушил бы весь мир, раскаяние оказалось бы поздним. Надо было все заново перепроверить. С горькой улыбкой на устах он встал. Встала и принцесса.

- Иди, отдохай, дочка! Наслаждайся красотами Самарканда. Будь спокойна, я приму нужное решение.

Волоча ногу, Эмир пошел к своему коню. Слуга помог вдеть ногу в стремя и сесть на лошадь. Когда он выезжал из Северного сада, внук Халил Султан стоял у входа. Прошлый раз он не вызывал принца, не отчитывал его. Просто сказал одну фразу: «Эта девушка окрутит тебя, будь умнее». На этом разговор был окончен. Видя, что Халил Султан стоит с другими принцами, решил его при них не ругать. Однако, проезжая мимо них, натянул повод, остановил коня и посмотрел прямо на Халила Султана.

- Готовься, уходим в поход.

Как только Тамерлан вернулся в Голубой дворец, он выслушал людей, которые вернулись из Азербайджана. Они подтвердили все, что говорила принцесса. Больше причин не ехать в Азербайджан не было. И медлить нельзя было. И без того во дворце он чувствовал себя скованно, хотелось в степи. Хотя и не прошло много времени, но он уже скучал по запаху полыни, который овеивал его шатер.

Со всеми гонцами Тамерлан отправил указ: «Армии готовиться к семилетнему походу!» Это известие с быстротой молнии дошло до каждой области, до каждого дома. Будто вся страна соскучилась по походу.

Эмир поручил управление Мевранехром своему внуку Мухамеду Султану. А сына Омара Шейха принца Искендера отправил охранять границы Андижана.

В 1399 году Тамерлан отправился в Азербайджан. В Азербайджане его ждали многие, кроме одного – Мираншаха.